

НЕ СВЯТОЙ

ОДИНОЧНЫЙ ТЕМНЫЙ РОМАН

РИА УАЙЛЪД

Святой.

Справедливый. Щедрый. Терпеливый.

Эти слова никогда не ассоциировались у меня с Габриэлем Сэйнтон.

Он был монстром. Дьявол, преследовавший город Редхилл.

И он нашел меня.

Мне удалось на время спрятаться от своего прошлого, настоящего и будущего.

Но я должна была знать, что они придут искать меня, в конце концов, у меня на руках был наследник города, и если я что-то и знаю о правящей преступной семье, так это то, что близкие стоят на первом месте.

Когда Габриэль приходит за мной, я борюсь, но знаю, что это бесполезно, а когда он заставляет меня стать его женой, я клянусь сделать его жизнь настолько несчастной, насколько это возможно.

Но что-то было в этом мужчине. Что-то, что мне хотелось разгадать, разобрать на части, чтобы найти все кусочки, которые сделали его тем, кем он был.

То, что я обнаружила, было не тем, чего я ожидала.

Ему нужно мое сердце.

Он хочет, чтобы я была его женой не только в этом клочке бумаги, который нас связывает.

И чем больше времени я провожу запертой с боссом мафии в его доме на склоне скалы, тем больше частей меня он крадет себе.

Но с этим образом жизни приходит кровь и насилие, а у нас был кто-то, кто решил заставить нас заплатить...

Риа Уайльд

Не святой

Перевод был выполнен в целях ознакомления каналом:

«Favorite.books1» — t.me/favoritebooks1

Информация для читателей:

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места и происшествия являются плодом воображения автора или используются вымышленно. Любое сходство с реальными событиями, местностями или людьми, живыми или умершими, является случайным.

Пожалуйста, НЕ используйте русифицированные обложки книг в таких социальных сетях, как: Тик Ток, Инстаграм, Твиттер и Фейсбук.

Предупреждение:

Обратите внимание, это *мрачный* мафиозный роман.

Действия, предпринятые героем, в лучшем случае сомнительны, и некоторые читатели могут счесть их провоцирующими.

Сюжет предназначен только для взрослой аудитории!

Это для тебя, читатель.

Без тебя эта история так и осталась бы в моей голове.

А теперь иди, Габриэль ждет...

Глава 1

Габриэль

Мои пальцы сгибаются по бокам — единственная эмоция, которая проявляется на моем теле. Из тяжелых густых облаков сверху льет дождь, шум которого эхом отдается в тихом месте у воды. На горизонте беспорядочно плавают суда, привозящие контейнеры с товарами, а впереди меня скрипит и стонет кран, поворачиваясь на вращающемся механизме, когда автомобиль поднимают над поверхностью воды.

Черный седан уже не был похож на машину, его кузов был смят и раздавлен, вода заполнила салон и выплескивалась через разбитые стекла, чем выше он поднимался из воды. Внутри не было тел, но мне не нужно было их видеть, чтобы понять, что они мертвы. Нам повезет, если мы найдем хоть один труп. Воды, окружающие город, были глубокими и беспокойными в такую погоду, и вероятность того, что их тела все еще находится в этом районе, была невелика. Скорее всего, они были где-то на дне, если от них вообще что-то осталось. Крики и приказы доносятся от экипажа, который маневрирует на площадке, медленно опуская машину, чтобы не уронить уже разбитый автомобиль.

Я смотрю, впиваясь ногтями в ладони. Дождь пропитал мой костюм, намочил дорогой материал и прилип к влажной коже. Капли стекают по моему лицу, застилая глаза, но я не двигаюсь и не ищу укрытия от бури. Шаги справа от меня заставляют меня повернуть голову в сторону звука: ко мне бежит мужчина, одетый в длинный бежевый плащ, большой зонт укрывает его от дождя, хотя это никак не помогает брызгам, летящим от его ног и на брюки.

— Мистер Сэйт, — приветствует он, затаив дыхание. Я обращаю внимание на коричневую папку, зажатую в его руке и прижатую к груди, чтобы защитить ее от промокания.

Я молча протягиваю руку, и следователь нерешительно протягивает ее мне, загибая пальцы по краям, словно не желая передавать мне информацию.

Интересно.

— Прежде чем я передам это вам, мистер Сэйт, я хочу убедиться, что вы понимаете мое беспокойство за вашу семью.

— Они вас не касаются, — сурово говорю я ему, не выдергивая папку и не выхватывая ее, поскольку он сам отдаст ее мне. — Я надеюсь, что здесь есть все. Даже доказательства, которое я просил.

— Да, сэр, это то, что вы подозревали.

— Хорошо, — говорю я

Он, наконец, отпускает папку, и я засовываю ее в пиджак, придерживая рукой.

— Пройдитесь со мной, мистер Гарретт.

Следователь сглатывает, но шагает рядом, не отставая, пока мы идем к краю, где вода бьется о бетонные блоки внизу. Белая пена взлетает в воздух, часть из них падает на землю и бежит по бетону, сливаясь с лужами дождевой и морской воды, которые уже находятся на земле.

Он нервно тербит ручку зонтика, сжимая ее так крепко, что кожа на костяшках пальцев побелела. Мужчина был напуган. Как и должно быть.

— Вы обсуждали это дело с кем-нибудь, кроме меня? — спрашиваю я.

— Нет, сэр.

Я киваю, зная, что это ложь. Я ненавижу лжецов.

Он сглатывает, переминаясь с ноги на ногу.

Позади меня машину бросили на землю, оставшаяся внутри вода выплеснулась наружу и попала на мои ботинки, принесся с собой мокрые водоросли и несколько мелких рыбок, бесполезно хлопающих на мелководье вокруг моих ног.

— Я... — мистер Гарретт запинается. — Я хочу расторгнуть нашу договоренность, мистер Сэйт.

— Правда?

Я ухмыляюсь, небрежно протягивая руку к пистолету, спрятанному сзади за поясом. Он не замечает этого движения, предпочитая наблюдать за судами, медленно приплывающими к пристани.

— Да, мы с женой хотели бы выйти на пенсию. Немного попутешествовать.

Он хотел бежать с деньгами, которые получил за продажу информации, содержащуюся в папке. Он работал у меня уже несколько лет, знал, как все работает, как я за всем слежу и все вижу. В конце концов, он был не единственным следователем в моем штате.

Я беззвучно снимаю пистолет с предохранителя, поднимая оружие в сторону его головы.

— Мистер... — он не успевает закончить фразу, так как я нажимаю на курок, заставляя его замолчать.

Кровь брызжет мне на лицо и на белую рубашку, но я не двигаюсь, чтобы вытереть ее, наблюдая, как его тело безжизненно падает на землю, в лужу, вода в которой становится красной.

Мне не нужно приказывать убирать, поскольку двое человек уже подходят к мужчине, цепляют бетонные блоки к его лодыжкам и запястьям, затем выворачивают его карманы, кладут бумажник, ключи и телефон в сумку, а затем катят тело, бетонные блоки скребут по

полу.

Они поднимают их на край, толкают ногами в воду, заставляя тело следовать за ними. Проходит несколько секунд, прежде чем он начинает тонуть, но я продолжаю наблюдать, абсолютно ничего не чувствуя, когда тело следователя начинает погружаться, вниз, вниз, вниз, поглощаемое тьмой, чтобы никогда больше не видеть света.

Я достаю из кармана салфетку и провожу ею по лицу, вытирая кровь.

— Продолжайте поиск, — говорю я окружающим меня людям. — Никто не уйдет, пока не будет найдено тело.

Я приказываю, имея в виду задачу, которая привела меня сюда в первую очередь. Это было невыполнимое задание, я знал это, но та семейная связь, которая тянет за собой горе, которое я отказываюсь показывать, заставляет меня произносить слова.

Они кивают, сами зная это.

Тело моего брата так и не было найдено, но его секреты так и не были похоронены вместе с ним.

Глава 2

Габриэль

Машина медленно выезжает со склада, под шинами хрустит гравий, а я наблюдаю за тем, как мои люди продолжают смывать кровь, окрасившую землю. Оторвав взгляд от происходящего, я опускаю его к папке, лежащей у меня на коленях, и открываю ее на первой странице.

На меня смотрят две пары глаз: одни — цвета неба, голубые, настолько яркие, что кажутся почти неоновыми на фоне загорелой кожи женщины, вторые — цвета лесного ореха¹, почти слишком большие для маленького лица ребенка, на котором они находятся.

Мальчик унаследовал все черты: темные волосы и ореховые глаза, и горе, которое я не хотел выпускать наружу, kloкотало в моей груди, напоминая о боли, о потере.

Я закрываю папку, когда водитель выезжает на дорогу и вливается в плотный поток машин в районе Марина. Дождь не прекращается и не ослабевает, он неустанно хлещет по городу Редхилл, штат Калифорния, заливая пешеходов, рискующих полностью быть мокрыми, и затопляя дороги. Воздух был густым от влажности, надвигался шторм, тяжелые темные тучи неслись по небу с такой же скоростью, как и вода, разбивающаяся о берега.

Мой водитель объезжает пробки, выезжая из района Марина в центр города, где дороги более оживленные, дым и смог поднимаются от машин и зданий, окружающих нас.

Редхилл на протяжении многих поколений был домом Сэйнтов. Мой прапрадед вместе со своей женой иммигрировал из Италии, положив начало правящей семье, которой теперь принадлежала большая часть города и некоторые прилегающие территории. Это далось дорогой ценой. Коррупция была глубокой, мораль была утрачена, так как моя семья до этого избивала и убивала, прокладывая себе и своей семье путь к вершине, пока никто не задавался вопросом, кто здесь главный.

Мы держали короны, и жители этого города склонялись перед нами. Теперь трон принадлежал мне. Последнему истинному Сэйнту, чья кровь совпала с кровью первого Сэйнта, ступившего на землю Редхилла и объявившего его своим.

Семья — это все, что имело значение. Мы заботились друг о друге, убивали друг за друга. Пока мы были на одной стороне, мы всегда оставались при власти. Мы контролировали деньги, наркотики, оружие.

Корпорации и предприятия приумножали наше богатство, а мы в ответ укрепляли их,

поддерживали и защищали. Полицейские были на нашем содержании, правительство — в наших руках. Мы управляли всем этим, дергали за ниточки, пока они были марионетками, а мы — их хозяевами.

Никто не смог остановить нас за все эти годы, и никто не посмеет попытаться сейчас. Я буду продолжать убивать ради семьи, и то тело, которое я выбросил сегодня в воду, не было первым и не будет последним.

Я не буду оплакивать своего единственного настоящего брата, старшего из нас двоих и предыдущего правителя Редхилла, пока не найду виновного в его смерти. Все выглядело как несчастный случай: он потерял управление своей машины, погрузил ее в воду, окружающую город, и его тело унесло в море, но пока это не будет доказано, расследование будет вестись. И если я узнаю, что кто-то перешел дорогу семье Сэинтов, наказание будет медленным. Мучительным. Я заставлю их пожалеть о том, что они родились, когда закончу с ними.

У нас было много врагов, многие хотели получить то, что имели мы, и покушения на нашу жизнь были обычным делом. Они часто выбирали таких людей, как мистер Гарретт, платили им за информацию в надежде, что они смогут что-то выведать и использовать против нас. Меня уже не удивляло, что мои люди переходили на вражескую сторону, но когда они это делали...

Именно поэтому он был мертв. Он перешел нам дорогу, продав то, что было в этой папке, одной из других семей, чтобы использовать против нас, какой именно, я пока не знал. Но я оставался на шаг впереди. Я всегда так делал.

Выехав из центра Редхилла, водитель, ориентируясь по улицам, повез меня к пляжу, где на многие мили простирались золотистые пески, море разбивалось о берег, а дождь и ветер умирляли океан, прежде чем подняться на холм. Мой дом стоял на склоне скалы, с одной стороны которой виднелась вода, а с другой — город. Со своего балкона я мог видеть весь город, мог видеть королевство, построенное на крови, поте и слезах.

Машина останавливается во дворе перед большим, в основном стеклянным зданием, внутри которого мягко светятся огни, а сотрудники ходят по коридорам и заходят в многочисленные комнаты. Я вижу Атласа, моего сводного брата, который ждет в фойе, наклонив голову, читая что-то на телефоне.

Отношения между нами, включая его близнеца Ашера, были непростыми. Дети рожденные от неверности моего отца, имели право на семейный бизнес, но никогда не могли править. Мои предки установили правила и законы, которые мы соблюдали: дети, рожденные вне брака от прелюбодеяния, наказывались. Им отводились роли, но не корона. Атласу и Ашеру суждено было стать просто пешками, которыми я мог пользоваться. Были и другие правила, передававшиеся из поколения в поколение, и мы все их знали, включая моего покойного брата, но он хранил эту тайну и игнорировал те законы, которые укрепляли нашу семью на протяжении многих лет.

Некоторые из них могут быть архаичными, но они существовали не просто так, даже если для постороннего человека они не имели смысла.

Сжимая в руках папку, я вылезая из машины, когда мне открывают дверь, водитель стоит и ждет, пока я войду в дом, прежде чем залезть обратно и уехать.

Атлас поднимает взгляд на меня, убирая телефон в карман, а его глаза опускаются на папку. Между его бровями образовалась складка, но он знал, что находится внутри. Все близкие мне люди знали.

— Навестите жену мистера Гарретта, — приказываю я. — Выясните, что она знает, а

затем избавьтесь от нее.

Я не прошу дважды, он сам подчиняется и делает то, что я прошу.

Нахожу маму на кухне, но второго сводного брата нигде нет. Она видит папку, глаза расширяются.

— И? — я киваю один раз, и она откидывается в кресле, немного расслабляясь. — А Лукас?

— Его машину вытащили с пристани сегодня утром, — горе искажает ее черты, слезы мгновенно наворачиваются на темные глаза, рука сжимает грудь. — И нет, его тело до сих пор не найдено.

— Надежда еще есть, — шепчет она, ее голос наполнен эмоциями.

Я сомневался в этом. Лукас пропал уже три недели назад, его машину обнаружили только сейчас. Он бы не остался в стороне, не убежал, а если бы убежал, мне пришлось бы убить его самому.

Но Лукас был мертв, другой альтернативы не было.

Я понимал ее горе и отрицание: ее старший ребенок умер, а она не попрощалась. Я положил руку ей на плечо и просунул перед ней папку. Возможно, это поможет ей успокоиться, пока я решаю, что делать с этой новой информацией.

Ребенок на этой фотографии принадлежал моему брату, который стал отцом шестнадцать месяцев назад. Он знал о ребенке и решил скрыть это от нас, оставив мать воспитывать ребенка в одиночку с неправильной фамилией.

Мальчик принадлежал Сэнтам.

Он был следующим поколением.

И он должен был достаться мне.

Глава 3

Амелия

Я опаздывала. Я взглянула на часы на приборной панели своей машины: у меня было чуть больше десяти минут, чтобы проехать шесть миль по городу в час пик. Это казалось невозможным.

Не тогда, когда машины впереди меня стояли, гудки и крики отдавались эхом в шуме, который никак не способствовал движению транспорта. Не знаю, как я потеряла счет времени. В баре, где я работала, было многолюдно, даже больше, чем обычно в будний день, и я, как и другие девушки, работавшие там, была выбита из колеи. Если бы не Джулия, практически кричавшая мне, чтобы я уходила, я бы, скорее всего, все еще была там, подавая напитки и еду мужчинам, которые забредали сюда для сомнительных деловых встреч и сделок. Бар был не самым благополучным местом в городе, и богачи приходили туда только днем в течение недели.

Я в основном не обращала на это внимания. Я была не чужда темной стороне жизни, и меня не очень волновало, было ли то, что они делали, незаконным или нет.

Двигатель моей старой машины пыхтел, работая на износ, пока дворники стояли на месте, не в силах очистить лобовое стекло от падающих капель. Весь день шел сильный дождь, и если я не смогу заставить их работать нормально, то неважно, опоздаю ли я, потому что я не смогу увидеть, куда я еду.

Я наклоняюсь над рулем и сильно бью кулаком по стеклу, заставляя это чертовы палки сдвинуться на дюйм. Я делаю это еще два раза, и они, наконец, начинают вилять из стороны в сторону, очищая окно.

Мы немного продвигаемся вперед, но все равно остаемся в пробке.

Я не могла позволить себе штрафы за опоздание, которые детский сад взимал бы с меня за это.

— Шевелись! — присоединился мой голос к хору других сердитых и нетерпеливых людей, не понимая, на что или на кого я кричу, но, тем не менее, чувствуя себя лучше. Крики всегда помогали.

Я достаю телефон и набираю номер воспитательницы, чтобы сообщить ей об этом. Если я хочу оставить Линкольна там ненадолго, то мне придется заплатить за это. Мне нужно будет придумать, откуда взять деньги. Ограничить питание и покупку дорогих продуктов уже не вариант, поскольку теперь сын ел не только овощные пюре. Но, наверное, с наступлением лета отопление можно будет отключить, когда дни потеплеют и наступит разгар сезона. Ночами в квартире все еще было немного прохладно, но я смогу с этим справиться.

Вздохнув, я говорю, что задержусь, зажав язык между зубами, когда мне объясняют, что за это надо платить, и кладу трубку, откидываясь в кресле, пока машины ползут по пробкам.

Через тридцать минут я уже была на стоянке у детского сада и трусцой под дождем побежала в здание. Молодая девушка за стойкой регистрации мило мне улыбается и просит вывести моего сына из группы.

Мое настроение меняется, как только я смотрю на него. Он хихикает, на его пухлых щеках появляются ямочки, ореховые глаза светятся невинностью. Он что-то бормочет, а как только видит меня, то бьется в объятиях женщины, пытаюсь вырваться ко мне. Я тут же беру его на руки, обхватываю и прижимаю к своему бедру, осыпая его лицо поцелуями. Расписавшись в счете за услуги, я выхожу из садика.

Я была рада, что завтра у меня выходной, особенно после сегодняшнего стресса, к тому же я хотела провести время с моим мальчиком.

Быть матерью-одиночкой тяжело. Никогда ничего не было достаточно хорошо. Никогда не хватало времени и денег.

Но я справилась

И я нисколько не жалею о том, что выбрала такую жизнь.

Конечно, хотелось бы, чтобы все было по-другому, но мечты — это для детей, а реальность была жестока.

Я усаживаю Линкольна в автомобильное кресло на заднем сиденье и пристегиваю его ремнями. Он хихикает, когда я щекочу пальцами его живот, и я улыбаюсь, глядя на его милое маленькое личико, пока по моему позвоночнику не пробегает предупреждающая дрожь. Застыв, я заканчиваю пристегивать его и выпрямляюсь, оглядываясь через плечо.

Я выросла и пережила свое прошлое, поэтому я была не настолько глупа, чтобы игнорировать свою интуицию.

Дождь мочит мои волосы и одежду, но я не двигаюсь с места, осматривая окрестности, заглядывая в каждую тень на стоянке, где я припарковалась. Я никого не вижу, но это не значит, что их там нет.

Я выбрала этот детский сад, потому что он находился в более тихом и приятном районе города. Он был дороже, но лучше, чем те, что находились ближе к бару, в котором я работала, и к месту, где мы жили. Мне было неважно расстояние, если это означало, что о моем сыне заботятся и он в безопасности.

Я не спешу и не бегу к водительской двери, поскольку не хочу привлекать к себе

внимание. Завожу машину, затаив дыхание, наблюдаю, как двигатель тикает, грозясь не завестись, но потом он заводится, и я сдаю назад, вливаясь в поток машин. Я слежу за зеркалами заднего вида, чтобы убедиться, что за мной не следят.

Многие назвали бы это паранойей, я же называю это выживанием.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я в последний раз видела кого-то из своей прошлой жизни, но я сомневаюсь, что они забыли обо мне. Они были жестоки, неумолимы и злобны настолько, что пытались одурачить меня ложным чувством безопасности, чтобы потом прийти и снова попытаться отнять его у меня.

Последние два года были единственным временем, когда я была в каком-то смысле свободна. Беременная я была им не нужна, а после рождения сына я наконец научилась постоять за себя, говорить им “нет”, а после убегать от них. Я бы спасла своего сына. Я бы не позволила ему расти в подобной среде.

Я осторожно ехала по городу, направляясь к центру, где моя квартира находилась в нижней части, недалеко от района Марина.

Это было не самое ухоженное здание, принадлежащее отвратительно коррумпированному домовладельцу, который предпочитал совать свои деньги в нос, а не оплачивать столь необходимый ремонт здания. Но это было дешево, и я не могла позволить себе ничего другого.

Когда я выезжаю на стоянку перед жилым домом, уже темнеет, дождь все еще льет потоками, тучи клубятся по небу. Несмотря на погоду, было гораздо теплее, чем раньше, но внутри было достаточно прохладно, жить там было некомфортно. У окон разошлись уплотнители задолго до моего переезда, и в комнатах постоянно был сквозняк.

Подняв Линкольна с сиденья, я закидываю его сумку на плечо и направляюсь к входным дверям, обхватывая его своими руками, чтобы защитить от дождя.

Волоски на затылке встают дыбом, по телу пробегает то самое чувство, что за мной наблюдают. Сглотнув, я направляюсь в дом, быстро поднимаясь по лестнице. Оказавшись в квартире, я дважды запираю дверь на ключ и задвигаю засов для большей надежности. Хозяин, скорее всего, возьмет с меня деньги за дополнительную защиту, которую я поставила на дверь, когда заселялась, но лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Положив Линкольна в манеж, установленный в гостиной, я включаю старый телевизор, изображение которого полностью в пикселях, а трещина с одной стороны мешает просмотру мультфильма на экране. Громкая, веселая музыка наполняет гостиную, отвлекая Линкольна, чтобы я могла пройти в кухню.

Я смотрю в окно, выходящее на фасад здания. На этих улицах всегда было оживленно, машины и люди не прекращали движение, и сегодня это не было исключением. Никто не выделялся.

Вздохнув, я провела усталой рукой по лицу. Я отказывалась верить в то, что это паранойя.

Я не слишком остро реагировала.

Покачав головой, я быстро помыла посуду, которую не успела помыть утром, а затем приступила к ужину: отварила на плите макароны и приготовила курицу в сливочном соусе для нас с Линкольном.

Когда все готово, я поднимаю сына, усаживаю его в детский стульчик за столом и занимаю место рядом с ним.

За считанные минуты его тело превратилось в месиво: макароны и сливки в его темных

волосах, которые еще размазанные по лицу. Я не ожидала ничего меньшего. Я ем в тишине, наблюдая, как он использует свои маленькие ручки как мини-лопаты, чтобы запихнуть макароны куда угодно, только не в рот.

Покончив с едой и помыв посуду, я готовлю Линкольна ко сну, а после присоединяюсь к нему на диване, обнимая, пока по телевизору идет повтор какого-то ситкома². Уже стемнело, дождь все еще стучит в окно. Мой сын устроился у меня на руках, а его лицо прижалось к моей груди, и я укачивала его во сне.

В жизни были только я и он, теперь он был единственным, что меня волновало.

Он не сразу засыпает, прижавшись ко мне, и хотя обычно я бы положила его в кроватку, вместо этого я беру старое одеяло со спинки дивана и накидываю его на нас, устраиваясь поудобнее на диване, согревая его теплом своего тела и одеяла, так как отопление мне пришлось отключить.

Он не шевелится, пока я двигаюсь и устраиваюсь, говоря себе, что это всего на час, а потом я уложу его и сама немного отдохну.

Он тихонько похрапывает, и я чувствую, что глаза становятся все тяжелее, чем дольше я там нахожусь, и я уже погружаюсь в дремоту, когда тишину квартиры нарушает громкий бум.

Я резко вскакиваю, разбудив Линкольна, который тут же начинает плакать, и поворачиваюсь к двери, чтобы успеть увидеть, как трещат замки, и кто-то стреляет из пистолета с другой стороны, выбивая засовы.

Крик застревает у меня в горле, но я не решаюсь поднять шум. Я выбегаю из гостиной и спешу в заднюю часть квартиры, в единственную спальню. Линкольн плачет, я пытаюсь его успокоить, но от страха и паники мой голос дрожит, а слезы застилают глаза.

Мне следовало уехать из города. Я не должна была оставаться.

Я хотела сначала собрать достаточно денег, но я понимаю, что это было ошибкой. Я должна была знать, что они придут за мной, что они меня не отпустят.

Мой отчим был злым человеком, и теперь мне предстояло узнать, как далеко я готова зайти, чтобы защитить своего сына.

Глава 4

Габриэль

Я не планировал убивать кого-то еще сегодня, но выбор был невелик, так же как я не планировал забирать мальчика так скоро, но теперь, когда угроза стала совершенно очевидной, он уйдет со мной сегодня.

Я избавляюсь от тел, оставляя их за зданием, и набираю номер телефона, чтобы с ними разобрались. Хотя мне было совершенно наплевать, найдет ли их кто-нибудь, я понимал, что оставленные на улице тела могут привлечь нежелательное внимание. Достаточно было кому-то, не входящему в мой штат, сообщить об этом не тем властям, и у меня на руках оказалось бы целое чертово дело, а пачкать руки о федералов я не хотел.

Я следил за ней весь день, наблюдал за ее распорядком дня, видел ее в баре, на работе, а потом с сыном на парковке детского сада. Я проследил за ней до ее квартиры и сел в машину, наблюдая за ней в окнах второго этажа.

Она выглянула оттуда через несколько минут после возвращения домой, обыскивая парковку. Я собирался уехать, но что-то заставило меня остаться на месте, и только через пару часов приехали киллеры, чтобы убрать ее и мальчика.

Следователь продал информацию о женщине и ее сыне, и мои враги были здесь, чтобы

не допустить появления нового поколения, которое будет держать их под своим контролем.

Они не заметили моего появления. Моя команда подтверждает, что люди уже на подходе, чтобы разобраться с беспорядком на улице, когда я захожу в двери здания и бесшумно поднимаюсь по лестнице. Обычно я послал бы Атласа или Ашера разобраться с этим, убить девушку, забрать ребенка, все было просто, но я не собирался оставлять ее тут одну, и у меня не хватало терпения ждать одного из братьев-близнецов.

Я молча поднимаюсь по лестнице на ее этаж, пистолет зажат в руке, и я приостанавливаюсь, прислушиваясь к звукам на другой стороне.

Я слышу звук телевизора, но больше ничего, поэтому я опускаю пистолет, выбивая замок ногой, прежде чем попытаться открыть дверь. Она не сдвигается с места.

Через секунду раздается громкий крик ребенка.

Осмотрев дверь, я замечаю, что ее держит замок в верхнем углу. Я снова поднимаю пистолет и стреляю.

Дверь свободно распаивается, и я захожу внутрь, сначала я попадая в маленькую гостиную, где в темной комнате стояли только диван и манеж, наполненный детскими игрушками, и продолжал играть телевизор. Старый телевизор, треснувший с одной стороны, стоял на металлическом ящике, который, похоже, был найден в мусорном баке.

По крайней мере, здесь было чисто, но я все равно скривил губы. Обои отклеились от стен, а ковер был изношен в большей степени. Со своего места я вижу всю кухню, она пуста, тарелки, использованные несколько часов назад, стоят рядом с раковиной.

Медленно крадусь по единственному коридору, нажимаю на первую дверь и вижу, что она открывается в маленькую пустую ванную, оставляя только одну комнату, в которую можно зайти, прямо передо мной. Ребенок плачет, выдавая свое местоположение, хотя сейчас он уже спокойнее, скорее всего, на руках у матери, которая качает его, пытаюсь убедить, что все будет хорошо.

Но это не так, по крайней мере, для нее.

Я поднял оружие, потянувшись к ручке двери. Я не мог стрелять вслепую, рискуя навредить ребенку. Рука медленно поворачивает ручку, и я со скрипом открываю последнюю дверь.

Темнота настигает меня как раз перед тем, как что-то... Нет, *кто-то* бросается на меня с битой. Я успеваю увернуться, чтобы избежать удара по голове, и тяжелая деревянная бита врежется в стену с такой силой, что в ней остается вмятина.

— Убирайтесь из моей квартиры, — кричит девушка. — Убирайтесь!

Она замахивается с силой всего своего тела, что не так уж и много, когда она, по крайней мере, вдвое меньше меня. Я снова уклоняюсь от удара, а когда она делает движение, чтобы замахнуть еще раз, я протягиваю свою руку и хватаю биту.

— Кто вы!?! — кричит она, пытаюсь вырвать вещь.

Я могу выстрелить сейчас, выстрелить ей в живот, но не делаю этого. Я вглядываюсь в ее красивое лицо, вижу эти широко раскрытые голубые глаза и пучок темных волос. В каждой черточке ее лица, в каждой линии ее тела был страх, но это было ничто по сравнению с яростной защитой и гневом, которые заставляли ее бороться со мной.

Более умная женщина встала бы на колени и взмолилась о пощаде.

Я выхватываю у нее биту и наступаю на нее, заставляя ее отступить, хотя она и не отходит далеко. Она делает один шаг в комнату, но потом кричит и толкает меня, заставляя вернуться на прежнее место. Это был танец силы и милосердия, когда она защищала своего

сына, а я пытался его забрать.

— Ты действительно веришь, что сможешь победить меня? — тихо спрашиваю я, ее кулаки бьют меня в грудь. Она приостанавливается, пристально вглядываясь в мое лицо, прежде чем нанести удар в челюсть.

Моя мрачная усмешка останавливает ее от второго удара, и ее дыхание застревает в горле. Я вытираю маленькую струйку крови из уголка рта и с любопытством смотрю на пунцовую бусинку на конце пальца.

Она заставила меня истекать кровью.

Выйдя из ступора, она снова заводит кулак, но промахивается, а затем поворачивается и убегает, хлопнув перед моим носом дверь спальни, прежде чем я успеваю последовать за ней.

Вздохнув, я открываю ее, вхожу внутрь и включаю свет.

Она сидит в углу комнаты, обхватив ребенка руками и защищая его. Этот вид заставил меня остановиться.

Я многое повидал на своей жизни. Я видел, как матери и отцы жертвовали своими детьми, чтобы спасти себя, как они продавали их за деньги, предавали ради власти. В этой жизни, если не считать моей собственной семьи, я не видел настоящей преданности. Она умрет за своего сына, и не потому, что я уже заказал ее смерть, а потому, что это единственный способ, который позволит мне забрать его. Я не смогу уйти отсюда с этим ребенком, если она еще дышит.

— Пожалуйста, — голос ее дрогнул. — Он мой сын. Не делайте ему больно.

— Я здесь не для того, чтобы причинить ему вред, *leonessa* (прим. пер. — леввица).

Leonessa — это было единственное слово, которым я мог описать эту огненную женщину.

— Отдай его.

— Только через мой труп, — прошипела она, прижимая ребенка еще ближе, несмотря на плач мальчика.

Я пересекаю пространство между нами, поднимаю пистолет и упираю ствол ей между глаз. Она задыхается, но не от страха, а от чистой ненависти, глядя на меня.

— *La morte non viene per te oggi, Amelia* (прим. пер. — Смерть не придет за тобой сегодня, Амелия), — я пробормотал эти слова, наблюдая за тем, как она в замешательстве поднимает брови и смотрит на пистолет. Она не успевает среагировать, так как я с размаху бью прикладом ей в висок, лишая сознания. — Смерть не придет за тобой сегодня.

Я повторяю по-английски, глядя на ее тело, распростертое на полу, а затем перевожу взгляд на ребенка. Он неудержимо плачет, глаза опухли, лицо красное и мокрое. Наклонившись, я поднимаю его с земли и беру на руки, изучая его лицо, замечая все черты Сэйнтов в его янтарных глазах и темных волосах. Теперь он принадлежал мне, а мать... теперь она тоже была моей.

Несколько минут я успокаиваю ребенка — крошечный человечек лежит у меня на руках, и я легонько покачиваю его взад-вперед. Он уже достаточно наплакался, чтобы устать, но был насторожен и неуверен. Даже такой маленький, как он, понимал опасность незнакомцев, что, по крайней мере, обнадеживало. У меня не было большого опыта общения с детьми, но я много раз видел, как с ними обращаются. Это было очень просто, особенно когда он успокоился настолько, что его глаза закрылись, и он расслабился, засыпая. Я укладываю его на маленькую кровать в центре комнаты, затем достаю телефон и звоню

Ашеру. Он берет трубку с первого звонка.

— Да?

Первым делом я говорю ему адрес Амелии, а затем: — Приезжай сейчас же. У тебя есть десять минут.

Я положил трубку, не заботясь о том, занят он чем-то или нет. Он был бы лучшим вариантом из двух братьев, чтобы разобраться с этой неразберихой, если мать проснется. Атлас и в лучшие времена был бессердечным сукиным сыном.

В этом он был очень похож на меня, но если у меня, наверное, было какое-то сочувствие, то у моего сводного брата его не было.

Я приседаю рядом с Амелией, и убираю с ее лица темные волосы. Тонкая струйка крови скатывается по лицу в том месте, где я ее ударил, но она остается теплой, распростертой на полу. Осторожно сдвинув ее конечности, я ложу ее на спину, затем отхожу в сторону и роюсь в ящиках дома, пока не нахожу клейкую ленту. Я свожу ее запястья вокруг передней части тела, а затем обматываю скотчем ее руки, удерживая их вместе на животе. Тоже самое я делаю с ее лодыжками.

На ней были только короткие шорты и большая футболка, скрывавшая ее миниатюрную фигуру. Она была сногшибательна, притягивала взгляд и удерживала его. Пухлые пыльно-розовые губы и кожа оливкового оттенка, глубокие брюнетистые локоны, волнами спадающие вокруг лица. На носу у нее была легкая россыпь веснушек, цвет которых почти совпадал с цветом ее кожи, но вблизи я мог разглядеть разные цвета на ее лице. Я осторожно беру ее за подбородок, заставляя поднять голову прямо и удерживая ее в таком положении, чтобы я мог изучить ее получше.

Очень красивая.

Кончики моих пальцев нажимают на ее нижнюю губу, вдавливаясь в теплую пухлую плоть, прежде чем я позволяю своей руке провести по передней части ее горла. Ее тонкие линии противоречат той женщине, с которой я только что столкнулся.

Вздыхнув, я убираю руку и быстро осматриваю ребенка, а затем отхожу к окну, высматривая внедорожник, на котором приедет Ашер. Уже через пять минут я вижу, как фары машины прорезают дождь и останавливаются рядом с моей машиной, припаркованной сзади.

Он вылезает из машины, перебегает через площадку и исчезает в здании. Мне не нужно открывать ему дверь.

— Габриэль? — он зовет, его оружие находится перед ним, нацеленное в землю, но готовое к применению.

— Убери его, — приказываю я, становясь лицом к лицу с ним перед дверью, скрывающей два спящих тела внутри. Я уже нашел ключи от ее машины в миске на кухне, поэтому бросаю их ему. — Найди эту машину и возьми автокресло с заднего сиденья, установи его на заднее сиденье моей машины.

— Прости?

Я наморщил лоб, остатки терпения были уже на подходе.

— Какие-то проблемы?

Он поднимает руки, сдаваясь, и делает то, что я прошу, а затем возвращается, отряхивая воду с волос, как собака. Я киваю и открываю дверь, показывая сначала ребенка, который все еще спит на кровати.

— Собери сумку с вещами ребенка, одеждой, подгузниками, все, что найдешь.

— Черт, Габриэль, — вздохнул мужчина.

— Ашер... — требую я.

Он начинает выполнять поручение, а я подхожу и смотрю на женщину, все еще лежащую без сознания на полу. Когда Ашер заканчивает, я насмешливо кривлюсь, глядя на то, насколько маленькая эта сумка. Я передаю ему ребенка, и он отшатывается.

Я поднимаю бровь.

— Это ребенок, а не змея.

— Я не боюсь змей.

Я закатываю глаза, говоря: — Возьми его.

Скривив губы и повесив сумку на плечо, он забирает у меня ребенка, крепко прижимая его к себе.

— Где его ма... — его слова обрываются, когда я наклоняюсь, просовываю одну руку под колени девушки, а другую — под талию и поднимаю ее с земли. Ее голова запрокидывается назад, шея сгибается под неестественным углом, от которого утром будут болеть мышцы шеи.

Он не задает вопросов. Не спрашивает, почему она идет с нами. Он мог лишь догадываться, а я понятия не имел, какого черта мне с ней делать.

Остальные жители остаются в своих квартирах, понимая, что им лучше не вмешиваться. Я несую ее к машине и жду, пока Ашер пристегнет ребенка на заднем сиденье, а затем передаю женщину.

— Посади ее на заднее сиденье внедорожника. Убедись, что она остается пристегнутой, если она проснется, то у нее будут проблемы.

Он насмехается, но я качаю головой, надеясь, что он не станет свидетелем материнского гнева.

Ребенок спит, а я веду машину по темным и уже тихим улицам моего города, уверенно поднимаясь на холм к особняку на склоне скалы, Ашер следует за мной. Дождь наконец-то немного ослабел, ветер утих, хотя, если взглянуть налево, то можно увидеть, что море все также беспокойно, как и раньше, и бьется о берег и скалы, словно сердясь на весь мир.

Я останавливаю машину.

Моя мать все еще здесь, все еще одержимая папкой, которую я оставил ей раньше, и теперь я собирался дать ей что-то еще, чтобы облегчить боль, которая, как я знал, пожирала ее заживо.

Часть Лукаса, которая все еще жива.

Его сын.

Глава 5

Габриэль

Обустройство комнаты для ребенка не заняло много времени. Уже на следующее утро мне доставили мебель, кровать и матрас, постельное белье, чтобы согреть ребенка, и одежду, которой хватило бы до его пятилетия. Моя мама взяла на себя все самое необходимое: подгузники, салфетки, медицинские принадлежности, и, имея опыт общения с детьми всю свою жизнь, она взяла на себя заботу о ребенке, как только я передал его ей.

Он полюбил ее гораздо быстрее, чем меня, ворковал и хихикал, когда она играла с ним на полу в гостиной на следующее утро, наблюдая, как облака начинают расходиться, открывая голубое небо. Я проинструктировал нашего врача-резидента дать Амелии успокоительное, чтобы она была в отключке по крайней мере двадцать четыре часа. У меня

чертовски болела голова, и я не был готов выпустить ее в своем доме, потому что знал, что это произойдет.

Я должен был убить ее.

Это был более легкий вариант.

Я даже зашел в комнату, в которую ее поместили, приставил пистолет к ее голове, пока она оставалась без сознания, скотч, которым я ее сковывал, заменил веревкой, привязав ее руки и ноги к кровати.

Я держал ее так несколько секунд. *Минут.*

Гораздо дольше, чем мне когда-либо требовалось, чтобы нажать на курок. Она не шевелилась. Она не делала этого, но ее губы разошлись, и она вздохнула, и я убрал палец с оружия, а после опустил его и стал наблюдать. Я смотрел, как она спала в течение двух часов, видел, как ровно поднимается и опускается ее грудь, как трепещут ее темные ресницы, когда она видит сны.

Хотя я сомневаюсь, что они были приятными.

Я просидел в этой темной комнате до тех пор, пока не пришла мама и не нашла меня, заставив оставить спящую женщину и пойти с ней на кухню, а потом отправиться спать, вместо того чтобы снова сидеть в этой комнате, чего мне очень хотелось.

Меня тянуло к ней.

Я хотел увидеть этот огонь.

Эту вспыльчивость.

Я хотел, чтобы она проснулась и боролась, я хотел видеть *ее*.

Я привык к послушным женщинам, которые вставали на колени, когда их просили, и говорили правильные вещи. У меня было ощущение, что Амелия Дойл далека от скромности и невинности, и я хотел почувствовать это. Увидеть это.

Сон то приходил, то уходил, и когда я проснулся утром, девушка еще не пришла в сознание благодаря успокоительному средству в ее организме.

Тогда я обнаружил, что ребенок играет в гостиной, на полу разбросаны плюшевые и музыкальные игрушки, а на журнальном столике стоит недоеденная миска с кашей.

Когда я вошел, мама приветливо улыбнулась мне, протягивая руку, Линкольн играл с ее пальцами, касаясь сверкающих бриллиантов, украшающих ее руку и браслет, висящий на запястье.

Я оставляю их вдвоем, а сам уйду на кухню пить кофе. Было еще рано, солнце только начало подниматься над горизонтом, заливая своим светом уже гораздо спокойный океан. Лодки плывут по воде, то приплывая к причалам, то отчаливая от них, а внизу просыпается город, готовясь к новому дню.

После нескольких минут созерцания за окном мой постоянный шеф-повар прерывает меня,

— Не хотите ли позавтракать, сэр?

Я покачал головой, но затем повернулся к нему.

— Ты можешь сделать полный континентальный³? — спрашиваю я.

— Могу.

— Сделай один. И миску свежих фруктов. С апельсиновым соком.

— Да, сэр.

Я оставляю его готовить, а сам быстро делаю разминку и принимаю душ, после чего одеваюсь в свой костюм на день, выпрямляя каждый неровный край и пряча оружие в отведенное для него место. Я никогда не выходил из дома без пистолета.

Выходя из спальни, я чувствую запах завтрака.

Внизу шеф-повар, как я и просил, накладывает еду на поднос и передает его мне. Я забираю его раньше, чем кто-либо из персонала, поднимаюсь на второй этаж и направляюсь в правое крыло дома, где я ее оставил.

Остановившись у двери, я жду любого звука, и когда слышу скрип кровати, движение ее тела, понимаю, что она либо проснулась, либо проснется с минуты на минуту.

Я нажимаю на дверь и открываю ее.

Она лежит в центре кровати, мои люди уже вошли и открыли шторы, зная, что не стоит обращать внимания на все, что они видят в этих комнатах, даже на бедных девушек, привязанных к кроватям.

Я ставлю поднос с едой на комод и поворачиваюсь, чтобы посмотреть на нее, купающуюся в лучах утреннего солнца. Свет касается ее кожи, словно лаская, заставляя ее сверкать. В лучах солнца я вижу разные цвета ее волос: глубокие оттенки вперемешку с темными блондом, а веснушки ярко выделяются на свету. Она двигается, пытаюсь пошевелить руками и ногами, но с трудом, и в полусонном состоянии не может понять, почему не может этого сделать.

Это было эротично так, как не должно было быть.

Видеть, как она зажата, как вздымается ее грудь, как учащается дыхание от паники, как двигаются ее ноги, как сжимаются бедра, как трепещут руки.

Я чувствовал, как напрягаюсь в штанах.

Медленно двигаясь по комнате, я останавливаюсь на краю кровати, опускаю руку и позволяю себе прикоснуться к ней. Мои пальцы скользят по ее обнаженному бедру, ощущая шелковистую мягкую кожу, теплую и манящую. Я продолжаю двигаться, следуя по изгибам ее ног до самой лодыжки, а затем поднимаюсь обратно, проводя рукой по животу, между грудей и вверх по горлу, следуя за твердой и резкой линией челюсти.

Если бы совершенство можно было олицетворить, то оно было бы передо мной.

Не знаю, как я не заметил этого раньше.

Она вздрагивает под моими прикосновениями, а затем эти небесно-голубые глаза распахиваются и сразу же находят мои.

На долгие секунды тишина заполняет пространство между нами, моя рука прижимается к ее щеке, и воспоминания о прошедшей ночи нахлынули на нее. Борьба, борьба...

Я уже готов, когда она поворачивает голову в сторону и щелкает зубами, пытаюсь укунить мою руку.

— Ты немного одичала, — говорю я ей, держа пальцы у ее рта. — Но я уверен, что тебя можно приручить.

— Где мой сын!?! — она кричит, дико бьется о свои путы, с такой силой, что волокна веревки врезаются в кожу, пуская кровь. Если ей и было больно, она этого не показала. Она двигается и дергается, пытаюсь освободиться.

— Остановись, — приказываю я, видя, как кровь появляется на ее коже, размазываясь по плоти и стекая на простыни под ней.

Но она не останавливается. Она продолжает дергаться, пытаюсь освободиться, как дикий зверь, запертый в клетке.

— Я убью тебя на хрен, — клянется она.

Я не сомневался, что если бы она могла, то подала бы мои яйца на тарелке и затолкала бы их мне в глотку.

— Где мой сын!? — требует она, глаза горят ненавистью и яростью.

Я беру ее за подбородок, не давая ей вцепиться зубами в мои пальцы.

— Он в безопасности.

— Отдай его! — она приказывает. — Сейчас же.

— Я не могу этого сделать, *leonessa*, — она кривит губы.

— Я убью тебя.

— Я уверен, что ты бы этого хотела.

— Кто ты!?

— Меня зовут Габриэль Сэйт.

Она побледнела.

Итак, она поняла, где находится. Кто отец ее сына. Лукас держал ее и мальчика в секрете, и я хотел знать, почему.

— Объясни свои отношения с моим братом, — я требую, но она поджимает губы и хмурится. — Я нетерпеливый человек, Амелия. Я задал вопрос и жду ответ.

— Пошел ты, — она выплюнула.

Я чувствую, как мои губы растягиваются в жестокую улыбку.

— Есть способы заставить тебя говорить, — говорю я ей. — Хотя было бы очень жаль резать эту красивую кожу.

— Ты думаешь, что твои угрозы подействуют на меня? — смеется она. — Попробуй еще раз, придурок.

Она действительно была маленькой львицей. Красивой. *Смертоносной*.

Я качаю головой и иду через всю комнату к тарелке с едой, которую я заказал для нее.

— Я подозреваю, что ты голодна.

Она сужает свои красивые голубые глаза, пока я несую тарелку с фруктами и апельсиновым соком.

— Где мой сын? — снова потребовала она.

— В безопасности.

— *Где!?*

— В этом доме, прямо сейчас.

— Приведи его ко мне.

— Нет.

Она зарычала на меня.

Я улыбаюсь, возбуждение от того, что я уже наблюдаю за тем, как она бьется в путах, усиливается почти до боли.

— Как ты познакомилась с моим братом?

На самом деле не имело значение, как и почему. Он был мертв. Она — нет, а его сын играл в моей гостиной внизу. Насколько я мог судить, они не были вместе, хотя я сомневался, что это остановит меня, если я, поддавшись импульсу, трахну ее, как умолял мой член.

Я представлял, как она будет кричать. Как она будет стонать мое имя и молить о пощаде.

Я прочистил горло, ожидая ее ответа.

— В баре.

— Каком баре?

— Не знаю, — хмыкнула она, пытаясь скрестить руки, но потом поняла, что не может, — Был один внизу, возле пристани.

Я вонзаю вилку в кусок дыни и подношу его ко рту, прижимая плод к ее губам. Она не открывает рот и отдергивает голову.

— Принеси мне моего сына!

Я беру ее за подбородок.

— Ешь.

Не имея другого выхода, она открывает рот и смыкает губы вокруг фрукта, беря его с вилки, когда я подношу его. Я киваю в знак похвалы немного раньше, чем следовало бы, поскольку она с силой выплевывает его в мою сторону.

Он попадает мне в лицо.

У меня нет времени думать, мое тело движется быстрее, чем я осознаю, и я прижимаю ее к кровати, всем своим телом вдавливая в матрас.

— Это была ошибка, *leonessa*, большая ошибка.

Глава 6

Амелия

Он прижимается ко мне всем телом, глядя мне в лицо, в его глазах кипит ярость. Я сомневалась, что он привык к тому, что люди перечат в ответ, особенно после того, как он, в буквальном смысле, похитил меня. Его рука угрожающе обхватывает мое горло, пальцы сжимаются, но не перекрывают доступ воздуха.

Моя грудь сдавливается, сердце бьется о грудную клетку с такой силой, что я уверена, он почувствует, как пульс бьется у меня на шее.

Мой сын был где-то в этом доме, с этими незнакомыми людьми.

Кто следил за ним?

Один из его грубиянов, которых он нанял?

Я должна была придумать, как добраться до него и вытащить нас отсюда.

Я знала, что отец Линкольна был Сэйнтом. Я знала это и все равно переспала с ним. Это была одна ночь, и после того, как я так долго не была с мужчиной, я решила пойти на это. Он был искренним, даже добрым, несмотря на свою репутацию и кровь на руках. Он ничего не навязывал и не брал того, что я не хотела отдавать. Потом мы расстались, и больше я его не видела.

Я была на третьем месяце беременности, когда узнала, что ношу его ребенка. Я никому не сказала. Когда люди спрашивают об отце Линка, я отвечаю, что это был секс на одну ночь, и мы никогда больше не встречались. Грязные взгляды были лучше, чем рассказ о том, кем он был на самом деле.

Сэйнты были правителями Редхилла не просто так, и они добились своего положения не по доброте душевной. Они убивали, воровали и манипулировали, прокладывая себе путь к трону, развращая всех на своем пути.

Я не хотела быть частью такой жизни и не хотела, чтобы она была у моего сына. Поэтому я никогда не говорила ему об этом. Не то чтобы у меня был шанс, я никогда больше не видела его после той единственной ночи секса.

Откуда эти люди знают о нас с Линкольном, я не знаю. Я недооценивала их, и, увидев Габриэля прошлой ночью, даже если я не сразу узнала известного младшего Сэйнта, я

поняла, что его присутствие здесь гораздо хуже, чем присутствие моего отчима или любого из его дружков.

Я никак не ожидала, что Сэйнты узнают о Линкольне.

Я бесполезно сопротивляюсь под телом Габриэля, веревки, привязывающие меня к кровати, все сильнее врезаются в кожу, а моя плоть уже влажная и скользкая от крови, которая окрасила мои запястья и лодыжки, пачкала простыни под ними.

Я не хотела умирать, я не хотела, чтобы мой сын рос без матери, но это был единственный способ, которым эти люди могли помешать мне добраться до него. Я буду бороться. Я убью, если придется. Они не заберут его у меня.

— Ты продолжаешь бороться со мной, *leonessa*, — рычит он, сжимая пальцы. — Ты хочешь умереть?

— Ты не удержишь меня от него!

Мой голос напрягся под его рукой. Он мог бы легко покончить со мной, и мое имя стало бы одним из многих, которые эти руки стерли с лица земли. Я была никем. *Никем*. Ему нужен был мой сын, потому что в нем течет общая кровь.

— Где Лукас? — спросила я, сузив глаза. — Он сейчас с *моим* сыном?

— Тебе дорог мой брат? — вместо ответа он задает вопрос.

Мужчина все еще лежит на мне, хотя его тело немного сместилось, и он уже не такой тяжелый, как раньше, но это облегчение было недолгим, поскольку он все еще обхватывает мою шею.

— Нет.

— Поэтому ты скрывала от него его сына?

Я хмыкнула.

— Не думаю, что ему было бы до этого дело, — огрызаюсь я. — Но даже если бы я хотела ему рассказать, то не смогла бы, мы не обменялись номерами, и я больше никогда его не видела. Было бы глупо искать его.

Он отпускает мою шею и поднимается.

— Так вот в чем дело? — спрашиваю я, дергая за веревки. — Он хочет меня убить, потому что я не рассказала ему о Линкольне?

— Лукас мертв.

Вдох, который я делала, застрял у меня в горле.

— Ч-что? — я заикнулась.

— Он мертв, и я претендую на то, что он должен был получить давным-давно. Этот мальчик принадлежит Сэйнтам, Амелия, ты достаточно долго скрывала его от нас.

— Он ребенок, а не собственность, и ты не имеешь на него права!

— Ты думаешь, Лукас не знал? — он спрашивает, его губы резко искривляются в усмешке. — Думаешь, тебе удалось бы его скрыть?

— Тогда где он был? — бросаю я.

— Лукас знал все о Линкольне, имел досье на тебя и на ребенка, следил за вами, ждал. В конце концов, он бы забрал ребенка, разве ты его остановила бы?

— Я бы его убила, — вру я.

Он насмехается.

— Правда, *leonessa*?

Он называл меня так уже несколько раз, хотя я не знала, что это значит.

— Пожалуйста, — умоляю я. — Пожалуйста, просто приведи мне моего сына.

Он с любопытством наблюдает за мной, переводя взгляд с моего лица на запястья, а затем обратно. Он ничего не говорит, поворачивается и уходит, хлопнув за собой дверь.

Слезы застилают мне глаза, и вокруг воцаряется тишина. Сердце бешено колотится в груди, кровь грохочет в ушах. Первые слезы падают, стекая по вискам и в волосы, и вот уже адреналин выветривается, я чувствую боль в теле, жжение от порезов на запястьях и пульсацию в голове от того места, куда он меня ударил.

Мои мысли заняты Линкольном.

Что, если я больше никогда его не увижу?

Что, если они меня убьют, а он обо мне забудет?

Расскажут ли они ему обо мне?

О матери, которая старалась изо всех сил, но не была достаточно хороша.

О женщине, которая пыталась оградить его от своего прошлого и такого образа жизни. Я хотела оградить его от этого, но, видимо, это было безнадежно. Я надеялась, что стать Сэйнтотом — не самое худшее, что может случиться. О нем будут заботиться. У него будет постель и тепло, и он не будет задаваться вопросом, откуда возьмется его следующая еда или придет кто-то из моего прошлого, чтобы убить.

Но все равно было больно осознавать, что он будет расти без меня. Что я не увижу его взросления.

Я быстро поворачиваю голову, когда открывается дверь, чтобы они не видели моих слез.

Кто бы это ни был, он замирает на месте, но я продолжаю отворачиваться, желая остановить слезы, остановить боль.

Не говоря ни слова, человек пересекает пространство между нами, замирает на краю кровати и, наклонившись, развязывает веревку на моем запястье. Я скидываю голову и вижу, что рядом с кроватью стоит мужчина. Он был молод, но в его серых глазах было много знаний.

— Они выглядят болезненными, — говорит он мне, бросая взгляд на мои глаза, прежде чем проследить за слезами на моем лице.

— Кто вы?

— Девон Кросс, — отвечает он.

— Вы работаете на *него*, — обвиняю я.

— Работаю.

Он открывает ящик, стоящий у кровати, и крепко держит меня за запястье, пока достает принадлежности. Я пытаюсь вырвать у него руку, готовая ударить его изо всех сил, но он держит ее крепко, до боли, пальцы впиваются в кожу на моем запястье. Он пристально смотрит на меня, в его челюсти дрожит мускул.

— Может быть, я и врач, мисс Дойл, но эти руки забрали столько жизней, сколько спасли. Не провоцируйте на меня.

Я замираю, морщась, когда он давит на мою ушибленную кожу.

— Я хочу видеть своего сына, — требую я, а он лишь ухмыляется. — Ты меня слышишь, придурок?

— Вы довольно грубы, учитывая, что я единственный, кто здесь обучен снимать вашу боль.

Я насмехаюсь, говоря: — Мне не нужна твоя помощь

— Ну, вы получите ее в любом случае.

Он крепко прижимает меня к себе, пока достает все необходимое, затем кладет сумку и

садится на кровать, держа мою руку перед собой так, чтобы я не могла видеть, что он делает.

Я жую внутреннюю сторону щеки, чтобы не дать себе разинуть рот, а затем шиплю сквозь зубы, когда он прикладывает к моей коже что-то холодное и влажное, как будто только что поднес к ней огонь.

Он продолжает, как будто я не издавала ни звука, втирать что-то в рану на моем запястье. Он тоже груб.

Я стиснула зубы и промолчала. Он заканчивает, и я чувствую, как он начинает обматывать мое запястье тканью, которая, как я вскоре понимаю, является белой повязкой, скрывающей под собой раны.

— Я бы рекомендовал успокоиться и не сопротивляться, — продолжает врач.

— Тебя когда-нибудь привязывали к кровати и угрожали? — я огрызаюсь.

— Да

Я покачала головой.

— И ты думаешь, что я не буду сопротивляться при каждом удобном случае?

Край его рта приподнимается, прежде чем перейти к моему следующему запястью. На этот раз я не издаю ни звука, стиснув зубы, даже когда жжение становится невыносимым.

— Вы будете жить, — говорит Девон, убирая медицинские принадлежности.

— Пока, — ворчу я.

— Если бы Габриэль хотел, чтобы вы умерли, мисс Дойл, вы бы уже были мертвы.

— Тогда чего же он хочет?

Он окидывает взглядом мое тело, теперь прикованное к этой чертовой кровати.

— Ваша догадка также хороша, как и моя.

— Вы не можете скрывать от меня моего сына, — шиплю я.

— Мы можем сделать практически все, — он направляется к двери. — Приятного отдыха, Амелия.

Его мрачный смех задерживается надолго после того, как он выходит и закрывает за собой дверь.

Я лежу посреди кровати в полной тишине, и не слышу ничего из остальной части дома, ни голосов, ни музыки, ни шагов. Я не слышала ни смеха моего сына, ни топота его ног. Мое сердце трещало. Я чувствовала это. И быть отделенной от него, зная, что *он* с ним, было хуже, чем смерть.

Я не могу спать.

Еда меня не интересует.

Мне нужен был мой сын.

Глава 7

Габриэль

Я стою у двери и наблюдаю за ребенком в гостиной. Он носится по комнате, вытаскивая подушки из кресел и запуская игрушки, а его хихиканье эхом разносится по тихому дому.

Он был самым громким за последние годы. Звук шагов притягивают мой взгляд к лестнице, и я вижу Девона, который спускается вниз, покачивая сумкой. При виде меня он вскидывает бровь.

— Может быть, ты теперь объяснишь, почему ты запер мать мальчика в комнате?

Я не отвечаю, предпочитая снова наблюдать за мальчиком. Мой племянник и последний кусочек Лукаса.

Моя мать была в восторге от мальчика.

— Ты обработал ей раны? — спрашиваю я.

— Обработал, — Девон скрестил руки на груди. — Габриэль, ты не можешь держать ее взаперти.

— Почему я не могу? — огрызаюсь я.

Он поднимает брови.

— Это твой план? По какой причине?

— Мальчику нужна мать, — я лгу.

У меня были намерения убить ее и забрать мальчика. В конце концов, он бы забыл о ней, и мы бы его вырастили. Все было очень просто, и все же я этого не сделал, и хотя в большинстве случаев мне не хватало элементарного сострадания, держать ее взаперти и вдали от сына было неоправданно жестоко.

Девон насмехается.

— Конечно, нужна.

— Осторожно, Кросс, — предупреждаю я. — Я не спрашивал твоего мнения по этому вопросу, и, честно говоря, у меня не хватает терпения разбираться с этим.

Он поднимает руки вверх и вскидывает бровь.

— На кону твой член, — он пожимает плечами. — Не мой.

Значит, она показала ему свою боевую сторону. Почему это вызвало во мне чувство жара и злости? Конечно, она будет драться с ним и с любым другим, кто войдет в эту комнату, ее гнев был направлен не только на меня, хотя мне и нравилось наблюдать за тем, как она раздражается.

Я должен был принять решение.

Уже стемнело, когда я решился подняться в эту комнату. Мои шаги были тихие, я осторожно открываю дверь и на мгновение замираю.

Мальчик на моих руках вздрагивает, но через секунду снова успокаивается.

На меня мгновенно смотрят красные от слез глаза Амелии, под которыми уже появились темные круги от усталости.

— Линкольн, — вздохнула она, не обращая на меня внимания и не отрывая взгляда от спящего ребенка.

Я подхожу к ней. Она, кажется, затаила дыхание, как будто не уверена, что это реально.

— Привет, *leonessa*, — говорю я, останавливаясь на таком расстоянии, чтобы она не могла до меня дотянуться.

— С ним все в порядке? — спрашивает она.

— С ним все в порядке.

Ее глаза перескакивают на меня, и она смотрит, как я кладу спящего ребенка на матрас. Она мгновенно бросается к нему, но путы удерживают ее руки над головой и тело в основном прижатым. Она вскрикивает, когда путы впиваются в чувствительную, израненную кожу ее запястий. Но она продолжает бороться, продолжает тянуть, да так сильно, что открываются старые раны и кровь просачивается сквозь белую марлю.

Оставив ребенка там, где он есть, свернувшегося калачиком и спящего, я подхожу к Амелию, заставляя ее лечь нормально и не дать ей разорвать кожу на запястьях. Я сомневался, что она остановится.

Она смотрит на меня с огнем в глазах.

— Я убью тебя, — клянется она.

— Сейчас, сейчас, *leonessa*, — шепчу я, потянувшись к одному из узлов на веревке. Я медленно развязываю его, удерживая ее запястье, а затем перехожу к другому. Она не сводит с меня глаз, пока я развязываю, наклоняясь над ней так, что мы оказываемся нос к носу. Мышцы ее челюсти напрягаются, когда она скрежещет зубами и дергается, пытаясь освободиться.

— Если ты будешь плохо себя вести, я просто снова свяжу тебя, — обещаю я. — И я заберу его. Я имею в виду ребенка, — она затихает. — Хорошая девочка.

Я медленно ослабляю хватку, ладони влажные от ее крови, но она не сразу пытается схватить меня за горло. Я отступаю назад, давая ей свободу действий, и она не теряет ни минуты. Она хватает мальчика, осторожно поднимает его и прижимает к своей груди. Она делает это, уткнувшись лицом в его макушку. Он ерзает и вздыхает, но вцепляется в нее руками, обнимая ее также крепко, даже во сне. Она обхватывает его всем телом, защищая от меня и используя свое собственное тело как барьер.

Это была женщина, готовая пожертвовать всем.

— Уходи, — шепчет она.

Я не собирался спорить.

С окровавленными ладонями я ухожу от них, не оглядываясь, и впервые за все время сомневаюсь в каждом своем шаге, который привел меня сюда.

Привлекать посторонних было рискованно. Мы не стали этого делать. Это была семья и те, кто работал с нами на протяжении многих поколений. Мы не доверяли никому другому, а предательство случается слишком часто, чтобы она могла просто остаться.

Достаточно одного промаха, одного секрета, переданного не тому человеку, и мы можем потерять все.

Но были способы остановить это.

Два способа не дать ей заговорить, если представится такая возможность.

Первый я уже доказал, что не способен на это по причинам, которые я не собираюсь оценивать, а второй... о втором я никогда не собирался думать. До сих пор.

Передернув плечами, я направился в кабинет, а не в спальню, открыл ноутбук, чтобы набросать письма, которые нужно было отправить, и приступить к работе. Выбора не было. Другой альтернативы не было, и Амелия Дойл больше не должна была быть ничьей проблемой, кроме моей.

Амелия

Я крепко обнимаю Линкольна, вдыхая его знакомый, согревающий запах. Это был дом. Мое сердце. Моя душа. Он крепко спит, его легкое похрапывание похоже на музыку, а ровный стук его сердца отражается от моей груди. Он был в полном порядке, никаких травм, никаких признаков пренебрежения или жестокого обращения, о которых я беспокоилась.

Как я могла поверить, что эти люди знают, как заботиться о ребенке, которого они только что украли?

Кровотечение на запястьях остановилось, но они болели, я чувствовала, как кожа под ними горит, как бинты натирают больную плоть. Мне нужно было выбираться отсюда. Я должна была взять Линкольна и бежать. Убежать далеко-далеко, чтобы они никогда больше не смогли нас найти.

Мне не придется беспокоиться ни о Сэнтах, ни о своей собственной семье.

Мы могли бы просто исчезнуть. Уехать из страны и начать все с чистого листа.

Я прижимаю Линкольна к себе чуть крепче, моя душа успокаивается, когда он рядом, но я не могла ждать. Мы должны были уехать как можно скорее.

Но после того, как я сплю. Я сворачиваюсь калачиком вокруг своего мальчика, прижимаясь к нему так крепко, как только возможно. И хотя сон мой беспокоен, мне удается вернуть часть энергии, которую высосали из меня последние двадцать четыре часа, и если я хочу, чтобы побег был успешным, мне нужен любой отдых.

Я просыпаюсь от яркого солнечного света, бьющего в окно, тепло лучей заставляет пот выступать на моем лбу. Линкольн сидит рядом со мной, его ухмылка мгновенно расплывается, когда он видит, что я проснулась. Он тычет палец мне в лицо, на его щеках появляются ямочки, и он улыбается еще шире.

— Привет, малыш, — шепчу я, привлекая его к себе. Я не была настолько глупа, чтобы поверить, что все будет легко, моя жизнь была сплошной чередой плохих событий, но не более.

Мой желудок громко заурчал, и я поняла, что Линкольну тоже скоро понадобится еда. Я не могла определить, сколько сейчас времени, но, должно быть, еще рано, и нас окружала тишина. Медленно поднявшись с кровати, я на цыпочках подошла к двери. Она, конечно, была заперта, но я прижался к ней ухом. За ней слышатся приглушенные шаги, но голосов нет.

— Эй? — зову я, и шаги прекращаются. — Ау? — кричу я снова, когда проходит минута. Тихий шепот доносится до меня, прежде чем эти шаги удаляются, все дальше от меня.

Я потягиваюсь и оглядываюсь на Линкольна, который играет с перышком, выпавшим из подушки.

Дверь внезапно открывается, и я с воплем отпрыгиваю назад, обнаружив вошедшего доктора.

Он оглядывает меня, затем Линкольна.

— Кажется, я просил вас успокоиться.

— Как будто я буду тебя слушать.

Он ухмыляется.

— Я принесу поесть.

— Пожалуйста, — киваю я.

Он мягко улыбается и снова уходит, закрыв дверь на ключ.

Я вздыхаю: еда, лечение, побег. Мы можем это сделать.

Еду приносит не Девон, а женщина, которая, как я предполагаю, работает у Габриэля. Она вносит поднос с едой и быстро уходит, после чего дверь снова запирается.

Я беру еду и несую ее Линкольну, убирая тосты и джем от каши и передавая ему неоновозеленую пластиковую ложку. Он поглощает ее вместе с молоком, а я медленно ем тост и потягивая апельсиновый сок, который они предоставили.

Уже после того, как мы закончили, снова появляется Девон с аптечкой в руках.

— Хорошо, что у тебя появился аппетит, — комментирует он, ставя набор на край кровати. Я молчу, даже когда он поднимает мои забинтованные запястья и начинает разворачивать марлю. Я шиплю, когда материал цепляется за кожу и сдирает ее.

Девон не морщится и не говорит, просто вытирает следы крови, а после втирает в порезы мазь и крем.

— Он выглядит немного покрасневшим, — тихо говорит Девон, работая над другим запястьем. — Можно ли мне его осмотреть?

Я нахмурила брови.

— Прости?

— Мальчик. У него красные щеки, но он немного бледный, — продолжает он.

Я бросаю взгляд на Линкольна. Свободной рукой я прижимаю ладонь к его щеке, а затем тыльной стороной ладони ощупываю его лоб. Его кожа была горячей на ощупь. Несколько минут назад он был в порядке.

— Да, ты можешь его проверить.

Я кладу только что забинтованные руки на колени и смотрю, как врач обходит кровать и подходит к Линкольну. Я встаю, убирая поднос с пустыми тарелками, и мне в голову приходит идея. Дверь была слегка приоткрыта, в коридоре за ней было тихо.

Когда Девон повернулся ко мне спиной, я быстро нагнулась и схватила пустую тарелку, на которой лежал мой тост.

— С ним все в порядке? — спрашиваю я, подходя к тому месту, где он стоит, нависая над моим сыном.

— Может быть, просто легкая лихорадка, — тихо говорит Девон, прежде чем встать и повернуться. Я не даю ему шанса отреагировать, когда замахиваю тарелкой, разбивая ее о его голову.

Он тяжело падает, а я хватаю Линкольна, притягиваю его к себе, хватаю ножницы из аптечки и бегу к двери. В коридоре пусто, но я не останавливаюсь, а бегу, крепко держа сына, пока ноги несут меня вниз по лестнице. Где-то на нижнем этаже я теряюсь.

Я слышу знакомые звуки работающей кухни, оживленно переговаривающихся голосов, поэтому избегаю их, сворачиваю в другой коридор и выхожу в большое фойе, где мои ноги скрипят по полированному мраморному полу. Передо мной — стеклянная стена, выходящая в круглый двор, уставленный дорогими автомобилями и пышным зеленым газоном. Я почти замираю, когда вижу открывающийся вид. Бесконечные мили океана, солнечные лучи падают на его поверхность.

Дверь находится прямо впереди.

— Стой!

Раздается рокочущий голос, не Габриэля, как я поняла. За последние двадцать четыре часа я как-то привыкла к его глубокому баритону. Это был другой голос, тот, который можно узнать сразу, с легким акцентом, который говорит о том, что человек родился не здесь. Я не могла понять откуда он, поскольку это был недостаточно сильный звук, чтобы определить его национальность.

Я не останавливаюсь, моя рука обхватывает ручку двери, и я дергаю ее, благодарная за то, что она поддается, но незнакомый человек успевает схватить мое тело, и моя первая мысль — защитить Линкольна.

Я обхватываю сына покрепче, и кто бы это ни был, он оттаскивает меня от двери.

Я сопротивляюсь изо всех сил, поднимаю ножницы, которые украла у Девона, и ударяю ими вперед. Они прорезают плоть, но я не вижу, куда попала.

Мужчина шипит от боли и отпускает меня.

Я чувствую кровь на своей руке, но у меня нет времени что-либо проверить. Я бегу к двери.

— Амелия!

Это был Габриэль.

Меня снова останавливают и крепко держат, когда что-то твердое упирается мне в голову. Пистолет.

— Не двигайся, — говорит уже другой незнакомец.

Я сглатываю, от страха сердце колотится в груди, как загнанный в угол зверь.

— Если вы собираетесь убить меня... — шепчу я. — Позаботьтесь о том, чтобы кто-нибудь поймал моего сына, когда я буду падать.

— Двигайся, — приказывает он, сильно вдавливая дуло пистолета в мою голову, чтобы запугать меня. Я поворачиваюсь и вижу, как по лестнице спускается Габриэль, а за ним — очень взбешенный Девон, по лицу которого стекает кровь от полученного удара. Он пристально смотрит на меня.

Я перевела взгляд налево и увидела мужчину, который держал оружие. Темные волосы, темные глаза, но он не выглядел рассерженным. Он выглядел заинтересованным.

— Атлас, — приказывает Габриэль громким, властным тоном. — Убери пистолет от ее головы.

Он только сильнее прижимает его ко мне.

— Атлас!

Я чувствую, как человек, которого я теперь знаю как Атласа, придвигается к моему уху.

— Ходи и оглядывайся, — он говорит это так тихо, что никто его не слышит, но предупреждение звучит громко и отчетливо.

Этот человек был опасен. Смертельно опасен. Я не шевелюсь, пока пистолет не убирают от моей головы. Когда это происходит, Атлас быстро отходит в сторону, и устремляется к тому, кого я порезала.

— Я в порядке, брат, — говорит он Атласу, не сводя с меня глаз.

— Девон, — приказывает Габриэль. — Присмотри за Ашером. Атлас, убирайся к чертовой матери.

Я начинаю отступать, на цыпочках пробираясь к двери.

— Думаешь, тебе удастся сбежать? — Габриэль замечает движение. — Ты окружена, *leonessa*, тебе некуда бежать. Некуда.

— Я ненавижу тебя, — я сплюнула.

Его рот кривится, когда он говорит: — Я это вижу, — его взгляд падает на моего сына.

— Держись от него подальше.

Я смотрю на Ашера, теперь уже без Атласа. Он с любопытством наблюдает за мной, не обращая внимания на рану, которую я нанесла ему. Он бросает на меня взгляд и улыбается уголками губ. Это заставляет нервничать.

Он был привлекательным, разрушительно привлекательным, с густыми темными волосами и карими глазами, с загорелой кожей, и чисто выбритым лицом. Он был немного похож на Габриэля, едва уловимо, но это было так. Вот так я и поняла, что они как-то связаны.

Его взгляд скользнул к чему-то позади меня, прежде чем рука легла на мой позвоночник, подталкивая меня вперед.

— Отстань от меня! — я взвизгнула, делая шаг в сторону, но тут же была схвачена за руку.

— Причини ей боль этой рукой... — рычит Габриэль. — И ты потеряешь ее.

Он обращается к тому, кто меня держит. Человек тут же ослабляют хватку, но толкает

меня вперед, когда Габриэль встречает меня на полпути.

Я напряжена, горячая и потная, адреналин заставляет мое сердце биться в горле, кровь шумит в ушах. Я вздрагиваю, когда он поднимает руку — инстинктивная реакция на то, что мужчины поднимают на меня руки. Он делает паузу, нахмурив брови, прежде чем продолжить, и я готовлюсь к боли, которая так и не наступает.

Его палец проходит под моим подбородком, заставляя меня поднять голову.

— Ты не можешь бежать, Амелия.

— Я ненавижу тебя.

Кто-то хихикает, но я не смею отвести взгляд от огненно-ореховых глаз, стоящих передо мной.

Красота может обезоружить, и если бы я позволила себе это, то красота Габриэля погубила бы меня. Он был создан для развращения одной только внешностью: высокие скулы с глубокими впадинами и твердая линия челюсти, которая казалась достаточно острой. Низко посаженные брови над ореховыми глазами, которые казались больше золотыми, чем какими-либо другими, цвета бурбона, и обрамленные густыми черными ресницами. Он обладал жестокой красотой.

— Тогда, полагаю, наше время вместе будет интересным, — мягко размышляет он, надавливая большим пальцем на мою нижнюю губу, когда я отворачиваю лицо. — Отведи ее в ее комнату, — приказывает он, опуская руку. — И я серьезно сказал: если ты причинишь ей боль, то лишишься руки.

Девон ждал в стороне от фойе, наблюдая за мной. Я чувствую себя немного виноватой за нанесенную ему травму, но не настолько, чтобы сожалеть об этом.

Ашер следит за мной глазами, и я чувствую, как Габриэль прожигает дыру в моем позвоночнике.

Я прижимаю Линкольна к себе, чувствуя, как он пытается вырваться.

Я не успела далеко уйти, поскольку сразу потерпела неудачу.

Но у меня был мой сын, и я никогда не перестану пытаться.

Глава 8

Габриэль

Все знали о новом плане, о том, что я приготовил для Амелии и мальчика. Я мог сказать, что они были недовольны этим, но мне было наплевать на то, что они считали правильным.

Моя мать проводит швею в кабинет, за ней бесшумно следует команда, несущая сумки и чемоданы. Если взглянуть на часы, то будет чуть больше трех часов дня. Мне еще предстояло навестить Амелию и ее сына, моего племянника, но после сегодняшнего утра я сомневался, что визит будет воспринят положительно. Ее борьба была достойна восхищения, но что касается ее будущего, то ей придется научиться уважению.

Разговор между нами должен был состояться скорее рано, чем поздно, поскольку я планировал осуществить его завтра. Я видел, как планировщики расположились во внутреннем дворе, за их спинами открывался вид на океан.

Оставив всех внизу, я направился вверх, хрустнув шеей, чтобы снять накопившееся в ней напряжение. На этаже, где находилась ее комната, я слышал детское хихиканье, его визг, полный невинного восторга, и ее женский голос, проникающий между всплесками радости, хотя и не несущий в себе счастья. В ее тоне слышалась тяжесть, страх, печаль...

Это не должно было быть трудно.

Она просто должна была понять.

Я не стучу, просто отпираю дверь и вхожу внутрь, закрывая ее за собой. Амелия поворачивает голову ко мне, глаза сужаются в мою сторону, а пальцы обхватывают деревянный игровой блок, который был доставлен в ее комнату, чтобы развлечь ребенка.

— Планируешь забить меня до смерти детской игрушкой, *leonessa*?

— Это заманчиво, — прошипела она, свободной рукой притягивая Линкольна ближе к себе.

Я наклонил голову, изучая ее. Она была красивой женщиной. Темные локоны и загорелая кожа, умоляющая исследовать плоть, которую можно покусать и шлепнуть рукой.

Она поднимается со своего места на полу, поднимает Линкольна и прижимает его к своему бедру, блок по-прежнему зажат в ее руке.

Я пересекаю пространство между нами. Она держится очень спокойно, наклонив голову, чтобы поддерживать зрительный контакт со мной. Она старается держаться уверенно, но она боится меня. Она боится всех нас.

И правильно делает.

Ее глаза перескакивают между нами, когда я протягиваю руку и вырываю блок из ее руки. На мгновение она сопротивляется, но потом отпускает его. Я с грохотом бросаю его на ковер и иду за ребенком.

На этот раз она не отпускает его так просто, как игрушку.

— Не трогай его, — рычит она, голос ее низкий, защитный материнский инстинкт вытесняет все остальные эмоции, пока не остается только эта.

— Я не забираю его, Амелия. Я хочу, чтобы ты посадила его на пол.

— Зачем?

— Нам есть что обсудить.

— Нечего обсуждать, — шипит она. — Говори, что хочешь сказать, и оставь меня в покое! Самое меньшее, что ты мог бы сделать, — это убраться с глаз моих долой, раз уж ты лишил меня всех других возможных выборов.

— И я собираюсь отнять еще один, — предупреждаю я.

— О, ты наконец-то решил покончить с этим? — она насмехается, сильнее сжимает Линкольна и смотрит в сторону.

Не желая отнимать у нее ребенка, я кладу палец под ее подбородок, возвращая ее взгляд к себе.

— Ты будешь смотреть на меня, пока мы разговариваем, Амелия.

— Ты не имеешь права требовать от меня ничего, Габриэль.

Черт, мое имя на ее языке...

Ядвигаюсь, обхватив ее лицо, мои пальцы впиваются в мягкую кожу щек, достаточно сильно, чтобы она это почувствовала. Ее дыхание прорывается между пухлыми губами, ноздри раздуваются, но глаза немного темнеют, а кожа становится багровой.

Интересно.

Все в ней было интересно и совсем не так, как я ожидал.

— Отныне, *leonessa*, ты моя. Всем запрещено смотреть на тебя. Прикасаться к тебе. Даже говорить с тобой без моего разрешения. Моя. Ты поняла?

Ее глаза тут же загорелись осознанием.

— Пошел. Ты.

— Я уверен, что в конце концов мы придем к этому.

Я замечаю замах ее руки и ловлю прежде, чем она успевает коснуться моего лица. Мальчик остается крепко прижатым к ней.

Я ухмыляюсь.

— Ты делаешь это так чертовски очевидно, *leonessa*. Думаешь, меня волнует, чего ты хочешь? Я возьму все, что пожелаю. Включая тебя и твоего сына.

— Я не буду принадлежать тебе.

— Ты уже принадлежишь, — ее глаза сузились на это замечание. — Завтра к этому времени, Амелия, ты станешь миссис Сэйт.

Она отходит назад, по крайней мере, пытается это сделать, но я хватаю ее, притягивая к себе.

— Ты пойдешь к алтарю, наденешь красивое платье, а после станешь моей женой.

— Я не стану!

— Ты будешь красивой женой Босса, покорной девушкой, которая будет оказывать мне уважение.

— Только через мой труп!

— Это можно устроить, Амелия. Это твой единственный выход. Выйдешь за меня — сохранишь сына и свою жизнь. Не выйдешь — умрешь. А твой сын никогда не вспомнит, кто ты такая.

— Я ненавижу тебя! — в ее глазах стоят слезы, но она кривит губы в усмешке.

Я наклоняюсь к ней, наши губы почти соприкасаются: — Добро пожаловать в семью, Амелия.

Я слышу ее раньше, чем вижу.

Ее громкий крик эхом разносится по дому, и швея нервно оглядывается на меня, а затем отводит глаза. Девон ухмыляется, а моя мать уводит Линкольна, пряча его в комнате, чтобы занять его на ближайшие несколько часов.

Охранник, который держит ее, старается сохранить крепкий хват, но надеюсь он помнит, что я сказал. Я сдержу свое слово, если на ней появится хоть одна отметина.

Они достаточно долго пробыли здесь, чтобы понять, что я не вру.

Она пинает второго охранника в голень, и я ухмыляюсь.

— Придется тебе потрудиться, Габриэль, — усмехается Девон.

Я хмыкаю, хотя внутренне рад, что у нее столько сил. По крайней мере, наша совместная жизнь не будет скучной.

— Она научится, — говорю я, делаю шаг вперед, чтобы забрать ее у охранника и, схватив за обе руки, притянуть к себе.

Она ударяется о мою грудь.

— Лучше начни вести себя прилично, *leonessa*, — шепчу я, прижимаясь губами к ее уху. — Примерять свадебные платья, будучи скованной... Не думаю, что это будет удобно.

— Я не буду ничего примерять.

— Или ты выбираешь свадебное платье, или мы поженимся, но ты ничего не наденешь, — мой рот находится близко к ее уху, но достаточно далеко, чтобы видеть ее лицо, борющиеся эмоции и румянец на щеках. — Испытай меня, Амелия. Давай.

Она сглатывает.

— Ты не можешь этого сделать.

Я зарываюсь носом в ее волосы и шепчу губами, прижимаясь к ее уху: — Я могу, и я сделаю это. Никто не сможет меня остановить. Прими решение.

— Хорошо.

— Хорошая девочка, выбери что-нибудь красивое.

— Я обязательно выберу самое уродливое.

Я ухмыляюсь, прекрасно зная, что она не найдет уродливого платья. Я выбирал их вручную и только из вежливости предоставил ей право принять окончательное решение.

— Убедитесь, что платье плотно сидит, — говорю я швее. — Я не хочу, чтобы моя будущая жена выставляла свое тело на показ.

— Но ты же позволил мне ничего не надевать.

Амелия насмехается.

— Ты права, но гости бы этого не увидели, только я.

— И священник, — ехидно произносит она.

— Верно, но тогда я бы убил его за то, что он увидел мою жену голой. Так что это совсем не проблема.

Она бледнеет.

— Топ, топ, Амелия, у швеи нет целого дня.

Глава 9

Амелия

В комнате висело несколько платьев, самых разных фасонов — от А-силуэта до русалки и бального платья. Все они были красивыми и ужасно дорогими.

Я никогда не задумывалась о замужестве и о том, будет ли оно у меня, но предполагала, что у меня будет выбор в этом вопросе. Очевидно, я думала неправильно.

Швея нервно ерзает, а ее команда молчит, расположившись по комнате. Двое из людей Габриэля стоят у двери, очевидно, вооруженные.

— Мисс, — тихо говорит швея. — Не хотите ли взглянуть на это? — она показывает на платье.

— Не очень.

Она пискнула, ее страх был ясен как день. Ей было страшно находиться здесь, в этом доме, с этими людьми. Я не винил ее. Любой достаточно умный человек понял бы, что попал прямо в логово дьявола.

Но это не означало, что я собираюсь облегчить ей работу.

Меня принуждали к этому проклятому браку, и я не хотела делать то, что мне говорили.

Конец свободе. В этом не было ничего особенного. Выйти замуж за дьявола — ничего не изменит.

Мою кожу все еще покалывает от его прикосновений, и это бесит меня еще больше.

Это нормальная реакция, говорю я себе, он был очень привлекательным мужчиной, с его огненными глазами и темными волосами, любая женщина отреагировала бы на это.

Я провожу пальцами по платьям, ощущая каждое из них, некоторые из кружев, некоторые из шелка или шифона. Все потрясающие, с вышитыми цветами, жемчугом и бриллиантами. Может быть, когда я была моложе, я представляла себе свадьбу, с бальным платьем, цветами и красивой цветочной короной, но потом я выросла, а такие, как я, не получают счастливой жизни.

— Что вам угодно, мисс? — спрашивает женщина.

Я осматриваю платья, взгляд задерживается на облегающем шелковом, но оно все

закрывает, высокая горловина с длинными рукавами из кружева, пришитый пояс, который застегивается на талии, облекая юбку по бедрам. Спина тоже была высокой. Оно идеально подходило для того, что я задумала.

Я сняла его с вешалки и протянула перед собой, прикидывая, что мы можем сделать, чтобы оно соответствовало моим представлениям.

— Вы ведь сейчас здесь, чтобы подогнуть под мен платье? — спрашиваю я.

Она кивает.

Я бросаю взгляд на охранников у двери, зная, что они сразу же доложат Габриэлю, поэтому мне нужно, чтобы их здесь не было.

Я начинаю раздеваться.

— Мэм! — кричит швея, и я слышу паническое шарканье охранников позади меня.

— Мэм, мы приготовили для вас укромный уголок, чтобы вы могли переодеться

— Я не люблю тесные помещения, — вру я.

Мой топ падает на пол, и я остаюсь в одном лифчике. Дверь открывается и закрывается через секунду.

Я подавляю улыбку и стягиваю с себя брюки. Швея помогает мне влезть в платье, оно было немного мешковатым, но она это исправит.

Закрепив его, я посмотрела в зеркало, которое они установили. Я не узнавала себя, учитывая усталость, застилавшую глаза, и острую необходимость вымыть волосы, но платье было потрясающим.

— Хорошо, итак, — говорю я женщине. — Я хочу, чтобы это здесь было открыто где-то до... — говорю, проводя пальцем вниз от середины моей груди. — До пупка в глубоком вырезе, рукава и спина остаются без изменений. А по юбке, сделайте разрезы с обеих сторон.

Ее глаза расширились.

— Это дизайнерское платье за двадцать тысяч долларов!

— И что?

— Мистер Сэйнт был очень ясен...

— Ну, мистер Сэйнт не невеста, не так ли? — я огрызаюсь. — Он не имеет права решать, что мне надеть. Вы можете это сделать или нет?

— Ну конечно, — зашипела она. — Но он сказал...

— Забудь о том, что сказал он, это то, чего хочу я, — она кивает. — Спасибо.

Следующие несколько часов я стою, пока они тянут и подшивают платье, нанося отметки для нового дизайна, и когда они заканчивают, и я снова одета в свою одежду, я чувствую лишь небольшой триумф, даже если все остальное было вне моего контроля.

Я выходила за него замуж, и рядом со мной будет сын, но мне не нужно было облегчать ему жизнь.

Меня вывели и отвели обратно в комнату, когда швея и ее команда уже уходили, благо, что у нее не было времени ни с кем разговаривать. У нее было мое платье, спрятанное, потому что, видимо, традиции важны даже в принудительных браках. Утром его должны были доставить.

Охранники ведут меня на тот же этаж, где меня поселили, но не ведут в направлении комнаты, вместо этого мы поворачиваем налево наверху лестницы и идем по узкому коридору, пока вдруг стена передо мной не становится прозрачной. Стекло. Я смотрю прямо на океан. Солнце садилось, горизонт окрасился в оранжевые и розовые тона, а морские

птицы носились над водой в поисках пищи.

На воде лениво покачивались лодки: одни прогулочные, другие — морские, которые причаливают к пристани.

Ноги сами несут меня к двери, которую мне открывают и вводят внутрь.

— Скоро к вам принесут вашего сына.

Это все, что они сказали, прежде чем резко захлопнуть дверь.

Одна стена комнаты, как и та, что за дверью, стеклянная, из нее открывается тот же вид, три другие просто выкрашены в белый цвет, на них висят неброские предметы искусства. Еще две двери вели в другие комнаты.

Это была простая роскошь, плюшевый белый ковер с темно-серым меховым ковриком у подножия большой кровати королевского размера, застеленной темно-серыми шелковыми простынями и подушками. На комод не было никаких украшений или безделушек, но было зеркало и несколько основных туалетных принадлежностей. Больше, чем у меня было в предыдущей комнате.

Ноги утопают в ковре, когда я пробираюсь по комнате, пальцы перебирают мебель, о которой я даже не мечтала, пока не дохожу до первой двери и не открываю ее. Шкаф, в основном пустой, за исключением нескольких платьев с бирками и нескольких пар обуви. Я закрываю эту дверь и иду к следующей, открываю ее и обнаруживаю огромную ванную комнату с когтеобразной ванной на шесть человек и душем-водопадом у одной стены. Все помещение было сделано в серо-белом мраморе с золотыми элементами, переливающимися при ярком освещении. Полотенца лежали в шкафу на стене, а на стойке стояли туалетные принадлежности.

Я обнаружила новую зубную щетку и пасту и провела языком по зубам, скривившись от ощущения налета. Я вырываю щетку из упаковки и начинаю чистить зубы, мятная паста обжигает язык, но я все равно делаю это еще раз, для надежности.

Закончив с этим, я разделась и забралась в душ, горячая вода била по моей коже. Было приятно принять душ, почувствовать себя чистой после бог знает скольких дней, прошедших с тех пор. Я тщательно вымыла волосы шампунем, пахнущим манго, и намылила кожу мылом, пока пальцы не стали скукоживаться, после чего вылезла и завернулась в пушистое полотенце.

На минуту, всего на минуту, я позволяю себе погрузиться в роскошь, которая мне никогда не была дана, в роскошь полотенца на моей коже, в сладкие и одновременно мягкие ароматы, наполняющие воздух в ванной. У меня никогда не было этого, и я могу наслаждаться этим.

Расчесав мокрые волосы, я вышла из ванной и направилась в спальню.

Солнце было на последних стадиях своего заката, небо мутно-серое, но вода походила на бушующий огонь, когда солнце направляло свои лучи на ее поверхность.

Мы находились на вершине города. Оглянувшись на дверь, я прислушалась к звукам приближающегося человека, а затем направилась к окнам, чтобы лучше рассмотреть окрестности.

Внизу простиралась раскидистая лужайка, окруженная густой чередой деревьев. Перед домом располагался круглый двор, где стояло несколько блестящих и дорогих машин, а также фонтан, выбрасывающий в небо кристально чистую воду, которая затем каскадом стекала в бассейн. Дорога была длинной, и в конце ее находились ворота высотой не менее десяти футов, а может, и выше, но с такого расстояния я не могла судить об этом. А дальше,

за миллион миль от моего места, раскинулся город, в котором я выросла.

Где я боролась и страдала, плакала и кричала. Где я встретила Лукаса Сэйнта и родила сына. Это было прямо здесь, прямо передо мной. Прошое. Настоящее. Будущее.

Это было все, что я когда-либо знала, и все, что я ненавидела.

Мой отчим был где-то в этом городе, и единственный плюс, что я здесь, — это то, что я спрятана от него.

Я настолько погрузилась в свои мысли и вид, что внезапно открывшаяся дверь заставила меня вздрогнуть. Я оборачиваюсь и вижу Габриэля, который входит с Линкольном. Он замирает, увидев меня. Я не хотела, чтобы он видел мою спину или руки, я вообще не хотела, чтобы кто-то видел это. Я отступаю назад, пока мой позвоночник не упирается в стену, сжимая полотенце в кулаке. Его глаза опускаются вниз по моему покрытому полотенцем телу, темнея с каждой секундой.

— Убирайся.

Его мышцы на челюсти сжимаются, и он качает головой.

— В ящиках есть свежая одежда, — он говорит, проходя дальше в комнату.

Я остаюсь прижатой к стене, пока он наблюдает за мной, даже когда кладет спящего Линкольна в центр кровати, бережно укрывая его одеялом. Он крепко спит, соска во рту мягко шевелится, когда он сосет ее.

— Уходи.

— Надеюсь, ты выбрала платье?

— Да, — пробурчала я.

Он начинает идти ко мне, глаза снова опускаются. Я съежилась под его взглядом, под его пристальным вниманием. Мне было все равно, если бы ему не понравилось то, что он увидел, но я чувствовала себя уязвимой в одном лишь полотенце и без ничего под ним.

Вода капает с моих волос, стекает по лицу и плечам.

Он поднимает руку, и я инстинктивно вздрагиваю, что заставляет его замедлиться, но он продолжает, как ни в чем не бывало, большим пальцем смахнув капельку воды с моих губ, а после всасывает ее в рот.

Я сплываю, заставляя себя оставаться неподвижной, даже когда вид его губ, сомкнувшихся вокруг большого пальца, заставляет мои внутренности сжиматься в узел, а бедра дрожать.

— Увидимся утром, — мягко говорит он, встречаясь с моими глазами. — *Жена*.

Глава 10

Габриэль

Я сжимаю в руке свой член, упираясь рукой в скользкую плитку стены душевой кабины. Вода каскадами стекает мне на затылок, пока я наблюдаю за тем, как моя рука плотно сжимает мой ствол, в то время как *ее* образы заполняют мои мысли.

Одной ее обнаженной плоти под полотенцем было достаточно, чтобы я охренел. Я хриплю, трахая себя рукой, губы разошлись, и теплая вода попала в рот.

Амелия. Амелия. Амелия.

Bellissima (прим. пер. — прекрасна).

Allettante (прим. пер. — соблазнительна).

Moglie (прим. пер. — жена).

Я двигал рукой сильнее, быстрее, ее имя отдавалось эхом на моем языке, в моей голове. Я представлял, как эти пухлые губы раздвигаются, глаза закатываются, когда я вхожу в нее,

снова, снова, снова, бедра широко расставлены, ноги раздвинуты, а из киски капает ее естественная смазка, когда мои пальцы сжимают ее бедра, а зубы кусают ее сосок. Она стонет, плачет, умоляет меня, снова и снова...

Моя челюсть напряглась, и я кончил, мой хрип громко отдавался в душе, отскакивая от кафельных стен. Измученный, с дрожащими коленями, я прижимаюсь лбом к плитке, пока мой член подергивается между ног, а моя сперма стекает в слив.

Черт.

Это было неожиданно. Такое сильное возбуждение и потребность, которые возникли при виде ее в таком уязвимом состоянии. Невозможно отрицать влечение к ней, но это... это было неконтролируемо.

Я смываю с себя пот и выхожу из душа, обернув полотенце вокруг бедер, и направляюсь в свою спальню. Огни города радуют глаз, мерцая передо мной, как море звезд. Слышен шум волн, бьющихся о скалы, а вдалеке, через открытое окно, доносится гудок теплохода.

Завтрашний день будет напряженным. Ночью придут корабли с моими товарами, а один из них рассчитывал проплыть мой город, не заплатив налог. Кроме того, я собирался жениться на Амелии.

Эта вздорная маленькая женщина устроит мне настоящий ад, я был уверен, хотя и не представлял, как она это сделает, ведь сбежать от меня ей не удастся.

То, что она сегодня бросила мне вызов по поводу платья, было лишь попыткой представить, какой будет жизнь с ней. Но она будет уважать меня.

И она послушно слушала бы, когда я сказал бы ей, что не хочу, чтобы другие мужчины видели то, что принадлежит мне. Неважно, кто и по какой причине, она, ее тело, все это было моим, и я не собираюсь этим дерьмом делиться.

Я, блядь, поставлю на ней клеймо, если придется.

Мои пальцы впились в ладонь, мышцы напряглись.

Все это ради мальчика.

А еще мне нужны были ее секреты. Я хотел знать, почему она вздрагивает, когда кто-то делает слишком быстрое движение, как она научилась защищаться, где она выросла и как оказалась в этой полуразвалившейся квартире с моим племянником.

Ее досье было обширным: у меня была ее история болезни, информация о ее образовании, где она работала, или, по крайней мере, работала раньше, и информация, которая делала ее гражданкой этой страны, но эти переживания, эти жизненные уроки — это не то, что можно найти в досье.

Она отдала бы их мне, она отдала бы мне всю себя.

Вздыхнув, я сбросил полотенце и забрался на кровать, позволив простыням укрыть меня.

Впереди был долгий путь.

Я просыпаюсь раньше всех в доме, за исключением нескольких сотрудников, которые готовят завтрак на кухне. Ботинки цокают по мраморному полу, я прохожу через весь дом, мимо бильярдной с раздвижными стеклянными дверями и выхожу во двор, где будет проходить свадьба. Арка в конце была оплетена светлыми цветами, белый ковер усыпан лепестками, по обеим сторонам расставлены стулья, достаточное количество для того, чтобы посадить сотню человек.

Это была свадьба.

Все девушки мечтают о свадьбе, верно? Это было самое меньшее, что я мог сделать, — подарить ей что-то особенное, потому что это была единственная ее свадьба.

Но вечеринки не будет. Пока не будет.

За аркой открывается вид на океан, небо чистое, безоблачное.

Я пью свой кофе там, наблюдая за водой, пока дом просыпается и начинает готовиться.

Позади меня раздаются шаги, и Атлас присоединяется ко мне.

— Брат, — приветствую я.

— Ты женишься на девушке, — говорит он.

— Да.

— Почему? Лукас этого не сделал.

— Лукас проигнорировал своего собственного сына. Это было неправильно с его стороны.

— Возможно, эти традиции устарели.

Я смотрю на младшего из близнецов, родившегося через час после своего брата, Ашера. Они появились на свет в результате неверности моего отца. Моя мать не простила это и ненавидела то, что они остались и продолжают напоминать ей о его измене. Близнецы знали, что она их презирает, но, тем не менее, у нас были хорошие отношения.

— Ты считаешь, что я не должен жениться на этой девушке, — я констатирую факт.

— Мне плевать на девушку, — рычит он. — И на мальчика. Им было лучше там, где они были.

— Это твой племянник.

Он насмехается.

— Насколько я знаю, семья считается только тогда, когда ребенок рожден в верности.

Я вздыхаю.

— В чем дело, Атлас?

— Речь идет о том, чтобы заставить людей покинуть единственное, что они знают, и ради чего? Они ничего от этого не выигрывают.

— Ты имеешь в виду то, что случилось с тобой и твоим братом.

— Это было давно, Габриэль. Мы живем дальше.

— Когда ты в последний раз видел свою мать?

Он молчит.

— Верно, — говорю я. — Ты был ей не нужен. Мой отец пришел, когда тебе исполнилось шесть лет, и забрал тебя, а она отпустила тебя. Мы тебя спасли.

— И ты думаешь, что спасаешь его?

— Она не хотела отпускать мальчика.

Он насмехается и качает головой.

— Это погубит тебя, Габриэль.

Я вскидываю брови, спрашивая: — Что ты имеешь в виду?

Он качает головой.

— Продолжение этих традиций.

— Эти традиции помогают нам, Сэнтам, оставаться на вершине. Традиции — это то, что дало тебе и твоему брату лучшую жизнь, Атлас. Мой отец мог бы оставить вас гнить в той проклятой адской дыре, в которой она вас держала, но он этого не сделал.

— Ты должен был убить ее, — он прорычал себе под нос. — Потому что это сделает кто-то другой, и я уверен, что смерть от твоей руки была бы гораздо добрее, чем то, что

задумал бы любой из твоих врагов.

— О чем ты говоришь?

— Ты же знаешь, Габриэль, что уже несколько месяцев все не так гладко. Твой брат пропал, скорее всего, мертв, на тебя насаждают со всех сторон. Люди пытаются вытеснить тебя. А теперь ты притащил сюда ребенка и женщину, которая не в состоянии защитить себя от кого бы то ни было.

— Включая тебя? — процедил я сквозь зубы, палец дрогнув в направлении оружия, спрятанного за поясом.

Атлас вскидывает бровь.

— Вчера ей повезло с Девонем и Ашером, но когда ее подвергнут испытанию, ты думаешь, она выживет?

— *Она* не твоя проблема.

— Но *они* всегда моя проблема.

— Кто, блять, здесь Бо...

— Габриэль! — мама прервала меня. — Ты должен собираться! Уже почти время!

— Удачи тебе на свадьбе, брат, я уверен, что она тебе понадобится, — Атлас рычит себе под нос, затем идет к своей машине, садится в нее и мчится прочь с участка, раскидывая гравий по сторонам.

Моя мать не обращает на него внимания. Да и не обратила бы никогда. Ашер стоит в дверях, следя глазами за мчащейся машиной. Я надеялся, что сегодня они не будут устраивать сцен.

Я специально планировал, чтобы свадьба была на высшем уровне. Городские чиновники и представители высшего общества. Мне нужно было, чтобы они увидели Амелию, увидели ее как мою жену и тем самым сделали ее неприкасаемой. Они не должны были разговаривать с ней, задавать ей вопросы. Она была моей.

Сэйнт.

Как и ее сын.

Я прохожу в дом, не обращая внимания на кейтеринг и обслуживающий персонал, которые с маниакальной скоростью проходят по коридорам и комнатам, а затем направляюсь к себе, чтобы переодеться. Осталось сорок пять минут.

Сорок пять минут до того, как она навсегда станет моей.

Девон стоит в стороне, будучи свидетелем, кольца у него в кармане. Атласа не было, но Ашер был здесь, стоял сразу за Девонем.

Моя мама, держа на коленях Линкольна, сидела в первом ряду. Все кресла были заполнены, но камер не было. Я их не разрешил.

Из динамиков, установленных вокруг церемонии, скрытых букетами цветов, обтянутых белой лентой, начинает тихо звучать музыка.

Мое терпение. Оно подходило к концу.

Я смотрю в сторону двери, ожидая ее появления. Она опаздывала.

Но уже через мгновение я увидел ее, одетую в белое платье, которое я не выбирал, на ходу выщипывающую лепестки из своего букета, идущую, рассыпая их под ногами.

Она, конечно, была сногшибательна: темные волосы завиты и заколоты, лицо сияло от косметики, которую нанесли, но в глазах горел огонь, а тело было выставлено напоказ.

Она встретила мой взгляд с конца прохода и ухмыльнулась.

Глава 11

Амелия

Его взгляд был достоин попадания в книгу рекордов.

Это действительно так.

Его взгляд прожигал меня, когда он рассматривал мою кожу, выставленную напоказ. Прорези на платье с обеих сторон разошлись, открывая бедра, и стало ясно, что на мне нет нижнего белья, так как разрезы были слишком высокими. Это был смелый шаг, но я решилась, и раздражение на его лице того стоило. Глубокое декольте было изменено по сравнению с изначальным планом, но это не страшно, швея проделала невероятную работу, и мне удалось избежать просвета соска, что произошло бы в предыдущем варианте. Вместо этого, как я и просила, она сделала глубокое декольте аж до самого пупка, а затем соединила две стороны вместе с рукавом такой же кружевной сеткой, но прозрачной, чтобы все было видно.

Его глаза пробежали по моему телу, следуя за изгибами, и я готова поклясться, что в них разгорелась война. Война между желанием и гневом. Я срываю лепестки на ходу, оставляя за собой след, пока, наконец, не дохожу до него, и цветы оказываются голыми, просто стебельками в моей руке.

— Разве ты не собираешься сказать мне, что я прекрасно выгляжу? — я усмехаюсь.

Его мышцы напрягаются, когда он сжимает зубы.

— Где остальное платье? — шипит он.

Позади нас я слышу шепот голосов, но не настолько, чтобы понять смысл.

— Я внесла изменения.

Его ноздри раздуваются, а я ухмыляюсь ему во все зубы.

— Мы готовы начать? — спрашивает священник.

— Да, — огрызается Габриэль, поворачиваясь к нему.

— Что-то не так, Габриэль? — ласково спрашиваю я.

Он смотрит на меня боковым зрением, но, в конце концов, ничего не говорит. Я поворачиваюсь к священнику, моя грудь и голый букет на виду. Его глаза расширяются, а Габриэль становится еще более раздраженным, его руки сжимаются в кулаки по бокам.

— Покончи с этим, — прорычал он себе под нос.

Мужчина сглатывает, на его лбу выступает пот. Он начинает церемонию, и голос его все время дрожит. От нас нет никаких собственных клятв, кроме тех, что читает священник, и когда на свет появляются кольца, мое сердце подскакивает к горлу.

Габриэль берет кольцо у Девона и держит сверкающее украшение между пальцами, когда его просят повторять клятву. Он натягивает его до костяшки пальца, пока его глубокий баритон проникает в меня.

Секунду я смотрю на него. На камень, украшающий мой палец, на бриллиант, сияющий так ярко и чисто. Я выхожу из ступора, когда кольцо в мою руку впихивает Девон, его взгляд может сравниться с взглядом Габриэля. Он все еще сердится из-за тарелки, я поняла. Я беру кольцо, но не копирую то, что делает Габриэль, а оставляю его на конце его пальца, пока произношу клятву, а затем с силой надеваю его. Достаточно сильно, чтобы край металла поцарапал его кожу и палец покраснел.

— *leonessa*, — промурлыкал он. — Ты меня дразнишь.

Церемония заканчивается, не успев толком начаться. Я неохотно говорю да, но слова

вылетают из моих уст только из-за вида моего сына в первом ряду, удобно устроившегося на коленях пожилой женщины и хихикающего над игрушкой, которую он держит в руках. Я была благодарна, что он не понимает, что здесь происходит.

— Вы можете поцеловать невесту....

Габриэль лишь мгновение смотрит на меня, а затем стремительно наклоняется, берет мое лицо в свои руки и прижимается ртом к моему. Это было жестоко и мощно, и все же я обнаружила, что мои губы раскрываются, позволяя его языку проникнуть внутрь и ласкать мой собственный. Клянусь, я почувствовала вибрацию рыка у себя во рту, а его большие пальцы нежно провели по моим щекам.

Первый поцелуй.

Единственный.

Он крепче сжимает меня, когда я пытаюсь отстраниться, доминируя в этом действе, наказывая меня своей жестокостью так, что всем остальным это казалось страстью.

А потом все закончилось, и я чувствовала, что мои губы распухли, пока он сжимает челюсти, глядя на меня сверху вниз.

— *Finche morte non ci separi* (прим. пер. — пока смерть не разлучит нас).

— Пока смерть не разлучит вас, — повторяет кто-то.

Он заставляет меня повернуться вместе с ним, поворачивая нас лицом к зрителям, аплодирующим тому, что, как они не знают, является принудительным браком. Когда мы начинаем идти к алтарю, раздается первый выстрел.

Крик пронзает толпу, перекрывая хлопки и музыку. Все происходит так быстро, что я едва успеваю за всем этим. На церемонии начинают раздаваться новые выстрелы, пули попадают в тела, кровь пропитывает белые ленты и лепестки. Габриэль в одно мгновение оказывается на мне, он заставляет меня лечь, его грудь прижимается к моему позвоночнику, а его тело обвивается вокруг моего, защищая нас от пуль.

Стекло разбивается, и крики эхом отдаются в моей голове.

— Линкольн! — кричу я.

— Лежать! — Габриэль приказывает с властностью, которую ему еще не приходилось демонстрировать, она доминирует, и ее трудно послушаться, но Линкольн, мой сын.

— Мой сын! — кричу я, борясь с ним.

Он прижимает меня к себе, направляя нас к бару, установленному слева от прохода, бокалы и бутылки шампанского опрокинуты, некоторые разбиты, золотистая жидкость капает с края выдвижного бара. Он толкнул меня за барную стойку, его тело все еще обхватывало меня, рука сжимала мой затылок, вжимая мое лицо в свою грудь.

Бойня все еще продолжалась, выстрелы и крики были такими громкими, что я была уверена, что их слышно до самого города.

Я толкаю Габриэля, пихаю, царапаю, но он не отпускает.

— Линкольн, — умоляю я. — Пожалуйста, Габриэль, мой сын!

— Он у Девона, — рычит он, отпуская меня только для того, чтобы откинуть мою голову в сторону: я вижу, как Девон держит моего сына на руках, пока он выпроваживает женщину через французские двери. Через мгновение они исчезают.

Я начинаю двигаться, прежде чем это осознаю, и иду за ними. Раздается еще один выстрел, Габриэль оттаскивает меня назад, но слишком поздно: пуля пронзает верхнюю часть руки. Огонь вспыхивает на моей коже, жар крови подобен инферно, а боль — взрыву.

Габриэль проводит рукой по окровавленному месту, в моем зрении пляшут черные

точки.

— Черт, Амелия — сердито шипит он. — Не дергайся, мать твою.

Я прижимаюсь к нему.

Он хватается меня за лицо как раз в тот момент, когда очередная пуля попадает в бар и раздается громкий взрыв. Стекло сыплется на нас, но он прикрывает меня от него своим телом.

Я поворачиваюсь лицом к дверям, сердце колотится в груди, кровь шумит в ушах, и в этот момент вижу, как из дома выбегает масса людей в черных костюмах.

Они сразу же начинают стрелять в том направлении, откуда прилетели пули.

А потом все прекращается, и тишина оседает вокруг нас, как тяжелое одеяло. Габриэль тяжело дышит, из царапины на щеке, куда, видимо, угодило стекло, сочится кровь.

— Ты в порядке, — пробормотал он, встретившись с моими глазами. — Все закончилось.

Я сглатываю, глядя на жестокое, но одновременно красивое лицо моего похитителя, моего мужа. Он держит меня неподвижно, глядя за край барной стойки, и когда ему кажется, что все чисто, он обхватывает меня руками и поднимает нас обоих с земли. Мое белое свадебное платье было испачкано кровью, красные капли покрыли шелк и сетку.

— Девон! — кричит Габриэль.

Он легкими, решительными шагами входит в дом, оставляя позади кровавую бойню, умирающие тела, плач. Он игнорирует все это, как человек, который видел смерть и называет ее другом.

— Опустите меня, — толкаю я его.

Он смотрит на меня, переводя взгляд на кровь, просачивающуюся сквозь пальцы, зажавшие рану на моей руке, на окровавленное платье, на капельки крови, попавшие на открытый участок моего живота, на грудь и ребра.

— Девон! — снова кричит он.

Мужчина бежит к нам, кровь на его лице и руках.

— Линкольн! — кричу я.

— Он в порядке, Амелия, — мгновенно успокаивает Девон. — Не ранен. Это не его кровь.

Он осторожно убирает мои пальцы от раны, и с моих губ он срывается хныканье. Габриэль оттаскивает меня от него.

— Не трогай ее, мать твою.

Девон вздыхает, говоря: — Габриэль, отдай ее мне. Я исправлю это.

— Отпусти меня! — шиплю я на Габриэля, толкая его в грудь. — Убери от меня свои руки!

Он смотрит на меня, в его огненных глазах появилась мягкость, которую я не хотела видеть.

Я обнажаю зубы, он хмыкает в ответ и отпускает меня, удерживая до тех пор, пока Девон не берет меня за руку.

Всю дорогу я чувствовала, как его взгляд прожигает дыры в моей спине.

Глава 12

Амелия

— Тебе повезло, — бормочет Девон, его лицо — маска сосредоточенности, пока он накладывает швы на мою руку. — Еще несколько дюймов, и она бы прошла насквозь.

Я отвожу взгляд от Линкольна, который играет с какими-то блоками посреди пола, рядом с ним лежит выброшенная тарелка с печеньем.

— Повезло? — я насмехаюсь. — В этой ситуации нет ничего удачного.

Девон отводит взгляд от моего плеча. Пуля задела мою руку, оставив глубокую рану, на которую пришлось наложить швы, но она не прошла насквозь, и ничего не было повреждено. Я ничего не почувствовала после того, как Девон ввел анестезию, хотя ощущение того, как он вводит в меня иглу, было неприятным.

Я была вся в крови и грязи, но, кроме руки, со мной все было в порядке. На Линкольне не было ни царапины благодаря Девону и матери Габриэля, с которой мне еще только предстояло познакомиться.

Я понятия не имела, что происходит за пределами этой комнаты, хотя слышала крики и приказы, гнев, излучаемый Габриэлем и Ашером.

Сколько человек погибло? Сколько раненых?

— Не думай об этом, — шепчет Девон, откладывая инструменты.

— Что?

— Я вижу, Амелия, это выражение твоих глаз, ты думаешь о мертвых.

— Как же иначе?

Он пожимает плечами.

— Когда ты видишь это, сталкиваешься с этим почти ежедневно, это просто одна из тех вещей, с которыми учишься жить. Смерть неизбежна.

— Ты прав, — соглашаюсь я. — Это так, но большинство предпочло бы простую смерть, а не ту, что полна кровопролития и криков. Большинство из тех, кто умер сегодня, ожидали бы вернуться домой сегодня вечером.

— Ты считаешь, что кто-то из присутствующих здесь сегодня гостей — хорошие люди, Амелия?

— Здесь были городские чиновники! — возражаю я.

— И они самые коррумпированные из всех! — спорит Девон.

— Как?

Он закрывает рот, качая головой.

— Когда Габриэль захочет ввести тебя в курс дела, как управляется этот город, он сможет тебе рассказать. Держись подальше от неприятностей, — он закрывает свой набор и начинает уходить. — И переоденься, Амелия, ты вся в крови.

Он оставляет меня наедине с Линкольном, и я опускаю взгляд на испорченное платье, рукав, где был сделан порез, чтобы Девон мог добраться до раны, и кровь на моей коже. Я избежала одной беды, но попала в другую.

Я встаю и иду к Линкольну, поднимаю его с пола как раз в тот момент, когда открывается дверь.

Вошла женщина, с которой Линкольн сидел на церемонии. Мать Габриэля.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Она была красивой женщиной, темные, почти черные волосы с серебристо-белыми прядями свисали прямым занавесом вокруг ее лица. У нее были глубокие карие глаза, вокруг них были складки, но они скрывали в себе много мудрости и доброты. Но была в них и суровость, особенно вокруг рта. Она была стройна, элегантно одета в бледно-голубое платье и белые туфли на каблуках, ее кожа была загорелой.

— Здравствуйте, Амелия.

— Вы, должно быть, Камилла Сэнт, — говорю я.

— Да.

— Спасибо, что уберегли его, — говорю я про Линкольна.

— Я всегда буду беречь своего внука, Амелия.

Я киваю и прохожу мимо нее.

— Извините.

— Почему вы скрывали его? — спрашивает она, прежде чем я успеваю убежать.

Я сглатываю, говоря: — Я не скрывала его, я просто не раскрыла правду.

— Лукас был бы хорошим отцом.

Я качаю головой.

— Нет, Камилла, он бы не стал.

— Прости, что?

— Как может кто-то намеренно навязывать такую жизнь своим детям? — я смотрю через плечо на пожилую женщину. — Это насилие. Лукас оказал Линкольну услугу, не приехав за ним, так как, по словам Габриэля, он все о нем знал.

— И вы не хотели, чтобы у Линкольна был отец? — спросила она с легким укором в голосе.

— Дело было не в отце. Я забеременела случайно и, когда узнала об этом, поняла, что не хочу, чтобы Линкольн принимал в этом участие.

— У него могло бы быть совсем другое воспитание, если бы ты рассказала о нем раньше.

— Не судите меня за то, как я жила.

— Я сужу тебя за то, что ты могла дать ему и не дала.

Я усмехаюсь.

— И если бы я могла сделать это снова, Камилла, я бы все равно выбрал то, что у меня было, а не это.

— Ты глупа.

— Возможно, — соглашаюсь я. — Но лучше быть глупой, чем мертвой.

Я ухожу, чувствуя, что она смотрит мне вслед. Платье волочится за мной, каблук цокают по мрамору. Я чувствую на себе взгляды, я чувствую, что они наблюдают за мной, пока я иду к лестнице, но на последней ступеньке я чувствую, как мое тело начинает пылать. Я поворачиваюсь и вижу в дверях Габриэля, порез на его лице очищен, но костюм весь в крови, руки тоже. Он оглядывает меня, а после отворачивается, возвращаясь к своему разговору.

Внутри меня все сжалось, напряглось. Я знал, что это лишь вопрос времени, когда я сломаюсь.

Я несу Линкольна в свою комнату, обнимаю и укачиваю его, пока он не засыпает, потом укладываю его и закрываюсь в ванной. Я снимаю платье, оставляя на полу бело-красную кучу, и начинаю оттирать кожу у раковины, пока за моей спиной наполняется ванна. Я счищаю кровь до тех пор, пока кожа не становится красной от того, что я царапаю ногтями

В горле стоял комок, глаза горели. Только когда я лежу в ванне, приподняв раненую руку, чтобы она не намочилась, я срываюсь.

Всхлип эхом отдается в ванной, отскакивая от кафеля.

Мои плечи вздымаются при каждом вдохе, щеки мокрые от слез, которые каплют с

подбородка в воду вокруг меня. Эти выстрелы эхом отдаются в моей голове, крики умирающих, как больная песня, звучат в моих ушах.

Как кто-то мог так жить, как кто-то мог смотреть на смерть так, как будто она ничего не значит? Это были люди, которых действительно стоило бояться.

Им не было дела ни до живых, ни до боли утраты. Они просто были.

И это ужасало. Как легко они отмахнулись от этого и забыли об этом.

Поэтому я позволяю себе плакать, потому что это напоминает мне, что я не чудовище. Я не такая, как они, даже если мне пришлось это пережить.

Слезы все еще капают, когда я умываюсь и вылезаю из ванны, сливая воду. Завернувшись в полотенце, я выхожу в спальню и замираю на месте.

Габриэль сидит посреди моей кровати, Линкольн рядом с ним.

На нем все еще окровавленный костюм, но руки чистые.

Он смотрит на меня, медленно оглядывает мое тело, затем переводит взгляд на мое лицо и хмурит брови.

— Ты плакала, — констатирует он.

— Ничего себе, — шиплю я, бросаясь к комоду. Я вытаскиваю единственную пару шорт и камисоль⁴. — Ты наблюдателен. Поздравляю.

— Почему, *leonessa*? — спрашивает он с неподдельным любопытством.

— Почему, что? — я возвращаюсь в ванную, чтобы переодеться.

— Почему ты плачешь?

— Ты действительно спрашиваешь об этом, Габриэль?

Он качает головой в движении, которое кричит о хищнике, оно звериное, принадлежащее скорее зверю, чем человеку, тому, кто не имеет представления о том, какой должна быть нормальная жизнь.

— Да.

Я качаю головой и отказываюсь отвечать, вместо этого запираясь в ванной, чтобы переодеться. Мое отражение смотрит на меня. Как это могло случиться?

Я должна была уйти в тот момент, когда узнала о существовании Линкольна внутри меня, я должна была уехать тогда.

Порезы на запястьях зарубцевались, немного покраснели, но, конечно, на церемонии никто не видел этих ран, их закрывали рукава моего платья. И, конечно, теперь у меня была новая отметина. Боль была не слишком сильной, и я была уверена, что это благодаря уколу, который сделал мне Девон.

Выйдя из ванной, я обнаружила, что Габриэль все еще ждет, хотя и смотрит на моего сына.

— Знаешь, — пробормотал мужчина. — Он очень похож на Лукаса в этом возрасте, но у него твой нос.

Я игнорирую его заявление, бормоча: — Я устала, Габриэль.

— Тебе нужна одежда, — он окидывает взглядом мои ноги. — Я организую для тебя машину на завтра.

Я киваю, соглашаясь, и он поднимается с кровати, делая несколько шагов ко мне. Я быстро отступаю назад, ударяясь позвоночником о комод.

— Ты не должна меня ненавидеть, Амелия.

— Нет, должна.

Он смотрит мне в лицо и тихо говорит: — Посмотрим.

Глава 13

Габриэль

Телефон звонит, когда за мной закрывается дверь.

— Слушаю, — отвечаю я, поднося трубку к уху.

— Ты нужен на пристани.

— У меня нет на это времени, Атлас, — рычу я. — Мне нужно разгрести гребаную бойню.

— Что случилось!? — требует он.

— На дом напали сразу после церемонии, семеро убитых, четверо раненых, — сыплю я цифрами.

— Ашер!?

— В порядке.

Он шумно вздыхает.

— Что происходит на пристани? — молчание. — Атлас, — приказываю я.

— На ваш груз напали до того, как он причалил, судно подверглось налету, а команда была убита. До полудня никто не проникал на судно, но все пропало.

— Что значит "пропало"?

— Исчезло, Габриэль. Все.

— Как!? — мой голос прогремел. — Это же товар на три миллиона долларов, Атлас! Как кто-то может забрать все это!?

— Я не знаю, брат, мы сейчас пытаемся все это выяснить.

— Я уже еду.

Я вешаю трубку, гнев нарастает так быстро, что я слышу, как кровь стучит у меня в ушах. Я с ревом отбрасываю телефон, аппарат ударяется о стену, разбивает экран и падает на пол. Дверь позади меня распахивается.

— Что происходит! — она в панике.

— Иди в свою комнату, Амелия, — предупреждаю я.

— Габриэль, — хмурится она. — Что случилось?

— Вернись в свою комнату! кричу я.

Она отступает назад, глаза расширяются от страха. Когда она оказывается достаточно далеко, я берусь за ручку и захлопываю дверь, запирая ее на ключ, а затем быстро поднимаюсь по лестнице.

— Я хочу, чтобы двое мужчин постоянно находились у ее комнаты, — приказываю я, как только оказываюсь в фойе, в ответ они смотрят на меня в ступоре. — Сейчас же!

Двое мужчин вскакивают и направляются вверх.

— Девон, Ашер, за мной.

Они подходят и следуют за мной, пока я выхожу на улицу, где светит солнце.

— Что случилось? — спрашивает Девон.

— Кто-то, блядь, предал нас, — прорычал я. — И когда я, блядь, найду его, я разорву его на части.

На полу лежал ряд белых мешков, судно, стоявшее на якоре, было заполнено полицейскими и моими людьми. Люди в мешках были мертвы уже сутки, но при такой жаре можно было подумать, что прошла неделя. Это была вонь, с которой я был знаком, но к

которой никак не мог привыкнуть.

Ко мне направляется начальник полиции с досье и USB-накопителем в руках.

— Судовые камеры засекли катер, следовавший за ними около часа ночи. Они напали на катер и высадились на него чуть позже трех часов утра.

— Так как же они сюда попали?

— Все есть на видео.

— Имена?

— Ни одного.

Мои зубы болезненно скрежещут. Впереди меня Атлас разговаривает со своим братом, рядом Девон — с офицером. За ними судно покачивается на воде, мои контейнеры открыты и пусты. Невозможно было очистить все это за несколько часов.

Мои враги были дерзкими, но это? Кто-то изнутри должен был сообщить эту информацию, дать им координаты и номера контейнеров, чтобы они могли нанести такой точный удар.

Я беру вещи и несу их обратно в машину, сажусь на переднее сиденье и достаю ноутбук. Сразу же открываются файлы с диска, и я нажимаю на видео, наблюдая за тем, как нападают на мою гребаную собственность. У людей на судне не было ни единого шанса против небольшой армии, высадившейся на палубу. В течение пяти минут темноту пронизывают яркие вспышки выстрелов, прежде чем все снова погружается во мрак. Но если все погибли, то кто же доставил судно к пристани?

Закрыв ноутбук, я возвращаюсь к месту происшествия. Тела уже убрали, судно опустело, но для меня это было только начало. Это был не первый случай нападения на мои грузы, и не последний, но этот был самым крупным. Меня волновал не столько трехмиллионный ущерб, сколько то, как это произошло и кем организовано.

И это было уже второе происшествие за день. Бойня на церемонии так и осталась нераскрытой, нападавшие либо мертвы, либо сбежали. Они были умны, но я собирался быть умнее.

Нельзя напасть на Сэйнтов и остаться в живых.

— Ты звал меня, — голос ее суров, строг. Она так и стоит у двери, плечи напряжены, под глазами глубокие тени от усталости.

Я чувствовал ту же усталость в своих костях. Я еще не спал, всю ночь смотрел записи с судна.

Я заметил стоявших за ее спиной охранников, которые, вероятно, заставили ее прийти сюда после того, как я послал их за ней.

На ней было простое хлопчатобумажное платье, темные волосы убраны, на плечи накинут кардиган.

— Где Линкольн?

Она раздраженно раздувает ноздри.

— Твоя мать забрала его.

Я подавил ухмылку. Он все равно должен был остаться здесь, пока ее не будет, и теперь мне не нужно было спорить с ней по этому поводу. У нее не было причин бежать, раз ее сын не с ней.

Я посмотрел на двух охранников позади нее, один из них был новеньким, я не знал его

имени, но обычно меня это не интересовало, пока они не умирали после первого месяца работы, второй был человеком по имени Кольт, он был со мной около трех лет.

— Кольт, отвези Амелию в город, помоги ей с покупки.

— Сэр?

— Убедись, что она купит достаточно вещей, чтобы заполнить шкаф и ящики. И еще одежду для мальчика.

— Я не хочу ходить по магазинам с незнакомцами, — огрызнулась Амелия.

— Не возвращайтесь, пока все не будет сделано.

— Да, сэр, — отвечает Кольт.

— И возьмите близнецов, чем больше вас будет, тем лучше.

— Да, сэр.

— Габриэль! — рычит Амелия.

— И, Кольт, — я пригвоздил мужчину взглядом. — Защищай ее. Одна царапина — и я получу твою голову.

Он сглатывает и кивает.

— Идемте, мисс Дойл.

— Миссис Сэйт, — поправляю я.

Они все замирают.

— Она моя жена, обращайтесь с ней как с женой.

Я отпускаю их, слушая, как Амелия спорит с Кольтом. Я вижу, как близнецы присоединяются к ним, прежде чем они проводят ее через дверь.

Как только я слышу звук отъезжающей машины, я нажимаю кнопку на видео, которое я поставил на паузу. Последние несколько мгновений перед тем, как судно было оставлено на пристане, чтобы мы его нашли.

На палубу выходят две фигуры, одна из которых полностью одета в черное, лицо скрыто за балаклавой. Солнце только-только пробилось сквозь ночную тьму, заставив небо дать больше света, и я могу разглядеть лицо капитана. Он сидит на самом краю лодки, лицом к морю. Не колеблясь, мужчина нажимает на курок и стреляет капитану в спину. Он падает за борт, ударяясь о воду.

Я делаю паузу.

В воде не было обнаружено ни одного тела.

Я снова нажимаю "play", мужчина идет к самому концу судна, исчезая из виду, и через несколько мгновений подъезжает небольшой катер, забирая последнего человека с судна и оставляя остальные тела на борту. Они опустошили мои контейнеры примерно за два часа, по крайней мере, сотня человек была наготове, чтобы обокрасть меня.

Они перенесли все на меньшее судно, которое привязали к большему. Это заняло совсем немного времени и не имело свидетелей.

По уровню организации это могла быть только внутренняя работа. Близкий круг людей.

Человек, достаточно жадный, чтобы украсть, или были более глубокие мотивы?

Я сцепил пальцы под подбородком, глядя, как исчезает катер.

Глава 14

Амелия

Я упрямо скрещиваю руки, стоя посреди тротуара перед торговым центром. Близнецы стоят по обе стороны, Кольт впереди.

— Миссис Сэйт, — пытается он.

— Еще раз назовешь меня так, Кольт, и я дам тебе по горлу.

Он закатывает глаза.

— Мистер Сэйнт не пустит вас обратно домой, пока вы не сделаете покупки, так что пойдете.

— Тогда я не вернусь.

Кольт покраснел.

— А твой сын? — Атлас ворчит. — Ты просто бросишь его?

Мои зубы болезненно скрежещут.

— Я ненавижу вас всех.

Я врываюсь в огромное здание и захожу в первый попавшийся магазин. Даже не утруждая себя поиском, я хватаю платя, джинсы и юбки своего размера, запихивая их в руки троих мужчин, вынужденных следовать за мной. Детской одежды в этом магазине не было, поэтому после того, как они расплатились, я направилась к одному из них.

Проще было купить одежду Линкольна, но еще проще было тратить чужие деньги, покупая сыну новые вещи. У него давно не было ничего нового, а вся одежда, которая ему принадлежала, была куплена в магазинах благотворительности.

Для него я выбираю более тщательно, чтобы все идеально сидело, покупаю ему новые ботинки и кардиганы на лето, вся одежда мягкая под моими пальцами и разных ярких цветов. Я слышу, как мужчины что-то тихо обсуждают, но стоит мне повернуться, как один из них, если не все, наблюдает за мной.

Близнецы нервировали. Атлас навис надо мной, его трудно было не заметить, и в его глазах было много злости, много ненависти. Это было видно по выражению его лица, по тому, как нахмурились брови и потухли глаза. Он не сказал мне больше нескольких слов, и в каждом из них не было ни тепла, ни даже элементарной человечности.

Однако у его брата, Ашера, было больше харизмы, больше обаяния, как я полагала. Он заводил разговоры, даже если они были неловкими.

А Кольт, он был просто щенком. Он был из тех, с кем легко вступить в дружбу, с кем можно было свободно общаться, к тому же он шутил. Если бы я встретила его где-нибудь еще, он бы мне понравился.

Но он работал на Габриэля Сэйнта, поэтому автоматически стал моим врагом.

Они все стали такими.

Я передаю вещи Ашеру, который идет их оплачивать.

— Ладно, теперь мы закончили, — говорю я. — Отвезите меня к моему сыну.

Кольт смотрит на сумки.

— Этого недостаточно, миссис Сэйнт.

— Недостаточно!?! — визжу я.

Он качает головой.

Когда Ашер расплатился и вернулся с пакетами для Линкольна, он и Атлас понесли их в машину, а мы ждали внутри торгового центра.

Здесь было жарко. Слишком жарко, к тому же я была голодна. Я не хотела здесь находиться.

— Вы очень бедны — замечает Кольт.

Я отмахиваюсь от него и начинаю идти, но обнаруживаю, что шатаюсь на ногах. Я беру за край скамейки, чтобы не упасть.

— Миссис Сэйнт, — хватается меня Кольт.

— Прекрати... — прохрипела я. — Перестань называть меня так.

Почему я запыхалась? Я положила руку на голову, глаза затуманились.

— Амелия, — он прижимает меня к себе. — Когда ты ела в последний раз? — я качаю головой, поскольку не могла вспомнить. — Черт.

Его рука обхватывает меня, чтобы удержать в вертикальном положении, и я не сопротивляюсь, пока он ведет меня в сторону зала с едой, усаживая нас обоих за стол у выхода. Он зовет близнецов, прежде чем сделать заказ по меню. Я не слушаю, что он заказывает, так как закрываю глаза и опускаю лицо в ладони, пытаюсь прогнать головокружение.

— Вот, — он обхватывает рукой мое запястье, заставляя меня посмотреть на него, и протягивает мне бутылку воды. Я без вопросов беру ее и делаю глоток.

— Я в порядке.

Кольт хмурится на меня.

— Ты будешь есть.

— Просто отвезите меня домой, я поем там.

— Ты поешь здесь.

Проходит двадцать минут, прежде чем головокружение проходит.

— Я в порядке, Кольт, мы можем просто уйти?

Я встаю, так как теперь у меня есть немного больше сил, но рука шлепает по спинке стула, новое тело заполняет пространство, блокируя мне выход.

— Сядь, Амелия, — рычит Габриэль.

У меня открывается рот.

— Что ты здесь делаешь?

— Ты думаешь, они не сказали бы мне, что моя жена больна?

— Я не больна.

— Ты почти потеряла сознание, — возражает он.

Я закатываю глаза и бросаю взгляд на Кольта. Это был либо он, либо один из близнецов, который доложил ему. Я скрещиваю руки и сажусь обратно. У меня не было другого выхода. Он опускается на свободное место рядом со мной, не сводя глаз с моего лица.

Официантка ставит на стол тарелки с едой.

— Ешь.

— Пошел ты.

— Может быть, позже, — низко пробормотал Габриэль. — Ешь.

— Ты отвратителен.

— Мне нужно отойти... — Кольт быстро уходит, оставляя нас наедине.

— Амелия, ты не выйдешь отсюда, пока не доешь.

— Какое тебе дело!?

— Я не позволю своей жене умереть с голоду!

— О, тебе это очень нравится, не так ли, — огрызаюсь я, хватая тарелку с макаронами. — Жена это, жена то, как насчет того, чтобы взять эти слова и засунуть их себе в задницу!

Я запикиваю в рот макароны — слишком много, чтобы удобно было жевать, но мне все равно. Пусть я стану для него отвратительной настолько, что он будет держаться от меня подальше.

Он ухмыляется, наблюдая за мной, и продолжает смотреть, пока я съедаю всю миску, мой желудок болезненно сжимается, когда в нем появляется слишком много пищи.

Он поднимает руку и смахивает немного соуса с моего рта, облизывая палец дочиста, прежде чем пододвинуть ко мне тарелку с картофелем фри.

— Ни в коем случае, — он сверкает глазами. — С меня хватит!

— Еще.

Я успеваю съесть половину картошки, прежде чем чувствую, что вот-вот лопну.

— Я больше не могу.

Он смотрит вниз на еду. Там оставалось еще две полные тарелки еды, от одного взгляда на которую мне становилось плохо. Кольт заказал слишком много.

— Отныне ты будешь есть со мной каждый день, Амелия. Без вопросов. А если это буду не я, то один из моих людей, и будь уверена, они не отпустят тебя, пока ты не съешь достаточное количество еды. Ты моя жена, ты сама о себе позаботишься.

Я насмехаюсь.

— Как скажешь, Габриэль, мы можем идти?

Он вскидывает бровь.

— Без драки и споров?

— Я устала и хочу увидеть своего сына, — вздыхаю я. — Пожалуйста, мы можем просто уйти?

Он смотрит мне в лицо и, едва заметно кивнув, поднимается из-за стола, а затем предлагает руку, чтобы помочь мне выйти. Я не беру ее и вылезая сама.

— Ты закончила с покупками? — спрашивает он.

— Да.

— Там много вещей?

Я пожимаю плечами.

— Достаточно.

Когда мы вернулись, в доме царил хаос: близнецы и Кольт покинули торговый центр задолго до нас, но людей с оружием здесь было больше, чем раньше. Я бросаю взгляд на окна, вижу двор, где накануне проходила церемония, и не замечаю ничего необычного. Ни пятен крови, ни стекол — как будто бойни и не было.

— Где Линкольн? — спрашиваю я.

— В игровой с матерью, — говорит мне Габриэль, подталкивая меня к двери. — Иди. Побудь там немного.

— Что? Сегодня нет клетки?

— Если ты предпочитаешь оставаться взаперти, то будь добра, Амелия.

— А откуда ты знаешь, что я не сбегу?

Он ухмыляется.

— Ты думаешь, что сможешь пройти мимо моих людей? — он оглядывается по сторонам. — Но если тебе это удастся, знай, что я буду преследовать тебя, от меня не уйти, и ты не сможешь спрятаться нигде, где бы я тебя не нашел.

— Спасибо за предупреждение, — усмехнулась я.

Я поворачиваюсь к нему спиной и направляюсь через фойе к двери, ведущей в игровую. За дверью я слышу знакомый смех моего сына, этот теплый, домашний звук, который

мгновенно снимает боль в груди, о которой я и не подозревала. Я не привыкла проводить так много времени в разлуке с Линкольном.

Я осторожно и тихонько открываю дверь и заглядываю внутрь. Камилла сидит посреди пола в окружении мягких игрушек и строительных блоков, а Линкольн, счастливо хихикая, сидит перед ней. Странное зрелище: элегантная Камилла Сэйт слегка растрепана, несомненно, от того, что она часами развлекает моего сына, своего внука.

Я немного растаяла, наблюдая за ними, за тем, как она заботится о нем, с каким терпением она сидит, пока он дергает ее за волосы и тычется в лицо пальцы.

Хочется сейчас обнять сына, и я даю знать о своем присутствии у двери, проскальзывая внутрь. Камилла оглядывается и мягко улыбается. Я предполагаю, что это выражения лица для маленького мальчика, который стоит перед ней и ничего не понимает.

— Как он? — спрашиваю я, присаживаясь на диван. Линкольн замечает меня и тут же улыбается, спотыкаясь о собственные ноги, когда спешит ко мне.

— Отлично, — улыбается она.

Я поднимаю его с пола и сажаю к себе на колени, где крепко обнимаю.

— Он очень похож на Лукаса, когда тот был в таком же возрасте, — вздыхает Камилла. — Авантюрный, игривый, всегда такой любопытный.

— Мне очень жаль вашего сына, — говорю я ей.

— Нет доказательств, что он умер, — шепчет она. — Еще есть надежда.

Я не могла даже представить себе ее боль. Ребенок, сколько бы ему ни было лет, никогда не должен умирать раньше родителей, но жизнь жестока, а эта жизнь была еще более жестокой, насильственной. Но это не значит, что она должна была ожидать этого или смириться с тем, что ее старший мальчик, скорее всего, мертв. Но я этого не говорю. Вместо этого я сочувственно улыбаюсь ей и отпускаю извивающегося Линкольна. Он тут же направляется к ней и усаживается на ее бедра.

Она улыбается сквозь слезящиеся глаза, проводя пальцами по темным волосам Линкольна.

Все оставшееся время мы сидим в тишине, наблюдая за моим сыном. Между нами не было слов, и она не останавливает меня, когда я забираю Линкольна, чтобы покормить и искупать.

Странно, никто не задавал мне вопросов, когда я шла по дому с сыном на бедре, не останавливал, когда я вошла на кухню и стала рыться в шкафах в поисках еды, которой можно было бы накормить Линкольна.

Я не была свободна в любом смысле этого слова, вооруженные люди стояли у каждой двери или бродили по дому, но, кроме их присутствия, они не разговаривали со мной.

Это все равно была тюрьма, даже если Габриэль считал иначе.

Глава 15

Габриэль

Я сижу за столом в столовой, стены по обе стороны от меня увешаны книгами, люстра в центре висит низко и заливают комнату теплым золотистым светом. Передо мной разложены блюда, я не знал, что ей нравится, поэтому попросил повара приготовить несколько разных блюд и гарниров.

Пришло время узнать мою жену получше.

В другом конце комнаты открылась дверь, и Кольт ввел внутрь Амелию, которая вырвала у него свою руку и свирепо посмотрела на него.

Она была вздорной и громкой, и это мне в ней нравилось.

Там, где большинство кивают и подчиняются, она борется и бунтует. Несмотря на то, что она боялась меня, потому что, скажем прямо, эта женщина была напугана, она не позволяла этому страху управлять ею. Она была самоуверенной. Сильной. Идеальная женщина, чтобы стоять рядом со мной, хотя заставить ее остаться там будет сложнее, чем я предполагал.

Она меня ненавидела.

— Привет, жена, — приветствую я ее.

Она бросает на меня взгляд.

Ее темные волосы влажные после душа, на ней простые леггинсы, которые обтягивают ее бедра и повторяют восхитительные изгибы ее ног. Свитер с капюшоном прикрывает ее верхнюю половину, он слишком большой, но она выглядит прекрасно, несмотря на это.

— Садись.

— Хочешь, я тоже буду лаять на тебя? — она огрызается, опускаясь на самый дальний от меня стул.

Я ухмыляюсь и выдвигаю стул рядом со мной.

— Садись сюда.

— Нет.

Я вскидываю бровь, в моем нутре расцветает чувство головокружения от ее неповиновения. Ссориться с ней становилось моим новым любимым занятием, потому что это означало, что я могу это сделать.

Я медленно встаю, не сводя с нее глаз. Она сужает взгляд, но не двигается.

Я хватаюсь за спинку ее стула и сильно дергаю, отодвигая ее от стола. Она вскакивает или, по крайней мере, пытается это сделать, но я быстро толкаю ее обратно, и она с громким звуком падает на стул.

— Отстань от меня! — приказывает она. Я обхожу ее, пока не оказываюсь перед ней настолько близко, что если она встанет, мы окажемся нос к носу.

— Ты хочешь усложнить себе жизнь?

— Нет, — усмехается она. — Я хочу усложнить твою.

Я усмехаюсь.

— *Leonessa*, — называю ее прозвищем, которое я ей дал. — Это просто делает мою жизнь интереснее.

— Тебе что, мало работы, что ты теперь похищаешь женщин и детей? Заставляешь их выходить за тебя замуж? На твоём месте, Габриэль, я бы нашла себе другое хобби.

— Зачем? Это мне нравится намного больше, — она кривит губы и смотрит в сторону, скрестив руки. — Теперь я хотел бы, чтобы моя жена сидела рядом со мной.

— Ну, *твоя жена*, — выплюнула она это слово. — Не хочет иметь с тобой ничего общего.

Я усмехаюсь и наклоняюсь вперед, хватаясь за сиденье стула между ее ног.

— У тебя нет выбора.

Я дергаю стул, и она визжит, хватаясь за края, чтобы удержаться, пока я с силой тащу стул и ее по полу, убирая один из них, чтобы затолкать ее на то место.

— Намного лучше.

— Ты чертова свинья.

Я сажусь на свое место, игнорируя ее, и беру виски, делая глоток янтарной жидкости.

— Хочешь выпить, Амелия?

Теперь она игнорирует меня.

Я наливаю ей бокал вина, подталкивая его к ней, и начинаю подавать ей еду со всех блюд. Она хочет быть упрямой — хорошо, но это не значит, что она должна голодать.

Она вздыхает и берет бокал, делает глоток, когда я ставлю перед ней тарелку.

— Спасибо, — пробормотала она.

Мы едим в тишине, Амелия не отрывает глаз от тарелки, стоящей перед ней. Я бросаю взгляд на нее каждые несколько секунд, любясь шелковистыми прядями ее волос, кремовой текстурой ее кожи и тем, как темные ресницы обрамляют эти потрясающие голубые глаза.

Она оказалась совсем не такой, как я ожидал.

Она встает из-за стола, забирает свою тарелку и поворачивается, чтобы уйти.

— Сядь, Амелия.

— Габриэль, почему ты настаиваешь, чтобы мы это делали вместе? Мы не пара. Нас соединяет принудительная бумажка и угроза. У тебя есть мой сын. Его жизнь. Моя жизнь. Больше ты от меня ничего не получишь. Ни сейчас. И никогда. Ты и я, мы — ничто. Ты — ничто.

— Это мы еще посмотрим, Амелия, — говорю я, подходя к ней вплотную. Она отступает, а я следую за ней. Как в танце, она делает шаг назад, до конца, страх просачивается в ее глаза и вырывается из ее губ, когда ее позвоночник ударяется о стену, и она прижимается к ней.

Я поднимаю руку и наблюдаю, как она вздрагивает, закрывает глаза и отворачивает лицо в сторону. Это происходит с ней уже не в первый раз, и это заставляет меня сомневаться в ее прошлом. Я убираю прядь волос с ее лица и заправляю за ухо, ее кожа становится мягкой под моими пальцами.

— Я не причиню тебе вреда.

Она дышит через нос и выдыхает воздух изо рта, прежде чем повернуться и посмотреть на меня. В ее глазах — боль, много боли, боль от прошлого, которое я еще раскрою, страх, но не передо мной, хотя она, несомненно, боялась меня.

— Кто тебя обидел? — шепчу я.

Я чувствовал, как в моей груди расцветает чувство защиты, как растет зверь, которого я не собирался успокаивать. Я заставлю ее довериться мне. Мы могли бы стать чем-то большим.

— Я не хочу такой жизни, — говорит она мне, игнорируя вопрос.

— Это то, что у тебя есть, — говорю я ей. — Карты, которые тебе выпали.

Я наклоняюсь к ней, вдыхая аромат ее шампуня, сладкий, фруктовый запах, который опьяняет меня. Повернув лицо, я прикоснулся губами к ее щеке.

Ее дыхание останавливается, и я чувствую, как она поворачивается ко мне, мои губы начинают кривиться в улыбке, прежде чем она отшатывается от меня.

— Держись от меня подальше, Габриэль, — она рычит, всякая уязвимость исчезла.

Я вскидываю бровь, наблюдая, как она пересекает комнату, хватая бокал с вином и две бутылки, одну красную, другую белую, которые разложил персонал, и выбегает из комнаты. Я слышу ее сердитые шаги по лестнице и хлопок двери.

— Вижу, все прошло хорошо, — в комнату заходит Девон, бросая взгляд на еду на столе. Он направляется к ней и берет из корзины теплую булочку.

Я вздыхаю.

— А где Ашер и Атлас?

— Чистят город с несколькими другими людьми, — пожимает он плечами. — После инцидента с грузовым судном они хотели убедиться, что улицы под контролем.

— Этого не будет, пока мы не решим проблему, — я беру с полки бутылку виски и наливаю в стакан. — У нас до сих пор нет никаких зацепок, кто меня обокрал, — рычу я, — Как это возможно?

Девон качает головой.

— Я не знаю. Кто бы они ни были, у них есть внутренняя информация, и это только вопрос времени до следующего инцидента.

— Не напоминай мне, мать твою.

— Может быть, привести девушку сейчас было неправильным решением.

Я бросил на него взгляд.

— А когда бы это было правильным решением?

Вдобавок ко всему, все зацепки и информация о моем пропавшем брате иссякли. У меня везде есть связи, в этом городе нет ни одного уголка пространства, которое не принадлежало бы мне и моим людям, так как же, черт возьми, это произошло.

Я отхлебнул виски и вышел из столовой, остановившись на лестнице, чтобы послушать Амелию. Я не стал подниматься туда, моя злость приведет лишь к новым спорам с этой женщиной, а это только подогреет ее враждебность ко мне.

— Пусть кто-нибудь проверит ее через несколько часов, — говорю я Девону. — Это вино не пойдет ей на пользу.

Девон кивает, и я покидаю его, прохожу через дом в кабинет, закрываю дверь и сажусь за свой стол. Я открываю ноутбук и достаю из коробки сигару, зажигаю конец и втягиваю дым.

Я помню, как впервые попробовал сигару. Мне было шестнадцать лет, и ее подарил мне отец. Он хотел, чтобы я больше занимался бизнесом, когда я подрасту. Лукас к тому времени уже несколько лет работал вместе с ним.

“Мы непобедимы, мой мальчик, мы на самом верху. Это работа твоя и твоего брата — удержать нас здесь. Когда-нибудь этот город будет твоим.” — его слова звучат в моей голове.

Через год он умер.

Я не мог оставаться спокойным. Негативная энергия и злость заставили меня выйти из дома ближе к полуночи, ключи, зажатые в руке, впились в ладонь. Поездка через город была тихой и освежающей, пьяные люди спотыкались по тротуарам, а кошки лазили в темных переулках.

Машина останавливается напротив ветхого многоквартирного дома, на асфальте валяются осколки стекла, мусор переполнен из общественных баков. Внутри слышны причитания и плач, крики мужчин и звук телевизоров, но я не обращаю на это внимания и поднимаюсь по лестнице, ключом отпираю потускневшую красную дверь и вхожу внутрь. Меня встречает спертый воздух, запах гниющей пищи и застоявшейся воды.

Амелия никогда не должна была принадлежать такому месту, где стены плесневеют, а ковер — изношенный, ворсистый и грубый. На полках и на исцарапанных столешницах лежат ее вещи, следы от ручек и пятна, которые давно въелись в поверхность. В воздухе

витает пыль, которую я поднял. Я хотел знать, что же она скрывает. Что сделало ее такой, какая она есть.

Папка с ее данными рассказывает лишь часть истории.

По квартире разбросаны детские игрушки, чучела медведей и строительные блоки спрятаны за шкафами, как будто они упали туда и были забыты, на столе и подоконнике лежат детские книги в потрепанных от использования обложках. На стуле лежит куча чистого белья, на полке — мертвое растение. Ничего не сочетается между собой, а на диване есть пятна разных цветов, от которых она пыталась избавиться в течение многих лет.

Деньги были проблемой, но я знал это по количеству долгов на ее имя — долгов, которые я уже погасил за нее, хотя она об этом и не подозревает. Я продолжаю ходить по квартире, открывая шкафы и ящики, но не нахожу ничего, что могло бы рассказать о ней, о том, чем она увлекается. Какие у нее были хобби? Какие у нее интересы?

По квартире разбросано несколько книг с собачьими ушами, но когда я захожу в спальню, мое внимание привлекает книга, лежащая на прикроватной тумбочке.

Дизайн одежды.

Я беру ее в руки, и со страниц падает фотография. Я смотрю на нее и вижу, что Амелия улыбается мне в ответ, а на ее руках лежит Линкольн, крошечный, если не больше нескольких недель от роду. Он завернут в одеяльце и лежит у нее на руках. Она выглядит хорошо, усталая, но счастливая, у нее видны зубы, а кожа сияет.

Я засовываю ее обратно в книгу и кладу ее на кровать, а затем наклоняюсь и достаю из-под нее коробку. Открыв крышку, я обнаруживаю стопку этюдников⁵ и карандашей, а также состаренные акварельные краски и ручки. Я перелистываю первую книгу и вижу бесчисленные платья, созданные ею: одни яркие и красивые, другие темные и короткие, модели в них нарисованы с легкостью и совершенством. Я открываю следующую книгу и вижу нижнее и ночное белье, а за ней — обувь. Девушка была художником и начинающим дизайнером, если судить по всему.

У нее не было высшего образования, и, судя по ее личным делам, она бросила школу задолго до окончания, но у нее был нераскрытый талант и потенциал.

Я кладу все это обратно в коробку вместе с книгой, поднимая ее с пола. Перед тем как уйти, я беру из кровати плюшевое животное и забираю его с собой.

Глава 16

Амелия

Впервые я взяла в руки карандаш, когда мне было четыре года. Когда я росла, мне не разрешали делать обычные вещи, которые делали другие дети, я даже не знала, как держать ручку, пока не пошла в детский сад, потому что мне никто никогда не показывал. У меня не было ни строительных блоков, ни игрушек, ни мелков, ни фломастеров для рисования. В тот первый день, когда я вошла в класс государственной школы, заполненный другими детьми, я впервые получила опыт игры с предметами и общения со сверстниками.

Люди говорили мне, что я не могла помнить этого, по крайней мере, не в таких ярких деталях, и все же я помнила каждую минуту того дня. Те звуки отличались от звуков удушья и кашля, криков и плача. Смех до сих пор время от времени раздается в моей голове, это был такой странный звук для моих маленьких ушей, но только сейчас я поняла, что это была радость, тогда я не имела представления, что он означает. В то время в своей невинной головке я полагала, что другие дети, которые кричали от счастья, испытывают боль. Наверное, когда-то в очень раннем детстве я смеялась, но не тогда и уж точно не после

этого.

Я сидела в углу комнаты, пока другие дети прыгали, кричали и бегали, а я наблюдала. Другие дети, там были другие дети, такие же, как я. Но они совсем не были похожи на меня. Теперь я это понимаю.

Единственная причина, по которой я оказалась в этом классе с учителями и детьми моего возраста, заключалась в том, что моя мама получила какой-то городской чек, который покрывал расходы. После первой недели мне стало легче.

Учителя, такие добрые на вид и нежные на ощупь, выманивали меня из моего укрытия в углу, пока им не удалось усадить меня за стол с другой маленькой девочкой. Она была в очках и с веснушками по всему лицу. Большие голубые глаза и длинные хвостики — это все, что я могла о ней вспомнить. Как ее звали, я уже не помню.

Перед нами обеими положили по листу абсолютно белой бумаги, поставили посередине горшочек с карандашами и сказали рисовать.

Девочка сразу же принялась за дело: ее маленькая рука нырнула в горшочек с цветными карандашами и достала зеленый, а я просто уставилась на нее. Я наблюдала за ней, пока она царапала по бумаге, и была заморожена тем, как цвет появляется на бумаге из того, что я считала просто палочкой смешной формы. Мой взгляд остановился на горшке, на радуге цветов, и я выбрала оранжевый. Он странно ощущался в моей руке, как будто мои пальцы просто не могли его правильно держать. Он выскальзывал, падал и скатывался со стола больше раз, чем я могла сосчитать, но в конце концов мне удалось взять его в руки, и я приложила его кончик к бумаге. И я провела им по бумаге. Я не нарисовала ничего, кроме цветных линий и странных фигур, но я делала впервые за свои очень короткие четыре года жизни.

Мне было хорошо.

Мне понравилось.

И на следующий день, когда мама привела меня туда, даже не дождавшись, пока я зайду внутрь, я взяла другой карандаш и продолжила. Я продолжала это делать каждый день, пока у меня не накопилась целая гора бумаги с моими рисунками. Я перешла от рисования линий и фигур к рисованию цветов и зданий, все это было так хорошо, как только может быть у ребенка, но я рисовала глазами, видела перед собой картинки, училась, обретала уверенность в работе с карандашом, с цветом и бумагой.

Ощущение освобождения. Как будто вся моя энергия устремлялась к этому простому белому листу, лежащему передо мной.

И по мере того как я росла, я продолжала рисовать, всю младшую и среднюю школу, а затем и среднюю школу, где я могла изучать искусство и совершенствовать свое мастерство под руководством других людей, обладавших огромным талантом в этом деле. Именно там я обнаружила свою любовь к моде.

Я смотрела передачу за передачей, документальные фильмы, читала книги. Мне нравились детали, стиль и то, что это не просто рисунок, это часть тебя, то, что тебе нравится, то, что ты воспринимаешь и превращаешь в красивые платья, юбки и туфли. Я хотела поступить в колледж.

Конечно, это было только мечтой. Для такой, как я, это никогда не было реальностью.

Я знала это задолго до смерти матери и еще долго после, но горькое разочарование навсегда осталось на моем языке.

Прошло уже немало времени с тех пор, как я взяла в руки карандаш и приступила к

рисованию. Я сомневалась, что можно потерять сноровку, но, глядя на свои пальцы, это только подтверждалось. Я не могла представить себе бальных платьев и нижнего белья. В последний раз вдохновение посетило меня, когда я была еще беременна Линкольном, после того как я сбежала от отчима и начала самостоятельную жизнь. У меня было не так много, но я была свободна, и этого было достаточно. Я создавала рисунок за рисунком, читала и смотрела, как люди оживляют их с помощью иголок и ткани, и хотела научиться этому искусству дальше или даже найти кого-то, кто бы занимался этим вместе со мной. Но тут родился Линкольн, и сокрушительная реальность моей жизни снова обрушилась на мои плечи.

Я не была свободна.

Никогда не была свободна.

Не прошло и недели после появления на свет моего сына, как отчим снова стал появляться и требовать от меня, я боролась, и в тот раз я победила. Но это был не последний раз. Это случалось часто, и каждый раз я боролась.

Это была моя жизнь.

Постоянная борьба и бегство. Я пыталась уберечь своего сына, борясь с прошлым, которое тянуло меня назад, и поэтому вдохновение творить отталкивалось от меня, а потом еще дальше, пока не превратилось в пятнышко в море хаоса.

У меня не было на это времени. Не было времени на то, что мне нравилось, когда я постоянно боролась за выживание для себя и своего сына.

Быть матерью-одиночкой — это сложно. Это не объятия, не хихиканье и не счастливая жизнь. Это работа, тяжелая работа, это борьба изо дня в день за то, чтобы на столе была еда, а в доме было тепло. Я готова умереть за своего сына, но бывали ночи, одинокие, бурные ночи, когда я хотела, чтобы этого никогда не случилось.

Если это делало меня ужасной матерью, то я должна была смириться с этим. Но эти ночи всегда проходили, эти мысли переставали существовать в тот момент, когда я видела лицо своего сына, видела эти большие ореховые глаза и копну темных волос, и когда он улыбался, мир словно переставал вращаться вокруг меня, потому что он был в моих руках.

Я никогда не жалела о Линкольне, ни капли, но мне часто хотелось дать ему больше.

Он заслуживал этого, по крайней мере.

Он зашевелился в моих руках, пока я лежала на кровати, прижимая его к себе. Этого движения достаточно, чтобы вывести меня из задумчивости, из воспоминаний прошлого и вернуть в настоящее. Медленно открываются его глаза, вяло хлопая большими черными ресницами, когда он фокусирует взгляд на моем лице.

— Привет, мой драгоценный мальчик, — улыбаюсь я.

На его щеках мгновенно появляются ямочки, и он сонно лепечет.

Прошла уже большая часть дня, и почти наступило время ужина и купания. Мне не следовало позволять ему спать так поздно, но он уже так вырос, что моменты, когда я могла просто обнять его, становились все реже и реже.

Я буду разбираться с последствиями этого решения, когда буду бороться с ним за сон в три часа ночи.

— Может, нам найти какую-нибудь еду? — спросила я с повышенным, но больше тихим голосом.

Сегодня меня никто не беспокоил. Никто не стучал в дверь и не врвался в дом, не было нежелательных визитов мужа. Это нервировало, но не было нежеланным. Я, по крайней

мере, ожидала, что Камилла потребует побыть с внуком, но даже она оставила меня в покое.

Как только сонливость рассеивается, он вырывается из моих рук и ползет по кровати. Я ловлю его, прежде чем он успевае́т упасть, и ставлю на ноги, позволяя ему выйти из комнаты. По дороге стояло несколько охранников, но я не узнала ни одного лица. Я держусь рядом с Линкольном, чтобы убедиться, что он не свернет с пути и не упадет, а затем поднимаю его и несу вниз по лестнице.

Когда я спускаюсь на первый этаж, в доме становится жутко тихо.

— Ауу? — воскликнула я, крепче прижимая к себе Линкольна.

— Миссис Сэ́нт! — Ко́льт окликает меня сзади, заставляя вздрогнуть, пока он бежит к нам.

— Ко́льт?

— Мистер Сэ́нт сказал, что вы сейчас появитесь, — он проверяет часы. — Надо же, он угадал.

— Прости?

— Ничего.

— Где все?

Ко́льт отворачивается, не желая говорить на эту тему, а я закатываю глаза. Не то чтобы меня это действительно волновало, они могли бы хранить свои секреты.

Я поворачиваюсь к Ко́льту спиной и направляюсь на кухню, слыша его шаги за собой.

— Если ты собираешься сидеть со мной, то, по крайней мере, можешь присмотреть за ним, пока я готовлю ему ужин.

— Там есть повар, — нахмурился Ко́льт.

— Я приготовлю ему ужин, — повторяю я. — Никто другой.

Я кладу Линкольна у его ног и беру мягкую игрушку, которую, очевидно, кто-то забрал из гостиной и оставил здесь. Он берет ее с нетерпением. Ко́льт садится на стул рядом с моим сыном и наблюдает за ним.

Я берусь за работу, достаю из холодильника брокколи и курицу, а затем нахожу в шкафу лапшу. Я накладываю порцию еды для Линкольна, прежде чем поднять его с пола и усадить к себе на колени, передав ему ложку, чтобы он мог кормить себя сам. Точнее себя и пол.

Напряженная тишина в комнате давит на меня, прерываясь только тогда, когда Линко́льн визжит или бросает свою ложку, которую Ко́льт молча подбирает и каждый раз заменяет.

— Ты здесь весь день? — спрашиваю я в конце концов, не в силах выдержать молчание.

— Да.

— Я тебя не слышала.

— Мистер Сэ́нт сказал, что вы не хотите, чтобы вас беспокоили, хотя я уже начал беспокоиться, так как вы весь день не выходили из своей комнаты, даже за водой.

— Ты попросил принести напитки наверх, — обвиняю я.

— Да.

— Спасибо.

Он кивает.

Я возвращаюсь к наблюдению за Линкольном, помогаю ему, когда это нужно, и хвалю, когда это необходимо.

— Все не так уж плохо, — сказал Ко́льт несколько минут спустя.

Я бросаю на него взгляд, сужая глаза.

— Что именно?

— Быть здесь.

Я насмехаюсь.

— Не начинай, Кольт, я уже достаточно наслушалась.

Он вздыхает, а затем его телефон вибрирует, и он достает его из кармана, читая сообщение, которое только что пришло. Через несколько секунд он спокойно убирает его, а затем встает.

— Спокойной ночи, миссис Сэнт.

Я смотрю на его спину, пока он уходит. Что это было? Проходит еще десять минут, прежде чем Линкольн доедает свою еду, и после того, как я соскребаю со стола и пола все, что могу, я отношу его наверх, чтобы искупать. Он заливает ванную своими брызгами, но только когда я заворачиваю его в полотенце и щекочу ему живот, ко мне наконец-то приходит посетитель.

— Камилла, — приветствую я, вытирая Линкольна насухо и беря подгузник и пижаму.

— Ты не возражаешь, если он останется у меня на несколько часов?

— Он сегодня поздно спал, — честно отвечаю я ей. — Он не ляжет еще пару часов.

— Ничего страшного, — улыбается она.

Эта теплая улыбка, которая искренне достигла ее глаз и осветила ее лицо, застает меня врасплох

— То есть, конечно, да, — киваю я. — Да

— Спасибо, Амелия.

Я опускаю брови и поднимаю Линкольна, передавая его бабушке.

— Приятного вечера, — говорит она мне, прежде чем выйти из комнаты с моим сыном, который смотрит на пожилую женщину с чистой любовью в глазах. Он был влюблен в нее.

— И вам того же, — говорю я после того, как она скрылась за углом и я осталась одна.

Правда, ненадолго: через несколько минут меня осчастливила своим присутствием вторая фигура. Габриэль стоит, как демон, посланный прямо из глубин ада. В темном костюме и с темными волосами, его глаза, словно огненные осколки, вспыхивают на лице, что еще больше подчеркивается оливковым цветом кожи и низко посаженными темными бровями. Он качает головой в сторону, блуждая взглядом по моему лицу, а затем по моему телу, на котором были леггинсы и футболка большого размера, еще влажная от брызг во время купания.

— Жена, — приветствует он.

— Амелия, — поправляю я.

Его уголок рта приподнимается.

— Не хочешь присоединиться ко мне за ужином?

Я кладу руку на бедро.

— А у меня есть выбор?

Его рот теперь расширился в улыбке, и, черт возьми, у него были чертовы ямочки.

— Ни в коем случае.

Мои ноздри раздуваются, и гнев проникает в меня, когда я смотрю на его глупое красивое лицо.

— Сначала я переоденусь, — говорю я ему сквозь зубы.

Он опирается на дверной косяк и скрещивает руки, ожидая. Сколько же *наглости* у этого дьявола!

Я подхожу к нему, и улыбка исчезает с его лица. Он наблюдает за мной, как хищник за добычей, не сводя глаз с моего лица, бегая между ртом и глазами. Я подхожу близко, очень близко, настолько, что чувствую его запах специй и кожи, затем одной рукой я тянусь к ручке двери, а другой толкаю тело мужчины назад и сильно дергаю ее на себя, позволяя двери захлопнуться перед его лицом.

Его хихиканье эхом отдается в моей голове и вызывает мурашки по позвоночнику.

Глава 17

Габриэль

Через пять минут она выходит из комнаты, ее темные волосы собраны в пучок, а сама она одета в свободные джинсы и обрезанный джемпер, ноги босые.

Ее глаза не поднимаются, чтобы встретиться с моими, когда она проходит мимо. Короткий джемпер, в который она одета, показывает лишь небольшой участок кожи у основания позвоночника. Округлые изгибы ее бедер и гладкая кожа спины заставили меня разинуть рот. Нельзя было отрицать, что моя жена меня не привлекает.

Мне захотелось впиться пальцами в мягкую плоть на ее талии, пустить их по изгибам вниз, по красивой выпуклости ее попки и по стройным бедрам. Словно почувствовав мой взгляд, она, наконец, оглянулась на меня. В этот момент я перехватываю ее внимание, захватываю его. Невозможно не заметить, как расширяются зрачки, когда она смотрит на меня, не заметить, как она рассматривает мое тело и изучает мое лицо. Амелии нравится то, что она видит, даже если она отрицает это до посинения.

Она продолжает наблюдать за мной, а не за тем, куда идет.

Ее нога соскальзывает с верхней ступеньки, я делаю выпад, крепко хватаю ее и дергаю. Она ударяется спиной о мою грудь, и я обхватываю ее руками.

— Если бы ты не была слишком занята разглядыванием, *leonessa*, ты бы увидела, что сейчас скатишься вниз по лестнице. Предупреждаю, это будет больно.

Ее тело прижалось ко мне, ее запах проник в мой нос. Она была мягкой, теплой и чертовски привлекательной, полная противоположность всему и всем, чем я являюсь. Там, где я был жесток, она была спокойна. Солнечный свет после бури.

Ее дыхание вырывается из груди, и на секунду она прижимается ко мне, беззащитная, но это мгновение длится недолго: она отстраняется и бежит по лестнице так быстро, как только может, держась за перила, чтобы не упасть.

Я следую за ней в гораздо более неторопливом темпе. Постукивая ногами по мрамору, я неспешно прохожу в столовую, где на столе уже расставлены блюда. Она снова сидит в конце стола, а не на своем законном месте рядом со мной.

Я остаиваюсь у ее стула, прижимаясь к ней настолько близко, что она чувствует тепло моего тела, но не настолько близко, чтобы прикоснуться. Предупреждение. Искушение.

С громким, взволнованным вздохом она встает с кресла, ножки которого громко царапают мраморный пол, и топает, как капризный ребенок, к ближайшему к моему стулу.

Ох, я бы все отдал, чтобы наказать ее за такое отношение. Как бы она кричала. Ее кожа покраснела бы от моей ладони, а ее стоны громко звучали бы по дому.

Она опускает свой зад на сиденье и скрещивает руки.

Я медленно беру стакан, наливаю виски из графина и предлагаю ей. Ее брови взлетают вверх, и, поколебавшись лишь мгновение, она принимает напиток. Я наливаю себе и откидываюсь на спинку стула, глядя на ее прекрасное лицо, а пальцем в задумчивости

провожаю по нижней губе. Она делает глоток виски, вздыхая от вкуса.

— Могу я сама себя обслужить? — спрашивает она.

Я киваю.

Я наблюдаю, как она наклоняется и накладывает на свою тарелку картофельное пюре и говядину, мясо тонет в глубоком красном соусе, заливающим ее еду. Она добавляет овощи и возвращается на свое место, взяв нож и вилку.

— Пожалуйста, перестань следить за мной, — говорит она. — Я пришла на ужин, как ты и просил, и самое простое, что ты можешь сделать, — это дать мне покой.

— Покой? — я смеюсь, но даю ей то, что она хочет. — Где мой покой?

— Ты выбрал эту жизнь, Габриэль, тебе и жить с ее последствиями, — говорит она мне, пока ее губы сомкнулись вокруг вилки, а глаза устремлены на меня.

— Мне кажется, что я не могу обрести покой не из-за своей жизни, — говорю я ей. — А из-за тебя.

Она улыбается.

— Хорошо. Надеюсь, я устрою тебе ад, Габриэль. Чтобы ты никогда не знал ни одного спокойного дня.

— Ах, жена моя, те чувства, которые ты вызываешь, могут считаться грехом, но поверь мне, мои мысли о тебе так далеки от ада, что я могу быть и в раю.

Ее рот приоткрылся.

Я позволяю вкусу еды попасть на мой язык, а она продолжает смотреть. Она открывает рот шире, закрывает его и снова открывает, но слов не вырывается, и в конце концов она возвращается к еде, а ее щеки краснеют красивым, невинным румянцем.

Краем глаза я наблюдаю за тем, как она спокойно ест еду на своей тарелке, время от времени делая глотки из своего бокала. Она не смотрит на меня, не признает меня, но этот румянец все еще светится под поверхностью ее кремовой кожи, как будто мои слова оставили на ней неизгладимый след.

Хорошо.

Надеюсь, они останутся в ее прекрасном сознании, надеюсь, они будут преследовать ее во снах, задаваясь вопросом, о чем я могу думать, как я могу представлять ее. Она не будет ненавидеть меня вечно, я был уверен в этом, но эта женщина была упряма как черт, так что я мог ошибаться.

Как только ее тарелка была пуста, что обрадовало меня, она опрокинула остатки своего напитка и встала, чтобы уйти.

— Задержись немного, Амелия. — произношу я.

Она приостанавливается.

— Зачем?

— У меня есть кое-что для тебя.

— Мне ничего от тебя не нужно, Габриэль, — начинает она уходить. — Спасибо за ужин.

— Пожалуйста. — окликнул я ее удаляющуюся фигуру. — Амелия, пожалуйста, посмотри, что у меня для тебя есть. Если ты по-прежнему не захочешь этого, я уберу это из дома

Она оглядывается через плечо, колеблясь, но затем ее плечи опускаются, и она поворачивается, прислонившись спиной к двери и скрестивши руки. Она внимательно наблюдает за тем, как я встаю и иду к полкам, расположенным вдоль стены комнаты,

достаю со дна коробку, просто украшенную красной лентой.

Я ставлю ее на ближайший к ней конец стола и делаю шаг в сторону.

— Открывай.

С сжатой челюстью она подходит к коробке, тянет за ленточку, пока та не развязывается, и снимает крышку. Сверху лежит ее этюдник, который она вытаскивает первым.

— Ты рылся в моей квартире!?! — прорычала она.

— Да.

— Ты не имел на это права!

— Пожалуйста, достань все с коробки, — она со злостью бросает на стол свою вещь и достает следующий предмет. Этюдник, который я выбрал для нее, был переплетен черной кожей, страницы плотные, готовые ко всему, что может создать ее рука. Под ним лежали совершенно новые карандаши для эскизов высшего качества, а также ручки, краски и карандаши для раскрашивания. С этими предметами она обращается гораздо бережнее, пальцы ласкают их, когда она достает их один за другим, как будто делает это неосознанно.

— Что это?

— Это было единственное, на что я наткнулся в той квартире, что-то, очевидно, дорогое. Это подтолкнуло меня купить тебе это.

— Но зачем?

— Нет никаких причин, по которым ты не можешь наслаждаться временем, проведенным здесь, я подумал, что это может быть то, что ты хочешь.

— Я давно не рисовала.

— От тебя ничего не требуется, это дар, которым ты можешь наслаждаться, если захочешь

— Я хочу. — шепчет она, быстро взглянув на меня, а затем снова посмотрев на предметы. — Спасибо.

— Я также хотел бы предложить оплатить твои занятия.

— Прости?

— У тебя нет диплома.

— Нет, — проворчала она.

— Я бы хотел помочь тебе получить его. Ты очень талантлива, Амелия, ты должна что-то с этим делать.

— Ты не имеешь права указывать мне, что делать! — Амелия рычит на меня, захлопывая крышку коробки. — Спасибо за подарки, но я не могу их принять.

Оставив коробку и свой старый этюдник на месте, она устремляется к двери.

— Если ты передумаешь, я оставлю их здесь. Забирай их, когда захочешь

— Спокойной ночи.

Дверь захлопывается с такой силой, что рамы, висящие на стене, дребезжат от удара.

Было уже далеко за полночь, но, как и каждую ночь с тех пор, как Амелия оказалась под моей крышей, я был неспокоен. Никакое количество алкоголя не могло унять желание найти ее, посмотреть, и, не покидая собственного дома, я был бессилен противостоять этому желанию.

Ноги бесшумно ступают по лестнице, и я несусь по коридору к ее спальне. В нескольких

шагах от двери стоит охранник, но не для того, чтобы она не могла выйти, а для защиты. Учитывая все, что происходит в этом городе, учитывая, что моей семье угрожает опасность, я бы не стал рисковать ни женщиной, ни своим племянником. Пока я не найду крысу внутри моей организации, здесь будет стоять охранник. Он кивает и отходит в сторону, пропуская меня. Ручка не издает ни звука, пока не отпускается с легким щелчком, а затем бесшумно поворачивается внутрь. Комната залита мягким светом полной луны, шторы еще открыты, и я нахожу Амелию на середине кровати, лицом к окну, как будто она заснула, глядя на звезды и океан за окном. Она дышит ровно, ее темная грива волос рассыпалась по подушке позади нее, черты ее лица расслаблены, ресницы трепещут, как во сне.

Ноги сами несут меня ближе, глаза на мгновение отрываются от спящей жены и устремляются на ребенка, лежащего у нее на руках и спящего так же безмятежно, как и она.

Кроватка для ребенка была поставлена рядом с кроватью, потому что я сомневался, что она позволит ему спать отдельно от нее, даже если я подготовлю для него комнату, но со временем она это сделает, я надеялся.

Ее губы разошлись в вздохе, и мне захотелось протянуть руку вперед, прижать большой палец к этой пухлой нижней губе и почувствовать ее дыхание на кончиках пальцев.

Она была растущим наваждением, тисками, которые легко сжимались вокруг моего тела. Женщины приходили и уходили, ни одна не удерживала моего внимания так, как она, и она ненавидела меня.

Я не винил ее.

Жизнь, которую я веду, не лишена жестокости, и благодаря ей я стал тем, кто я есть. Я беру без спроса, ворую, убиваю, уничтожаю, где придется, но с ней я не хотел этого.

Я хотел, чтобы она пришла добровольно.

Ее неуважение раздражает и возбуждает меня одновременно, ее борьба и огонь — это афродизиак, который разжигает во мне что-то настолько первобытное, что кажется, будто зверь вот-вот вырвется из клетки. Не удержавшись, я наклоняюсь вперед и провожу кончиком пальца по ее лицу — едва заметный контакт кожи, который обжигает. Я провожу по линии ее лица, к волосам, которые на ощупь как шелк, а затем заправляю выбившуюся прядь за ухо, позволяя пальцу проследовать по изгибу мочки уха.

Не знаю, сколько времени я простоял, глядя на женщину, но в конце концов я ушел, мышцы напряглись, позвоночник выпрямился, каждый шаг прочь казался мне неправильным и отвратительным.

Мне нужно было, чтобы Амелия была моей.

Во всех смыслах, которые только можно себе представить.

Глава 18

Амелия

Я почувствовала на себе взгляд, а может быть, это был просто сон. Я не была уверена.

Но я почувствовала их, лесные глаза, горящие адским огнем, который одновременно обжигал и искушал. Я знала, кому они принадлежат, даже не видя всего остального. На свете был только один человек, который был настолько интригующим, насколько и смертельно опасным.

Габриэль Сэнт был ходячим кошмаром, и я застряла с ним.

Я проснулась от шума океана, приглушенного оконными стеклами, но тем не менее присутствующего. Моя комната залита тусклым серебристым светом сегодняшнего полнолуния. В бархатно-черном небе мерцают звезды, огни города достаточно далеко, чтобы

они могли светить.

Я вздыхаю и прижимаю к себе спящего Линкольна. Почему я проснулась?

Впервые за все время пребывания здесь я быстро заснула, и это было спокойно, пока не перестало быть таковым.

Теперь я была беспокойна, мой мозг бодрствовал, и в этот час я уже не могла заснуть, даже если бы город, который, казалось, находится за много миль отсюда, спал.

Мои мысли вернулись к коробке, в которой лежали все эти вещи.

Никто и никогда не делал этого для меня. Мне никогда не дарили подарков, которые были бы только моими. Что-то тщательно подобранное, потому что они знали, что мне нравится. Конечно, во время учебы я получала маленькие безделушки и открытки, но этот подарок, с этюдником, который я никогда не смогу себе позволить, и всеми принадлежностями, — это было что-то, выбранное исключительно для меня.

От этой мысли у меня заслезились глаза. Габриэль не знал меня, и все же он знал меня лучше, чем кто-либо другой. Это было грустно.

Чувство вины за то, как я отреагировала на его подарок, засело в моем нутре. Но осознание того, что он нашел его, что он разгадал одну часть моей загадки и хочет сделать больше, пугало меня. Я не хотела думать о нем иначе, чем сейчас.

То, что он стал монстром, было самым простым и безопасным вариантом. То, что он сделал, было непростительно. То, что он отнял у меня, невозможно искупить.

Да, моя прежняя жизнь не была шикарной, у меня ничего не было, и я знала, что если захочу сейчас что-то, то получу это, но взять у него — это как заключить сделку с дьяволом.

Но ведь это был всего лишь подарок, верно? Всего лишь маленький знак внимания.

Мне не нужно было идти на курсы, которые он предлагал, не нужно было соглашаться на шанс построить свое будущее на его деньги, но я могла принять подарок. В конце концов, после всего, что он у меня отнял, — мою свободу, мою жизнь, мое имя, — это было самое меньшее, что он мог сделать. Медленно поднимаюсь с кровати, прижимая Линкольна к груди, чтобы не разбудить. Ноги касаются ковра, когда я пересекаю комнату и опускаю его в кроватку. Я не хотела, чтобы он засыпал один.

Когда я осторожно укладываю его, он на минуту вздрагивает, но тут же погружается в спокойный сон, посасывая кончик большого пальца. Убедившись, что он не проснется, я крадучись выхожу из комнаты, бросив на него короткий взгляд, и встречаю охранника по ту сторону двери.

— Мисси Сэнт? Вы в порядке? — спросил он. У него было знакомое лицо — мужчина, которого я уже видела в этом доме. Он был злой, мускулистый, сложенный как кирпичная стена, с руками размером с мое бедро и лысой головой, но в последнее время он улыбался и был добр.

— Я в порядке, иду за водой, — вру я.

— Давайте я, — предлагает он.

— Нет, все в порядке, я все равно не могу уснуть.

— Хорошо, — он соглашается. — Хотите, я вас провожу?

— А ты можешь просто остаться здесь? — я оглядываюсь на дверь. — Линкольн еще спит.

Он кивает.

— Конечно.

Это был странный опыт общения с этими людьми. Конечно, большинство из них были

ворчливыми и жестокими, их глаза оценивали, а рот выдавал, что они чувствуют, но некоторые из них были другими. Как будто у них было два разных характера: один — жестокий и смертоносный, а другой — более мягкий, даже добрый.

Я дохожу до конца коридора и оборачиваюсь:

— Как тебя зовут?

Он вскидывает голову, опускает брови.

— Меня? — я киваю. — Нейт, миссис Сэнт, — говорит он. — Меня зовут Нейт.

— Можешь называть меня Амелией, — говорю я ему.

— Мистер Сэнт будет против.

Я ухмыляюсь.

— Мне плевать, чего хочет Габриэль.

Я оставляю его с улыбкой и спускаюсь по лестнице, помещение темное, но я знаю, что здесь есть охранники, которые спрятаны, окутаны тенью в углах или за закрытыми дверями.

Ноги шлепают по мраморному полу, когда я прохожу в столовую и нахожу коробку там же, где она была оставлена несколько часов назад, только теперь сверху лежит любимая игрушка моего сына. Это был кролик с большими висячими ушами и светло-лиловым мехом, я купила его на распродаже, когда ему было около шести месяцев, и с тех пор он спал с ним. Габриэль, должно быть, стащил его, когда решил порыться в моей квартире, и от одного его вида у меня замирает сердце.

Я убираю мягкую игрушку с дороги и снова открываю крышку. Я слишком давно не заглядывала в свой этюдник и гораздо дольше не чувствовала вибрации карандаша, царапающего поверхность страницы. Я перебираю листы, и на сердце становится легко, когда я узнаю свои собственные наброски, знакомые изгибы юбок и платьев, которые я создавала, и сложные детали, которые я наносила на кружевное белье.

Мои пальцы проводят по дорогой коже книги, которую купил Габриэль.

Мне это было нужно.

Я хотела снова рисовать, я хотела дать волю всем этим идеям, поэтому я складываю все это, кладу сверху кролика и поднимаю его со стола, унося из столовой в свою комнату.

Нейт улыбается и открывает мою дверь, закрывая ее за мной с мягким щелчком.

Я знала, что не смогу уснуть этой ночью, меня переполняло возбуждение от перспективы снова творить, позволить всем этим идеям, которые рождались у меня бог знает сколько времени, выйти из моего мозга.

Я включаю лампу у кровати, проверяя Линкольна, чтобы убедиться, что он не проснулся от внезапного света, и когда он не двигается, открываю первую страницу нового этюдника и выбираю карандаш из набора, подаренного Габриэлем.

Мои идеи несутся с огромной скоростью, образ в моей голове появляется прямо на бумаге, линия за линией, я творю, вырезая фигуру, а затем одеваю ее в самое потрясающее платье, которое я когда-либо создавала. Оно длиной в пол, глубокого черного цвета, но украшено серебряными бриллиантами, которые скрываются под прозрачной подкладкой, которой я манипулирую поверх основного платья. У него глубокий V-образный вырез, который заканчивается чуть выше пупка, и тонкие бретельки, которые спускаются вниз к низкой спинке. Юбка платья имеет два разреза, почти скрытых количеством материала на нижней половине, но я представляю себе модель, идущую в нем, ее ноги выглядывают из аккуратно расположенных разрезов на юбке. При каждом шаге она будет складываться между ними, защищая ее и дразня женственные изгибы бедер.

Цвета, которые я выбираю, подчеркивают каждую изюминку платья, каждый блеск вставных драгоценных камней, некоторые из которых никогда не будут видны в одно и то же время. Я рисую платье в разных ракурсах, сзади и сбоку, показывая тонкие и в то же время удивительные линии его падения.

К тому времени, когда я закончила работу над первоначальным эскизом, солнце уже взошло, огненные оранжевые и розовые цвета прорезали утреннее небо, над спокойным океаном образовались туманные облака.

Я опустила взгляд на платье, рука болела от работы, и улыбнулась, чувствуя себя немного свободнее, чем накануне. В каком-то смысле это был груз, снятый с моей души. Я подавила свою страсть, задвинула ее куда подальше и позволила времени пройти мимо. Линкольн навсегда останется моим главным делом, но в спокойные минуты не было причин, по которым я не могла бы наслаждаться чем-то подобным только для себя.

Как раз в тот момент, когда я убираю оборудование, Линкольн начинает шевелиться, и я не успеваю все убрать, как он начинает плакать, требуя внимания.

Я оставляю все на кровати, чтобы заняться сыном, провожу его в ванную комнату, чтобы умыться и подготовиться к этому дню. Через двадцать минут я выхожу и застаю Габриэля, который смотрит на созданное мной платье.

— У тебя необыкновенный талант, Амелия, — говорит он мне, не отрываясь от платья. — Он пропадает зря, если ты ничего с ним не сделаешь.

Я вздыхаю

— Спасибо за комплимент, — говорю я, держа Линкольна.

Он переводит взгляд своих темных глаз на мое лицо.

Он хорошо выглядел сегодня, одетый в черный костюм и простую белую рубашку, расстегнутую в верхней части и открывающую пик твердой мускулистой груди. Его рот обрамляла ухоженная темная борода, а волосы были уложены так, что казалось, будто по ним провели пальцами.

Я сглотнула, злясь на его жестокую красоту.

— Пожалуйста, пересмотри мое предложение, *leonessa*.

Я сузила глаза.

— Я предлагаю сделку.

Он ухмыляется и подходит ко мне ближе. Я прижимаю Линкольна к себе чуть крепче, но мальчик извивается, пытаясь вырваться, пискляво предупреждая, что вот-вот закатит истерику, если я его не отпущу. Я замечаю закрытую дверь и решаю так и сделать. Он уползает, отвлекаясь на оставленные на полу игрушки.

Габриэль смотрит ему вслед, а потом снова обращается ко мне.

— Что за сделка?

Он уже ближе, так близко, что я чувствую его пряный и кожаный запах, опьяняющий чувства и затуманивающий разум. Я откидываю голову назад, чтобы не отводить взгляд от его лица.

— Ты скажешь мне, что значит "*leonessa*", - вздыхаю я. — И я рассмотрю твоё предложение.

Он усмехается, демонстрируя свои белые зубы. У него была красивая улыбка.

Черт. Я мысленно ругаю себя за то, что обратила внимание на такой незначительный момент.

Он был Габриэлем Сэйнттом, и неважно, что у него была чертовски красивая улыбка.

Он изучает мое лицо, как будто может прочитать все мысли в моей голове, и я не знаю, какое божественное существо я должна благодарить, но я рада, что он не может. Он подносит руку к моему лицу, и мне удается сдержать вздрагивание, даже если я сильно прикусываю язык, чтобы почувствовать вкус крови.

— *Leonessa*, — повторяет он слово, которым называет меня с самого первого дня. Его теплый палец заправляет прядь волос мне за ухо. — *Львица*, — его рука приостанавливается. — Это значит *Львица*, *Амелия*.

— Почему ты меня так называешь?

— Ты храбрая, — говорит он мне, пересекая еще немного пространства между нами. Я чувствую его тепло, этот проклятый аромат теперь наполняет мой воздух, просачиваясь в мои легкие. Его рука перемещается от моего уха к щеке, обхватывает ее, большой палец нежно проводит по ней. Это было успокаивающее давление, успокаивающее и желанное ощущение. Как давно ко мне не прикасались? Как давно никто не заботился обо мне?

— *Бесстрашная*. Твоя независимость движет тобой, это дает тебе силы. И все же в глубине души у тебя есть нежность, часть тебя, которая доминирует, даже подсознательно. Твоя потребность лелеять и защищать то, что важнее всего, заставляет тебя делать каждый шаг.

— Ты меня не знаешь, — шепчу я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

— Пока нет, но я знаю достаточно, чтобы понять это. Я понял это, как только переступил порог твоей квартиры.

Его большой палец надавливает на мою нижнюю губу, слегка оттягивая ее вниз, а затем ослабляет давление и прослеживает ее изгиб. По моей коже пробегают мурашки, желудок сводит, сердцебиение учащается.

— Моя репутация опережает меня, *Амелия*, ты знаешь о том, что я делаю, какой вред я причиняю. И все же, зная об этом, зная о моих намерениях в тот день, ты продолжала сражаться. Ты сражалась изо всех сил и продолжаешь сражаться. Я видел, как люди мочились в моем присутствии, но ты обладаешь мужеством тысячи.

Я не чувствую в его словах никакого обмана, только правду, сказанную человеком, который, я не сомневаюсь, видел самых разных людей, всевозможные ужасы и насилие. Я застыла на месте и уставилась на него, его глаза прыгали между моими.

Он был так близко, что я чувствовала запах мяты в его дыхании, видела крупинки золота в его глазах. Я поднялась на носочки и потянулась к нему, когда он наклонился, а затем его губы коснулись моих, и в моем сознании вспыхивают искры. Теплые, мягкие губы, слишком приятные для такого мужчины, как он, и этот поцелуй не похож на поцелуй в день нашей свадьбы, который был сплошным наказанием. Этот был вопросом, просьбой о большем.

Его рука скользнула к моему затылку, пальцы запутались в волосах, и когда он углубил поцелуй, мои губы разошлись, в ушах зазвенели предупреждающие звоночки.

Неправильно. Неправильно.

Он забрал твою свободу.

Он похитил тебя.

Позволить ему завладеть любой частью тебя — значит проиграть.

Я отстраняюсь от него, разрывая поцелуй. Его голова опускается, и он громко вздыхает. Я обошла его, отойдя в противоположный конец комнаты, чтобы оставить между нами расстояние.

— Спасибо, я подумаю, — я ненавижу себя за то, как слабо звучит мой голос, за то, как

сильно горит мое тело и покалывают губы.

— Амелия... — начинает он, но его прерывают, когда дверь распахивается и Атлас заполняет пространство.

— Габриэль, — рычит он, яростно хмурясь. — Нам пора.

В этот момент что-то происходит с Габриэлем, его плечи становятся квадратными, а челюсть напрягается. Он еще раз смотрит на меня, прежде чем выбежать из комнаты и закрыть ее за собой, оставив меня наедине с томительным шепотом его поцелуя и буйством мыслей, которые грозили затянуть меня в глубокую темную яму, из которой я никогда не выберусь.

Глава 19

Габриэль

Машина останавливается у склада, и, когда я вылезая, в нос бьет вонь горелой плоти и волос, здание все еще дымится и пускает черный дым в голубое небо. На земле перед большим зданием лежат тела, некоторые из них прикрыты, другие нет, их черты теперь неузнаваемы под волдырями и оплавленной кожей. В одном конце склада еще горит огонь, но основная часть здания уже потушена, хотя от нее мало что осталось. Крыша обрушилась, окна разбились, а внутри находилось еще больше тел.

— Как?

Атлас передает мне планшет, который держит в руке, и нажимает на экран, воспроизводя записи с камер наблюдения, сделанные около шести утра. Три часа назад.

Склад находится в промышленном районе на окраине города, достаточно далеко, чтобы пожар такого размера оставался незамеченным в течение нескольких часов, прежде чем либо рабочие придут на смену, либо будет замечен дым.

Охранники постоянно патрулировали территорию, некоторые из них были моими сотрудниками, некоторые нет, но все они были убиты, застрелены или зарезаны, чтобы никто не смог сообщить о пожаре до того, как он станет неконтролируемым.

Я смотрю на запись, где трое мужчин, одетых в ту черную одежду, которую я видел раньше на судне, входят в склад, находятся там всего десять минут, а когда выходят, один из них зажигает спичку и бросает ее в открытую дверь. Пламя мгновенно разгорается и затем распространяется как лесной пожар.

— Запись с полуночи была стерта, — говорит мне Атлас. — Только с шести утра началась новая запись.

Я продолжаю смотреть. Человек, бросивший спичку, поворачивается к камере, наклоняет голову и смотрит прямо на нее. Из-за закрытого лица и мерцания бушующего огня невозможно понять, кто это.

И тогда он уходит вместе с остальными, оставляя гореть склад и все, что в нем находится.

Впереди пожарные борются со случайными возгораниями, другие ищут выживших в здании. Их не будет.

Если бы огонь не убил их, то это сделали бы эти люди.

— Черт! — прорычал я.

На мой город напали. Это была война, но я сражался вслепую. Я ничего не знал о противнике, не знал мотивов, и я проиграю, если не разберусь в этом. Сначала судно, теперь мои запасы. Они забирали все!

Кто-то хотел заполучить мой город себе, но сначала им придется убить меня.

Редхиллом управляют Сэйнты, и так было на протяжении многих поколений, поэтому мы не потеряем его во время моего правления.

— Выясни, есть ли там какие-нибудь пригодные для спасения запасы, — приказываю я Атласу. — И утroyте охрану на других наших объектах. Я найду, кто это делает.

Атлас кивает и направляется в сторону склада и людей, выходящих и выезжающих из здания. От злости у меня закипает кровь, сердце набирает скорость ударов. Я забираюсь в машину, руки сжимаются в кулаки на бедрах, я откидываю голову назад и закрываю глаза, чтобы утихомирить огонь внутри себя.

За веками мелькает лицо Амелии, ее мягкие волосы и то, как моя рука перебирает пряди, когда я глажу ее по затылку. Вкус ее губ задерживается у меня во рту, мягкость ее тела сохраняется в моей памяти.

Воспоминания о поцелуе успокаивают мои эмоции. Я позволяю им заполнить мой разум.

Я никогда не думаю ясно в гневе, да и кто думает? И то, что она контролирует эту сторону меня, даже просто в воспоминаниях, достаточно, чтобы сдержать ярость.

Эхо ее вдоха — как музыка для моих ушей, в тот момент, когда мои губы коснулись ее губ, и она прильнула ко мне, впуская меня в себя, позволяя мне владеть собой, это не было похоже ни на что, что я когда-либо испытывал прежде.

Я хотел большего. Я хотел поглощать ее, хотел пробовать ее вкус, кусать ее губы, погружать пальцы в ее податливую плоть, исследовать, дразнить...

Но тут она вернулась в свою реальность.

Я почувствовал это сразу: ее тело напряглось, рот застыл на моем, но я знал, что если бы в ее маленькой хорошенькой головке не шла война, она бы покорила меня. Она позволила бы себе попасть в мои сети, и я бы овладел ею.

Но моя жена была слишком упряма и боязлива. Боялась меня и других вещей, о которых мне еще предстояло узнать. Но я узнаю.

От меня она не сможет скрыть никаких секретов.

Но прежде всего мне нужно было сделать этот город безопасным для нее и для нас.

Теперь уже спокойнее, чем несколько минут назад, я нажал на кнопку, чтобы завести машину, отъехал от дымящихся обломков здания и направился через весь город. Все было по-прежнему: люди занимались своими повседневными делами, толпились у торговых центров и многочисленных забегаловок и ресторанов, разбросанных по всему Редхиллу. Поскольку город находится недалеко от океана и знаменитых пейзажей, окружающих его, туристы были обычным явлением. Они были полезны для экономики, и, прокачивая деньги через многочисленные предприятия, Сэйнты всегда поддерживали их. Никого не волнует, откуда берутся деньги, ведь если они попадают на банковский счет, то это крыша над головой и еда на столе. Благодаря им открываются двери предприятий и движется транспорт. Если деньги приходят от мертвых или от не совсем законных действий, то пусть так и будет.

Я направляюсь к пристани, простаивая в пробках на дорогах, и тяжелое эхо гудков и сирен заполняет тихую пустоту в салоне автомобиля. Я смотрю на причал, наблюдая, как два судна заходят в порт. В Редхилле не было огромного порта, но он был достаточно большим, чтобы им могли пользоваться поставщики с Дальнего Востока, Европы и всей Америки. Он был построен много лет назад, чтобы помочь решить проблему перегруженности других портов на Западном побережье, но как только он был введен в эксплуатацию, мы, Сэйнты,

стали его владельцами.

Мы получаем долю с каждого судна и контейнера, приходящего в город и выходящего из него, и используем их для перевозки наших товаров по всей стране, доставляя их из Мексики, России и Дальнего Востока. Ни одно судно, независимо от того, кто владеет судоходной линией, не может уйти без уплаты налога. Когда у меня в руках сидят государственные чиновники, легко было задерживать грузы на неопределенное время, заставляя грузоотправителей и грузополучателей потеть, чтобы они гнулись и ломались под моей волей. Налог был уплачен, карманы заполнены, груз освобожден.

Сейчас я видел, как мои люди патрулируют доки, как несколько человек разговаривают с чиновниками, как между ними передаются конверты, слишком толстые, чтобы быть просто транспортными документами.

Конечно, у нас был свой законный бизнес: казино, которое доминировало в районе Феста, недалеко от Южного пляжа, и было пристанищем как для туристов, так и для горожан. Самый большой игорный зал в городе, в котором каждый мог найти себе развлечение по вкусу. Живая музыка и покерные столы, темные уголки, где все незаметно, и отель, расположенный над ним. Это был самый большой и самый старый бизнес Сэйттов, который приносил нам больше всего денег, уступая темной стороне этого образа жизни.

Проезжая мимо пристани, я направился в ту самую часть города, свернул за угол и обнаружил, что прямо передо мной стоит большое стеклянное здание, закрывающее вид на Саут-Бич и его песчаный берег, скалы, вздымающиеся ввысь. Мой дом стоял на вершине этих самых скал, но отсюда его не было видно.

На этих скалах была Амелия.

Моя жена.

Я не заезжаю в казино, но слегка улыбаюсь, когда вижу длинную, процветающую очередь, вытекающую из дверей.

Этот город был для меня домом. Я знал эти улицы лучше, чем тыльную сторону своей ладони, мог рассказать, как пахнет каждый район — соленым морским воздухом на Рыбацкой набережной, свежим ароматом кофе и выпечки на Плазе в центре города, или как пахнет Вэлли-Парк цветами вишни и сирени летом, землей и дождем зимой. Этот город впечатался в мою кровь, в мою душу. Лето было жарким, зима холодной, но он был моим.

Перед тем как отправиться домой по обрывистой дороге, я съезжаю на обочину, позволяя колесам медленно двигаться по улице. С каждой сотней ярдов дома становились все более запущенными. Неважно, сколько денег я выкачивал через эти улицы, многие из этих ублюдков прикарманивали деньги и оставляли свои дома — и их жильцов — гнить.

Это было на той же улице, где раньше жила Амелия, хотя, может быть, и не такой ветхой, как в этом районе города.

Хотя мне не нравился этот образ, и я ненавидел то, как обращались с этими жильцами, здесь жили очень важные люди.

Машина останавливается перед ветхим домом, фасад которого осыпается от старости и непогоды, двор зарос и стал коричневым от солнца и отсутствия воды.

Старый велосипед, проржавевший и разваливающийся, лежит, наполовину утопая в дикой траве, старые разбитые бутылки, осколки которых сверкают на свету, устилают гравийную дорожку, ведущую к крыльцу.

Мне не нужно стучать.

Дверь со скрипом открывается в тот момент, когда носок моих ботинок наступает на

прогнившую первую ступеньку.

— Мистер Сэйнт, — Тэлон переступает порог.

— Пройдись со мной.

Тэлон был молод, он заканчивал последний год обучения в университете Редхилла, за который платил я. Я нашел его, когда ему было шестнадцать, он воровал в местном супермаркете, чтобы прокормить семью, и продавал наркотики в подворотнях возле казино.

После того как я взял его к себе, я узнал немного больше, и мне стало ясно, что этот парень гораздо умнее, чем он сам о себе думал. В то время он боялся меня, возможно, боится и сейчас, но страх в моем подчинении — это хорошо, но я старался не позволять ему управлять собой.

Больше всего на свете мне нужна была преданность, а преданность не рождается из страха.

У Тэлона был дар, как и у Амелии с ее рисунками. Но мужчина прекрасно управлялся с компьютером и всем, что с ним связано. Системы и программы, Интернет и все эти темные, грязные места, которые находятся внутри. У меня в команде были хорошие люди, но Тэлон был необыкновенным.

Поэтому я предложил ему работу и полное финансирование в колледже.

Он не сомневался в своем решении принять предложение.

Я хотел оплатить новое жилье, квартиру в городе для его младшей на три года сестры и пожилой матери, но он отказался, понимая, что женщины не пойдут на это, если узнают, откуда берутся деньги.

У Сэйнтов была репутация, и большинство знало, кто мы такие и чем мы занимались.

Он остался здесь, в своем маленьком разбитом доме, но у него была еда на столе, он оплачивал счета, и у него оставалось еще много денег. Мне стало интересно, почему он до сих пор не отремонтировал дом, но я не стал задавать вопросов.

— Я уверен, что ты видел, что за последние несколько месяцев мы несколько раз оказались в опасности.

— Об этом говорили в новостях.

Я хмыкнул в ответ.

— Последние два были самыми сильными.

— Два? — он спрашивает, опустив свои темные брови. — Я слышал только о грузовом судне.

— Склад был атакован в промышленном районе, все здание уничтожено.

— Черт, — шипит он. — Что от меня нужно?

— Ты теперь часть моей семьи, Тэлон, — говорю я ему. — Я увидел в тебе то, чего не видел уже давно, — он кивает. — Что ж, то, что мне нужно от тебя, должно остаться между нами. Никто не должен знать.

Его глаза загораются, как на чертовом параде четвертого июля.

— Что это?

В моем проклятом городе появился предатель, раскрывающий мои секреты. Я понятия не имел, кто это может быть, и все были под подозрением, даже члены семьи. Я не мог без риска обратиться к своим собственным парням, так что Тэлон был моим единственным вариантом, хотя приводить мальчика, пока он не был готов, было рискованно само по себе.

— Мне нужен доступ к каждой камере в этом городе, — сказал я ему, когда его глаза расширились. — Я хочу иметь возможность просматривать записи за последние шесть

месяцев и хочу, чтобы ты проверил моих людей.

— Проверил? — он сглотнул.

Я киваю, засунув руки в карманы брюк своего костюма.

— Все, что на них есть, мне нужно. Даже если ты считаешь это мелочью, мне нужны папки со всеми их делами, деньгами, которые они потратили и заработали. Где они были и когда. Ты можешь это сделать?

— Конечно, но это займет время.

— Я знаю, — соглашаюсь я и достаю из кармана конверт, протягивая ему. — Это семьдесят пять тысяч. Половина того, что я отдам после выполнения работы.

Его глаза чуть ли не выпадают от такого заявления.

— Мистер Сэйт, я не могу... — замялся он.

Я хлопаю его по плечу и поворачиваюсь назад, в ту сторону, откуда мы пришли. Он медленно следует за мной.

— Я пришлю тебе личные дела сотрудников, — говорю я ему. — Остальное на тебе.

Мы возвращаемся к его дому, и я смотрю на него, качая головой.

— И, Тэлон, начни с нового листа. Сейчас ты можешь себе это позволить.

— Я... я не могу, — заикается он. — Что я им скажу?

Я пожимаю плечами:

— Не моя проблема, но твои женщины заслуживают лучшего, и ты можешь их обеспечить.

Я оставляю его возле дома и уезжаю. По правде говоря, Тэлон мне нравился, и я считал, что он заслуживает этого. Женщины, о которых он заботился после смерти отца, заслуживали лучшего. Сейчас он был застенчив, но у него был талант и ум.

И я бы использовал его не только для себя, но и для него.

По дороге к дому я смотрю в окно: солнце отражается от волн, расходящихся далеко внизу по дороге, уходящей к вершине скалы. Повернув обратно, я еду дальше, пока не упираюсь в ворота, ведущие к дому, а за ними — к Амелии.

Только замедлив ход, я понимаю, что ворота были открыты, что на территории было слишком тихо.

Я оставляю машину во дворе, солнце бьет мне в спину, но не от этого моя кожа начинает гореть.

В таком опасном мире, как мой, было вредно учиться тому, когда и как доверять своему инстинкту. В любой момент это могло означать жизнь или смерть, и это чувство, когда ты понимаешь, что за тобой наблюдают, было почти всегда реальным. Я не останавливаюсь, но незаметно сую руку за пояс, снимаю оружие с предохранителя и держу его перед собой. Когда я подхожу к двери, она оказывается слегка приоткрытой.

Скрежеща зубами, я открываю ее и обнаруживаю внутри кровавую бойню.

Глава 20

Амелия

Уже после ухода Габриэля я решила покинуть комнату с Линкольном. Я знала, что его здесь нет, но, как ни странно, мое тело пугающе реагировало на его присутствие. Сердце забилося чуть быстрее, кровь и кожа стали чуть теплее.

Мои губы все еще горели от поцелуя, я все еще чувствовала его вкус на своем языке.

Взяв Линкольна на руки, я несу его в игровую, кладу на пол и окружаю игрушками из ведерка, стоящего рядом с диваном. Пока он отвлекается, я наливаю себе выпить в баре, установленном рядом с большими эркерными окнами, выходящими во двор. На полке стоял мини-холодильник и несколько бутылок дорогих на вид спиртных напитков, но я взяла только воду.

Нейт был где-то здесь, я видела его после того, как вышла из комнаты, но за нами присматривал Кольт, который сейчас стоял у двери, спиной ко мне.

Я подумала, не обмануть ли мне его, не попытаться ли снова сбежать, но что-то остановило эту мысль. Я сказала себе, что это потому, что не хотела, чтобы с Кольтом случилось что-то плохое. Независимо от того, на кого он работал и как его заставили нянчиться со мной, я не хотела, чтобы он пострадал от каких-либо последствий. Габриэль выглядел вполне разумным, несмотря на похищение и заключение меня взаперти, но была причина, по которой одно его имя могло заставить кого-то наложить в штаны.

Когда Линкольн был занят на полу, я свернулась калачиком на диване, положив на колени книгу о моде. Предложение, сделанное Габриэлем, постоянно крутилось у меня в голове. Я сказала ему, что подумаю, что заключила с ним сделку, но я не ожидала того, что он сказал. За то, как он назвал меня и что увидел во мне.

Храбрость? Я не была храброй. Я не могла быть такой.

Что такое храбрость, если я боялась принять искреннее предложение, которое могло бы мне помочь? Может быть, потому, что оно исходило от него? Не знаю.

Но я была права. Находиться рядом с ним, принимать от него что-то — это была проигрышная игра.

Я никак не могла выйти победителем.

Я вздыхаю и открываю книгу, проводя рукой по знакомым страницам, которые я читала от корки до корки столько раз, что уже сбилась со счета.

Знакомые слова и образы заселяют то место внутри меня, ту часть моей души, которую я отдала рисованию и дизайну одежды все эти годы назад. Все это заставляло мои пальцы чесаться от желания снова взять в руки карандаш, чтобы порисовать еще, даже после того, как я взяла его впервые за много лет только вчера вечером.

— Эй, Кольт? — зову я.

Он поворачивается ко мне, но почти сразу же его глаза устремляются на окно позади меня и расширяются.

— Пригнись! — кричит он.

Он бросается на меня, и мое тело застывает, когда раздается громкий хлопок и стекло разбивается вдребезги.

Рядом со мной вскрикивает Линкольн, и тут же Кольт падает на мое тело. Теплая влага сразу же просачивается в мою футболку.

— Кольт? — пискнула я, когда он не ответил. — Кольт!?! — я попытаюсь снова, толкаю его.

У меня в голове все гудит, паника и страх заставляют меня отстраниться от него, чтобы я могла добраться до своего сына. И тут мужчина начинает стонать.

— Кольт! — кричу я, дрожа.

Я толкаю его за плечи как раз в тот момент, когда за разбитым окном раздается хруст гравия под ногами.

Он медленно поднимается на ноги, его глаза обращены к окну, прежде чем встретиться

с моими собственными. Он не выглядел испуганным, он больше походил на злого медведя. Боль искадила его черты, но он никак не отреагировал.

— Беги, — прохрипел он. — Прячься, Амелия.

— Что такое?

Я была слишком напугана, чтобы бежать, и в тот момент, когда ему удалось вяло сдвинуться с места, я начала двигаться.

Еще один хлопок эхом раздался в игровой. Пуля попала в стену, но за ней последовали еще несколько. В Кольта попадают снова, и на этот раз он вскрикивает — пуля пробила ему бедро.

Я обхватываю Линкольна и оттаскиваю нас обоих в угол комнаты, усаживая за книжную полку.

Я встречаю взгляд Кольта. Я не могла просто бросить его. Я не могла...

Кровь сочилась из его раны, пачкая диван, но он просто смотрел на меня.

— Спрячься.

— Кольт... — я вздохнула, страх держал мой голос в заложниках.

— Уходи, Амелия.

Как только он произносит эти слова, в комнату врывается Нейт, его глаза сначала находят раненого Кольта на диване, а потом переходят на меня и Линкольна.

— Пошли! — он приказывает. — Живо!

Я не двигаюсь.

Я не могу двигаться.

— Амелия, — смягчается он. — Давай, пошли, — он внезапно пригибается, когда раздается еще один выстрел. — Вперед! — рычит он.

Мне каким-то образом удается встать на ноги. Он хватает Линкольна, прижимая его одной рукой к своему бедру, а другой хватает меня, прижимая к себе, закрывая нас обоих своим телом.

Он использовал себя как щит.

Мое горло горело от крика, который я хотела выпустить, а голова гудела от эха выстрелов и крика Линкольна.

Он вел нас через дом к кабинету Габриэля. Когда мы пересекали фойе, оно казалось открытым, слишком тихим, слишком незащищенным.

Крик вырвался из меня в тот момент, когда я услышала позади огромный грохот, выбивающуюся входную дверь.

— Бежим! — кричит Нейт, заставляя Линкольна вернуться в мои объятия и толкая меня вперед. Навстречу мне бегут люди, я узнаю их лица, но они не останавливаются, они проносятся мимо, как армия, идущая на битву.

Все вокруг взрывается в хаотическом беспорядке громких хлопков и криков, тяжелых ударов и стонов боли.

Я бегу.

Мне не стыдно. Я обхватываю Линкольна всем телом, единственная мысль — увести его подальше от опасности. Мои ноги шлепают по мраморному полу, дыхание вырывается из груди, когда я врываюсь в дверь кабинета Габриэля и практически бросаю нас обоих под стол, перекатываясь таким образом, чтобы мое тело приняло на себя основную тяжесть падения. Мой бок врезается в край стола, боль пронзает меня, а в глазах расцветают звезды, но я отталкиваю ее, обхватывая Линкольна, чтобы защитить.

Я вздрагиваю от каждого выстрела, от каждого крика, Линкольн все еще плачет у меня на руках.

— Шшш — голос мой дрожит. — Шшш, малыш, все хорошо.

Я прижимаю его голову к себе, укачивая его в крошечном тесном пространстве. Воспоминания пытаются нахлынуть на меня, воспоминания о том, как я была маленькой девочкой, пряталась в шкафу под раковиной, пока мой отчим кричал и крушил все вокруг, швырял тарелки и крушил мебель, искал меня, чтобы у него было тело, на котором он мог бы выместить свою злость.

Раньше это была моя мать. Но ее не стало, и следующим лучшим вариантом для него стала я.

Я часами сидела в шкафу, зажав рот рукой, а после на коже оставался красный след или синяк, но это было лучше, чем та боль, которую причинял он. У меня до сих пор много шрамов, полученных от него, на бедрах, спине, верхних частях рук.

Но я научилась прятаться, как и сейчас, но на этот раз я пряталась не за себя, а за своего сына.

Я знала, что люди умирают. Я слышала, как падают их тела, их истошные крики, но я оставалась ради него.

Слезы текли по моему лицу, сердце бешено колотилось в груди, но каким-то образом мои покачивания и воркование утихомирили крики Линкольна.

Я продолжаю мягко раскачивать его вперед-назад, его затылок лежит в моей руке, его щека прижата к моей груди. Мои слезы беззвучны, мое страдание внутреннее, но я чувствую, как меня разрывает на части.

Тишина падает, как свинцовый груз на дом, и я втягиваю воздух, задерживая его, слезы прожигают дорожки по моим щекам, пока не падают в гриву непокорных темных кудрей Линкольна. Он сосет большой палец, и его тело сотрясают небольшие толчки плача, когда он икает.

— Где она? — говорит кто-то.

Я сглатываю рвоту.

Страх перед прошлым, перед воспоминаниями, преследующими тебя, и перед настоящим, где есть реальная опасность.

Они убьют нас обоих.

Судя по одному этому вопросу, они искали меня.

Моего сына.

— Найдите ее! — приказывает кто-то.

Я чувствую, как в горле поднимается крик, и закрываю рукой рот и нос, подавляя шум.

— Хватит! — кричит кто-то.

Этот голос я узнала. Я знала его, но в моей панике, в моем горе и страхе, он был размыт в моей голове. Но я знала его, о черт, я слышала, но не могла сообразить кто.

— Пойдем.

— Но ты же хотел ее! — сказал кто-то другой.

— Будет другой раз, — в этом тоне, в этом знакомом голосе была чистая убежденность. — Она от меня не убежит.

Я слышу, как по дому ходят сапоги, уходящие по приказу. Они не продолжают меня искать, но я не двигаюсь. Я не издаю ни звука.

Я уже давно поняла, что слова ничего не значат, ложь так же легко подается, как вода из

крана, и пока я не буду уверена, что в этом доме нет врагов, я буду оставаться здесь, где безопасно.

Внутри меня все еще жила маленькая девочка. Она все еще боялась возвращаться домой, боялась выходить из своего укрытия. Во мне жила маленькая девочка, которая, увидев этих людей, сразу же распознала опасность и боль. Мне нравится говорить себе, что я выросла, что я победила эти ужасы, но я лгала.

Я всегда лгала себе и была уверена, что всегда буду лгать.

Надела бы на себя суровый вид, и, может быть, это стало бы правдой.

Но я остаюсь под этим столом, обнимаю сына, укачиваю его, пока он не засыпает на моих руках, и тогда я тихо всхлипываю. Я плачу о себе, о своем прошлом, о своих кошмарах и боли, я плачу о людях, погибших или умирающих за дверью, и я плачу о своей свободе. Я плачу о свободе, которой у меня нет и никогда не будет.

Не из-за Габриэля и его насильственного брака, не из-за того, что я застряла в этих стенах, я никогда не освобожусь от кошмара, который был моей жизнью, моим прошлым и моим настоящим.

Я была сломлена.

Меня постоянно преследовало прошлое насилие, мне каждый день напоминали о том, что я не справляюсь, что я не могу обеспечить себя.

Именно тогда, когда я потерялась в этом смятении, я услышала, как дверь в офис со щелчком открылась.

Сердце подпрыгивает в горле.

Габриэль может говорить, какая я смелая, какая отважная, но я не хотела умирать. Я готова на все, чтобы защитить своего сына, но я не хотела умирать, в этом есть разница.

Стук шагов эхом отдается в моих костях, отчетливый звук одежды, стук кольца о металл.

В руках пистолет.

Я закрываю глаза и думаю о том, что я могу сделать.

Что я могу сделать?

Если бы они не ушли, их было бы гораздо больше, чем меня. У меня не было оружия. Ничего, что могло бы противостоять пуле или ножу.

Немного сдвинувшись с места, я стараюсь вести себя как можно тише, когда перемещаю Линкольна, чтобы он лег на ковер позади моего собственного тела. По крайней мере, я могу быть щитом.

Я держусь так, чтобы он был скрыт, и наблюдаю за пространством перед собой, ожидая появления ног.

Мне кажется, что мое дыхание отдается громким эхом в груди, что кто бы ни находился со мной в комнате, он может услышать хрип моих легких.

Он подходит ближе.

Еще ближе. Пока уверенные шаги не затихли сбоку стола.

Черные брюки. Черные кожаные туфли и широкая стойка.

Рука ударяется о крышку стола, вторая опускается с пистолетом, зажатым между сильными, ловкими пальцами.

Он приседает, и крик нарастает, готовый вырваться из меня, пока не появляется его красивое, жестокое лицо.

— Габриэль! — кричу я.

Я не думаю, прежде чем броситься на него.

Он без колебаний ловит меня, обхватывает своими мощными руками, пистолет упирается мне в позвоночник. Он зарывается лицом в мои волосы, а я — в его шею, вдыхая ставший уже слишком знакомым запах пряностей и кожи. Этот запах успокаивает ужас в моей голове.

— Я держу тебя, *leonessa*, — успокаивает он. — *Leonessa mia* (прим. пер. — моя львица), я держу тебя.

— Линкольн, — всхлипываю я ему в шею, и он замирает. — Он все еще спит.

Я прижимаюсь к нему, позволяя ему еще больше прижать меня к своей груди, следуя за его телом, когда он устраивается поудобнее и затаскивает меня к себе на колени, обнимая почти также, как я обнимала своего сына. Я свернулась калачиком у него на коленях, и в какой-то момент он уронил пистолет на пол, который все еще оставался в его руке, прижав ладонь к моему позвоночнику, а другую — к волосам, пока уткнувшись лицом в его плечо, я плакала.

Я не стыдилась того, что мне было так комфортно, что я позволила ему обнять меня. Я нуждалась в этом.

После всего этого я нуждалась в *нем*.

И одна эта мысль была не менее страшной, чем то испытание, через которое я только что прошла.

Глава 21

Габриэль

Она дрожит, прижимаясь ко мне, эти глубокие всхлипы сотрясают ее кости и тело. Ее слезы прекратились, но печаль была глубока до мозга костей.

— *Leonessa mia*, — шепчу я ей в волосы, перенося руки с того места, где я ее обнимал, на лицо. — Теперь ты в безопасности.

— Они... — она прерывается, замирая. — Они пришли из ниоткуда. Не было никакого предупреждения. Кольт! — ее голос срывается на рыдания. — Его застрелили! И Нейт, я не знаю, что случилось!

Я прижимаюсь губами к ее лбу, позволяя ей почувствовать меня, ощутить мое присутствие, безопасность самой себя. Неровный стук ее сердца ударяется о мою плоть, вид ее наполненного ужасом взгляда и бледной кожи будет преследовать меня всю жизнь.

— Давай встанем, хорошо? — уговариваю я.

Не было сомнений, что она в шоке, и мне нужна была помощь Девона.

Я не был врачом и не собирался притворяться им, но ей было комфортно и спокойно рядом со мной, и я позволил ей это.

— Линкольн, — говорит она.

— Я подниму его, — говорю я ей. — Просто постой минутку.

Она вяло кивает.

Я помогаю ей опереться о край стола, и она тут же обхватывает руками свое тело. Я протягиваю руку и поднимаю с пола своего племянника, прижимая к себе его спящую фигуру. Она смотрит на меня, когда я беру его, и, к моему удивлению, еще больше расслабляется при виде своего сына в моих объятиях.

— Пойдем, Амелия, — я держу мальчика одной рукой, а ее другой. — Пойдем.

Я прижимаю ее к себе, моя рука все еще сжимает пистолет, но я обнимаю ее за плечи. Мы делаем это осторожно, шок заставляет Амелию медлить.

— Смотри на меня, — приказываю я, чтобы она не видела тел, когда мы выходим в

фойе, где я могу потом отвести ее к лестнице.

Она не поворачивает лицо ко мне, и тут как будто что-то щелкает в ее голове.

— Нейт! — кричит она, заметив тело на мраморном полу, где кровь остывает вокруг его безжизненного тела.

— Амелия! — кричу я, но она отходит от меня, чтобы подойти к нему, и опускается рядом с телом. Он был мертв. Три выстрела в спину и один в шею, но Амелия все еще пытается разбудить его, новые слезы текут по ее лицу.

— Амелия, — успокаиваю я. — Все в порядке, пойдем.

Ее остекленевшие глаза встречаются с моими в тот самый момент, когда сзади раздаются тяжелые и громоподобные шаги.

Она замирает, страх искажает ее лицо, но тут я замечаю своих людей, Ашера и Атласа, за которыми следует Девон, с расширенными глазами смотрящий на кровавую бойню.

— Это просто Девон, — говорю я ей, используя его вместо близнецов, так как мне показалось, что они напугали ее больше, чем она сама призналась.

Она не расслабляется, но поворачивает голову, оценивая всех мертвецов посреди моего дома, кровь, кишки. Лишь немногие мужчины еще двигались, они стонали, их булькающие крики сливались воедино, создавая симфонию агонии.

— Кольт, — вскочила она на ноги.

— Остановите ее! — приказываю я, надеясь, что она не увидит больше смерти. Девон делает движение, чтобы схватить девушку, но она обходит его и врывается в игровую, исчезая в комнате.

— Девон! — слышу я ее крик, после чего мы все разом движемся. — Помоги ему! — я слышу, как она требует. — Сейчас же, Девон! Спаси его!

— Шшш, Амелия, — успокаивает Девон. — Отойди, чтобы я мог посмотреть.

Когда я добрался до двери, то увидел, что Амелия прижимает к себе голову Кольта. Его глаза были закрыты, но он был жив, его дыхание было неровным и хриплым. Из закрытого рта сочится кровь, а его кожа приобрела смертельный серый оттенок. Ему повезло, что он еще не умер.

Девон привлек несколько своих доверенных людей, чтобы позаботиться о выживших и привести их в достаточно стабильное состояние, чтобы мои люди смогли доставить их в больницу. Каким-то образом телохранитель Амелии еще дышал, когда Ашер отвез его в больницу. Амелия сидит в центре окровавленного дивана, бледная, покачивающаяся. Кажется, она больше не замечает крови, мертвецов, которых убирают прямо за дверью.

Смерть придет за всеми нами. Я достаточно насмотрелся на нее за свою жизнь, чтобы вид ее уже не пугал меня. Но видеть ее там, безжизненную, без света в глазах, было хуже, чем видеть любое насилие. Девон спокойно работает над ней, проверяя жизненные показатели, а затем сканирует ее тело на предмет повреждений. Когда его руки осторожно укладывают ее на простыню, которую он положил ей за спину, она с готовностью ложится.

Я наблюдаю за этим, скрестив руки, Линкольн теперь передан моей матери, которая встретила меня во дворе у входа, взяла ребенка и не задавала никаких вопросов.

Амелия смотрит в потолок, дышит ровно.

— Шок, — подтвердил Девон.

Ее эмоциональное состояние было в смятении, и она слишком много чувствовала. Это

было проблемой, потому что шок маскировал любую боль, которую она могла испытывать, скрывал любые травмы, которые она могла получить в результате нападения. Она выглядела нормально, но это не означало, что так оно и было.

Он начал с ее ног, проверяя, нет ли видимых повреждений, затем перешел к туловищу, осторожно приподняв ее верхнюю одежду, чтобы показать живот и расцветающие черные синяки, расплывающиеся по нижней части ее грудной клетки.

Гнев поднимается во мне, как мстительный прилив.

Я контролировал его с тех пор, как нашел ее, контролировал потребность в мести и возмездии тем, кто посмел напасть на *мой* дом, но сейчас, сейчас я не чувствовал ничего, кроме ярости. Пошады не будет.

Девон осторожно осматривает синяки на ее теле.

— Как это случилось, Амелия? — спрашивает он.

Я стиснул зубы, представив, как кто-то из моих врагов бил или пинал ее, когда она была беззащитной. Бил ее так сильно, что оставил на ее теле такие сильные пятна.

— Я, — сухо сглатывает она. — Когда я пряталась, я упала слишком сильно, — Амелия объясняет. — Я ударилась об угол стола. Я не думала, что так сильно.

— Думаю, ты сломала ребро, — говорит он, глядя на меня. — Эти синяки серьезные.

Она беззвучно кивает, смотря на потолок и не обращает внимания на Девона, который продолжает ее осматривать. Он накрывает ее, затем встает и подходит ко мне.

— За ней нужно наблюдать. Шок пройдет, ребра заживут, но психологические последствия... Я не знаю, справится ли она.

— После свадьбы она была в порядке — говорю я больше для себя.

Это уже не первый случай нападения.

— Мы были с ней на свадьбе, — говорит Девон. — В этот раз она была одна. Это ее напугало.

— Ты можешь перестать говорить обо мне так, будто я тебя не слышу, — Амелия поднимается с дивана, усталые глаза встречаются с моими. — Со мной все будет в порядке. Пойду прилягу.

Я останавливаю ее, когда она пытается пройти мимо, мои пальцы проходят по ее щеке, прежде чем я беру ее за руку. Она не напрягается и не прижимается ко мне, но ее глаза встречаются с моими, и за болью в них загорается искра.

— *Leonessa mia. La tua forza mi stupisce* (прим. пер. — *Моя львица. Твоя сила поражает меня*).

Ее брови поднимаются в замешательстве

— Габриэль, — зовет Атлас, и я чувствую, как Амелия вздрагивает от звука его голоса, ее взгляд тянется к нему, где он стоит рядом с неподвижным телом у его ног.

Она вскидывает голову и смотрит на него.

Я наблюдаю за ней, но обращаюсь к Девону: — Позаботься о ней.

Он кивает, уводя Амелию. Я жду, пока она благополучно поднимется вверх, и только после этого подхожу к Атласу.

— Что случилось?

Что-то в реакции Амелии заставило меня взвизгивать сиренами предупреждения. Почему она так отреагировала на голос Атласа? Она смотрела на него так, словно у него были ответы на вопросы, которые она не хотела озвучивать.

— Трое, — говорит Атлас. — Они живы.

Я бросаю взгляд на стонущего у моих ног мужчину, отмечая тугие стяжки вокруг его запястий, кровь неуклонно пульсирует из огнестрельной раны слева от живота.

— Отнеси их вниз, — приказываю я. — Всех троих. Сохрани им жизнь.

Атлас кивает и движется, чтобы отдать приказ, я хватаю его за плечо, хотя не уверен, что сказать. Что-то здесь было не так. Он смотрит на мою руку, держащую его.

— Что такое, брат?

— *Fratello* (прим. пер. — брат), — повторяю я по-итальянски. — Мы семья, *si* (прим. пер. — да)?

— Да.

Я отпускаю его.

— Не дай им умереть. Я еще не закончил с ними.

Я оставляю их наедине с ним и поднимаюсь по лестнице в комнату Амелии. Она там, только что вышедшая из душа, а Девон сидит в кресле у окна. Он кивает мне, прежде чем выйти.

Амелия ничего не говорит, забираясь в кровать и сворачиваясь калачиком. Я иду к ней, весомый даже тяжелыми обстоятельствами. Она не сопротивляется мне устроиться рядом с ней, притянуть ее к себе и прижать к груди, защитно обхватив руками.

Она расслабляется.

Я поворачиваю лицо, вдыхаю аромат смеси ее шампуня и просто ее запаха, заставляя себя успокоиться. Она дышала. Ранена, но жива. Я хотел, чтобы оставшиеся внизу мужчины страдали, и если бы я был слишком зол, то разорвал бы их всех на части. Амелия неуверенно обхватила рукой мою талию, прижимаясь ко мне плотнее.

— Я держу тебя, — шепчу я.

Ее ногти впиваются в плоть на моем боку, прижимаясь ко мне.

— Габриэль, — плачет она на вдохе.

— Шшш, — я прижимаю ее ближе. — Я здесь.

Она не останавливается, она поднимает голову и смотрит на меня, сталкиваясь носами, ее вторая рука вцепилась в переднюю часть моей рубашки. В ее глазах блестят непролитые слезы, но, черт возьми, они живые, настоящие.

— Амелия... — пытаюсь я.

Ее губы с животным порывом прижимаются к моим, зубы сталкиваются.

Черт!

Я обхватываю ее руками, приоткрывая губы, и ее язык сразу ныряет в мой рот. Я встречаю ее напор своим, подстраиваясь, когда она садится на мои бедра, и мой член возбуждается, когда она упирается бедрами в мой пах.

Мои пальцы запутались в волосах на ее затылке, удерживая ее голову, пока она хнычет мне в рот. Я прижимаюсь к ней бедрами, а она сжимает их, находя ритм, который постепенно нарастает. Она так невероятно хорошо чувствуется на мне, ее тело идеально подходит к моему.

Ее дыхание сбивается, когда я прижимаю свой ноющий член к ее центру, вдавливая и поднимая его, желая вогнать себя в нее до самого основания.

Что-то мокрое попадает мне на лицо, затем еще раз, прежде чем я ощущаю вкус соли на языке.

Мне удастся отстраниться, тяжело дыша. Амелия снова придвигается ко мне, пытаюсь поцеловать, но мне как-то удается сдерживать себя, когда все, чего я хочу, — это взять ее и

полакомиться ею.

— Амелия! — она отворачивает лицо. — Амелия.

Я беру ее за подбородок, заставляя посмотреть на меня, и вижу, как слезы стекают по ее лицу, скользят по опухшим и покрасневшим губам. Я осторожно обхватываю ее руками, помня об ушибленных ребрах.

— *Leonessa mia*, — я мягко отталкиваю ее, укладывая на спину.

Верхняя половина моего тела следует за ней, пока я не склоняюсь над ней, мой вес удерживается на руках, расположенных по обе стороны ее тел.

— Я хочу этого, но не так, — я смахнул слезу с ее щеки.

Она поднимает глаза и встречается взглядом с моим, еще больше слез скатывается в ее волосы.

— Это была ошибка.

Я нежно целую ее.

— Это не было ошибкой, но ты еще не готова.

— Ты не можешь получить меня, — слабо заявляет она.

Но она уже была моя. Может быть, ее душевное состояние сейчас и хотело отдаться мне, но она была не готова. Скоро.

Я не винил ее за то, что сейчас она пытается что-то взять, что-то почувствовать, но когда я буду трахать ее, когда я буду пожирать ее, я буду иметь ее, только в том случае, если она этого захочет. Потому что когда я это сделаю, она будет моей. Моя, чтобы ублажать и трахать, моя, чтобы наказывать и поклоняться.

Она будет принадлежать мне.

Глава 22

Габриэль

Я оставляю ее спящей.

Закрыв за ней дверь, я оставил ее незапертой, пока спускался вниз по лестнице, выравнивая дыхание в надежде, что это поможет скрыть бушующее во мне возбуждение. Чувствуя, как ее маленькая тугая киска прижимается ко мне, независимо от обстоятельств, это было не то воспоминание, которое я скоро забуду.

Уборщицы в данный момент заняты тем, что убирают кровавые следы в доме, но я не обращаю на них внимания, проходя на кухню и направляясь к двери в задней части дома. Тишина встречает меня, когда я открываю ее и спускаюсь по крутой лестнице в подвал, обнаружив, что большая металлическая дверь впереди меня запечатана.

Когда я открываю ее, до моего слуха доносятся крики и стоны. Атлас стоит перед одним из мужчин, подвешенным на веревках за запястья к крюку, свисающему со столба, протянувшегося от одного конца комнаты до другого. Запах мочи доносится до меня за мгновение до того, как я замечаю лужу под болтающимися ногами мужчины.

— Уже обмочился? — размышляю я. — А мы еще даже не начали.

Ашер молча стоит в стороне, а в тени комнаты стоит мой силовик, немногословный человек, который одним лишь взглядом может заставить вас обобратиться. Он мне такой же брат, как и близнецы, но у нас нет общей крови.

— Энцо, — я лениво повернул голову в его сторону. — Я полагаю, что вид тебя заставил нашего гостя опорожнить мочевого пузыря.

Я попросил его оставаться незамеченным в течение последних нескольких недель, не желая пугать Амелию. Потому что именно так поступил бы Энцо, он был тем самым

призраком, о котором шептались люди, демоном из плоти и костей, и хотя все мы наслаждаемся убийством, этот человек жил ради него. Дышал ради этого.

Он был грозен.

Он выходит из тени, и я смеюсь.

Когда я впервые встретил Энцо целую жизнь назад, я недооценил его. Он был симпатичным мальчиком и очень заботился о своей внешности. Темные светлые волосы, уложенные и ухоженные до совершенства, темный загар, голубые глаза и белоснежная улыбка. Он заставлял женщин сбрасывать трусики одним движением пальцев, но те же самые руки вырывали языки с чистой силой.

Под отутюженным серым костюмом я знал сотни татуировок на его коже, а когда он не работал на меня, он правил подпольными бойцовскими рингами, будучи чемпионом и богом среди пирующих, которые жили ради хаоса.

И хотя некоторые, глядя на него, видят это лицо, именно глаза таят в себе угрозу. Обещание боли, крови и смерти.

Он не говорил.

Он не улыбнулся.

Человек, болтающийся на веревке, смертельно замирает при виде моего силовика.

— Значит, ты слышал о нем, — с улыбкой замечаю я. — Твоя репутация опережает тебя, Энцо.

Я шагаю вокруг лужи мочи, нахмурившись, и говорю: — Ты ведь слышал истории об Энцо, не так ли? Ты знаешь, что он сделает с тобой, если ты будешь молчать. Кто тебя послал?

Его налитые кровью глаза обежали сырое помещение и остановились на бессознательных телах его людей, Девон, вероятно, усыпил их.

Наконец мужчина оглядывается на меня и сплевывает. Кровавая слюна попадает мне на щеку. Вздыхнув, я достаю из кармана пиджака носовой платок и вытираю ее, после чего дергаю головой, чтобы Энцо вышел вперед. Я беру стул и, облокотившись на него, наблюдаю, как Энцо наносит удар в живот. Из рта парня летит слюна, он хрипит, задыхаясь, пытаюсь восстановить дыхание.

Он бьет его снова. Снова. Снова. Пока мужчина бессильно висит, его голова болтается между плеч, а из разбитых губ течет слюна.

Энцо отходит назад.

— Подожди, Энцо, — приказываю я.

Он останавливается и отступает, наклоня голову, как животное, в сторону мужчины перед собой. Он протягивает руку и схватывает его подбородок в болезненном захвате, поднимая его так, чтобы я мог видеть его лицо.

— Ты напугал мою жену, — говорю я ему. — Ты причинил ей боль.

— Хорошо, — сплюнул он.

— Знаешь, — я беру со стола нож и провожу лезвием по пальцу, осторожно, но достаточно сильно, чтобы кожа разошлась и пошла кровь.

— Все было бы не так плохо, если бы ты не напугал ее. За каждую упавшую слезу я возьму с тебя плату.

Энцо ухмыляется, больной урод, но я тоже не мог не улыбнуться.

— Это моя жена, — мои ноги останавливаются перед его болтающимся телом. — *Моя жена!* — я кричу, ярость усиливается, когда я представляю себе этот синяк, эти слезы и этот

ужас.

Я реагирую без раздумий, вонзая лезвие под углом в боковую часть его лица и отрывая кусок плоти и мышц. Он вскрикивает. Кусок кожи ударяется о бетон и с мокрым шлепком падает в лужу мочи.

— Как ты думаешь, сколько слез это стоило? — Энцо показывает три пальца. — Только три, — киваю я.

Мужчина плачет, мокрые кровавые слезы каплют сквозь сопли и слюни. Я поднимаю руку и вдавливаю кончики пальцев в открытую рану, нажимая так сильно, что чувствую его зубы.

— Кто тебя послал? — спрашиваю я.

Он шевелит губами, но слов не произносит. Я снова делаю выпад вперед и по самую рукоять вонзаю нож в его живот. Затем я делаю это еще раз.

Кровь вытекает у него изо рта, забрызгивая мне лицо.

— Ты убьешь его, — спокойно говорит Атлас.

У меня было еще два, и я не останавливаюсь. Я втыкаю его снова, снова и снова, пока не слышу только влажный звук раздираемой кожи и постоянное капанье, капанье, капанье крови, вытекающей из его тела и капающей с моей руки.

— Хватит, — говорит мне Ашер.

Но я, блядь, король, и достаточно будет тогда, когда я, блядь, скажу, что хватит.

Я втыкаю нож ему в висок.

— Как насчет этого, Энцо? — рычу. — Сколько это стоит?

Он хмыкает в ответ и двигается, чтобы убрать тело. Как только он это делает, я смотрю на два других тела в комнате и улыбаюсь, когда замечаю, что один из них уже очнулся и смотрит на нас с отвращением и ужасом. Ужас было легко распознать, он сиял, как зеркало, только в нем нельзя было увидеть себя, но можно было увидеть все, что составляет человека. И этот человек был в ужасе.

— Поднимите его, — приказываю я. — Посмотрим, насколько он готов сотрудничать.

Это была подстава.

Проклятый пожар на складе был подстроен, чтобы вывести меня из дома, чтобы они могли уничтожить большую часть моих людей и Амелию вместе с ними. Конечно, им это не удалось, но одного осознания того, что на ее спине висит мишень, было достаточно, чтобы я собрал вещи и отправил ее куда-то до тех пор, пока она не окажется в безопасности. Но я был эгоистом и хотел, чтобы она была со мной.

Хотя склад и был использован для этой уловки, мотивы, конечно, были, и после того, как я покончил с этими ублюдками, Атлас показал мне восстановленные кадры, на которых люди вывозили все мои товары со склада и грузили их в ожидающие грузовики.

Воры, мать их, еще и мудаки.

Но в данный момент они были в выигрыше.

Уже давно стемнело, и погода за окнами отражала бурю внутри. Дождь хлещет по стеклянным стенам, составляющим одну из сторон дома, и, открыв окно, я слушаю, как падают капли и как хаотично разбиваются волны у подножия скалы.

Я чувствую вкус соленого воздуха на языке и позволяю дождю моросить по моей коже, пока он не охладит мое тело, смывая кровь, которая все еще окрашивает мое тело. С

тяжелым вздохом я поворачиваюсь и сталкиваюсь лицом к лицу с Амелией.

Она сглатывает, глядя на запекшуюся кровь на моем лице, на красные багровые пятна на руках и рубашке. Там было еще много чего, но черный материал моего костюма скрывал это.

Ее глаза обшаривают каждый сантиметр моего тела.

— Амелия.

— Я не могла уснуть, — шепчет она, делая шаг вперед, но потом замирает.

— Кошмары?

Она покачала головой, глядя на пятна крови.

— Кто?

— Люди, которые хотели причинить тебе боль.

Мне не было жаль.

— И так у тебя постоянно? — она наконец-то встретилась с моими глазами.

— Нет.

— Значит, только сейчас? Ни с того ни с сего на дом уже дважды напали? — она отступает назад и качает головой.

— Не бойся меня, Амелия.

Она насмехается.

— Спокойной ночи, Габриэль.

Глава 23

Амелия

Его кровавый вид не испугал меня.

Должен был, но не испугал.

Но я снова бежала. Снова отключилась.

Эта война, которую я вела с самой собой, была самой тяжелой в моей жизни. В каждом решении, которое я принимала, я была уверена: от ухода от отчима до рождения Линкольна, но сейчас... Я чувствовала, что стены, которые я использовала, чтобы сохранить себя в безопасности, были разрушены и выведены из равновесия.

И это сделал он.

Как может человек, который мог утешить меня, когда я была в ужасе, который мог целовать, как мужчина, полный такой страсти и желания, быть тем же самым мужчиной, стоящим перед окнами, с бурей за спиной, покрытым кровью человека или людей, которых он, вероятно, только что пытал.

Он выглядел как дьявол, и на вкус был как грех, так что, возможно, это было уместно.

Но я отправилась на его поиски не просто так, но сейчас я отворачиваюсь от него.

Я остановилась на лестнице, чувствуя его взгляд на своем позвоночнике.

Он уже не пугал меня так сильно, как раньше, нет, меня пугало то, как я реагировала на его присутствие. Мое тело загорелось, а сердце подскочило к горлу. Я хотела снова почувствовать вкус его губ, но не могла, я хотела ощутить его желание к себе между ног и гнаться за наслаждением, которое, как я знала, он может дать.

Я привыкла не получать того, чего хотела, но кое-что я могла получить.

После сегодняшних событий, после страха, охватившего меня, и воспоминаний о прошлом, я заслуживала того, чтобы иметь что-то только мое, и если я не могла позволить себе иметь его, то я могла иметь это.

— Амелия?

От того, как мое имя сорвалось с его языка, у меня по позвоночнику пробежала дрожь, этот смешанный акцент вызвал бурю бабочек в животе, отчего мне захотелось сжать бедра вместе.

— Я подумала о твоём предложении, — я стою спиной к нему, чтобы мое лицо не выдало меня. — Я бы хотела это сделать. Если такая возможность еще есть.

— Да, — подтверждает он. — Я организую это для тебя.

— Спасибо.

Я начинаю подниматься по лестнице, чувствуя потные ладони.

— *Leonessa*, — снова окликает меня Габриэль, останавливая.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, что он уже стоит у основания лестницы и смотрит на меня. — Я не забуду этот поцелуй.

— А стоило бы, — сглатываю я.

Он поднимается.

— Не забуду.

Он смотрит на меня с такой страстью, что я чувствую, как загораюсь, и делаю единственное, что умею, — бегу и не останавливаюсь, пока не оказываюсь запертой в своей комнате, прижавшись спиной к двери.

Линкольн был с Камиллой, и на сегодня так было лучше. Я знала, что с ней он в безопасности, и после сегодняшнего дня не хотела, чтобы он появлялся в доме до тех пор, пока мы не выясним причину стольких смертей.

Слишком потрясенная, чтобы уснуть, я включила лампу и достала свой этюдник, не позволяя мыслям вернуться к крови и смерти, произошедшим несколько часов назад. Шок прошел, но страх остался. Но, как всегда, он был не за меня, а за моего сына.

И это была одна из причин, по которой я никогда не могла отдаться Габриэлю.

Он был опасен.

Эта жизнь была опасна.

Я не для того бежала от своего прошлого.

Мой карандаш быстро движется по чистому листу бумаги, царапая его так, что успокаивается бунт в моей груди. Я рисую инстинктивно, линии пересекаются, черты смешиваются, когда я добавляю драматическую юбку к лифу, стилизованному под корсет, а подол расходится вширь и ввысь.

Я рисую часами, добавляя детали и тени к женщине на странице, это был не дизайн как таковой, а освобождение. Затем я приступаю к цвету, добавляя к платью насыщенный красный, который напомнил мне о крови, забрызгавшей прекрасное лицо Габриэля.

Сдвинувшись на кровати, я поморщилась от боли в ребрах и вздрогнула, случайно сбив все карандаши на пол.

— Черт.

Со стоном я слезаю с кровати, оставляя блокнот в центре, и приседаю, чтобы собрать их. Звук шагов останавливает мою руку.

Дверь открывается.

Габриэль стоит там, только что принявший душ, его темные волосы еще влажные и падают на лоб. Я сглатываю, разглядывая твердые линии его живота, изгибы хорошо сформированных мышц. Низко висящие брюки сидят на его бедрах, демонстрируя глубокий V-образный вырез и дорожку темных волос, идущую от пупка и исчезающую под ремешком. Его белая рубашка расстегнута, закатана до локтей, что делает его предплечья рельефными,

а вены выделяются на коже.

Он смотрит на меня горящими глазами, в его руках болтается полупустой стакан.

Я медленно поднимаюсь, как будто в комнате со мной не человек, а животное, и одно быстрое движение может привести его в бешенство. От хищника не убежишь и не надеешься спастись. Я и не заметила, что начала отступать назад, пока позвоночник не ударился о стену.

Я не могу удержаться, чтобы еще раз не пробежаться по нему глазами, замечая шрамы на его загорелой коже, которые я не заметила, когда он впервые появился в дверях. Он поднимает свой бокал и делает глоток, после чего снова опускает его. Его мускулы пульсируют и напрягаются, каждый сантиметр его твердой фигуры так же грозен, как я и думала. Но он прекрасен. Чертовски красив.

— Ты пьян? — спросила я едва ли не шепотом.

После нашей предыдущей встречи я не знала, куда он пошел, но он явно принимал душ.

Он делает шаг ко мне, и, хотя я пытаюсь вжаться в стену, как бы раствориться в ней, я понимаю, что деваться некуда.

Есть только определенный предел, который я могу вынести.

Он делает еще шаг, еще, пока не оказывается прямо передо мной, и его огненные глаза буравят меня. Я чувствую запах виски в его дыхании и наблюдаю, как он поднимает стакан, опрокидывая оставшуюся жидкость в рот. Я смотрю на его горло, наблюдаю, как оно дергается, когда он делает глоток, а затем осторожно, так чертовски осторожно, словно он не был человеком, созданным для насилия и греха, он ставит стакан на прикроватную тумбочку, и тот не издает ни звука.

— Я — *что-то*, — наконец отвечает он на мой вопрос.

— Я не хочу сейчас драться, Габриэль, — я устала и была близка к тому, чтобы сломаться.

Что случится после того, как я сломаюсь? Я не была готова узнать это.

Он наклонился вперед, потянулся к моим волосам и стал перебирать их между пальцами.

— Такие мягкие, — пробормотал он.

Я чувствовала его запах, пряный и кожаный аромат его средства для мытья тела, смешанный с его собственным естественным запахом, мускусным, пьянящим ароматом, в котором был весь Габриэль. Весь этот прекрасный смертоносный мужчина.

Я сглотнула.

— Пожалуйста, уходи.

— *Potresti amarmi, Amelia*, — слова срываются с его языка, его глубокий баритон и то, как звучит язык, посылают восхитительные волны по позвоночнику, которые заканчиваются между моих ног, заставляя мои бедра сжиматься от потребности, которую я не хотела называть. Это оказало на меня глубокое воздействие, даже если я не понимала ни слова из того, что он говорил.

— Ты могла бы любить меня, Амелия, — наконец перевел он.

Подождите... что? Это то, что он говорил раньше?

— Если ты отбросишь эту ненависть, — говорит он, не сводя с меня глаз. — Ты сможешь полюбить меня. Я мог бы обеспечить тебя.

— Ты мне не нужен.

— Нет, не нужен, — он соглашается.

Его пальцы отбрасывают мои волосы, и инстинкт заставляет меня отступить еще дальше назад, немилосердная поверхность стены упирается мне в лопатки, я зажмуриваю глаза, и страх проникает в мой организм, когда он поднимает руку.

Меня больше всего раздражало, что простое движение обнажает все мои слабые места. Что поднятая рука выталкивает на поверхность глубоко запрятанные воспоминания, заставляя меня вздрагивать каждый раз, когда это происходило, заставляя заново переживать боль от каждого удара каждого мужчины, который когда-либо прикасался ко мне. Их было много. И очень долго.

В этом убедился мой отчим. Я была уверена, что это какая-то его больная игра, удовольствие — видеть, как мне больно, как я падаю, страдаю, истекаю кровью. Он делал это часто и с улыбкой.

Я тренировалась, училась защищаться, но Габриэль был больше, сильнее и в десять раз смертоноснее. На его фоне все мужчины моего прошлого выглядели кроликами.

Я наконец открываю глаза, сглатывая желчь на языке, и вижу, что Габриэль пристально и с любопытством смотрит на меня.

Когда я не струсила и не отодвинулась, он провел пальцем по краю моей челюсти.

— Ты вздрогнула. Ты часто вздрагиваешь. Почему? — я не отвечаю. — Почему ты так сильно боишься меня, Амелия? Почему ты отказываешь себе в том, что так очевидно между нами. Ты чувствуешь это. Я знаю, что чувствуешь.

Он наклоняется, его дыхание веером пробегает по моим губам, но я быстро поворачиваю голову, разрывая контакт с его рукой и пресекая любую возможность прикосновения его рта к моему.

Он прижимается лбом к моему виску.

— Ты будешь любить меня, Амелия.

В этих словах не было ни угрозы, ни злобы, ни обмана. Это было обещание, и когда он отстранился и я снова подняла на него глаза, я увидела в них решимость, пылающую, как лесной пожар. Это была клятва.

Он не примет ничего меньше, чем все мое сердце.

И я боялась больше, чем он, что отдать его ему не займет много времени.

Глава 24

Габриэль

Так и происходит.

Она пытается избегать меня.

Пытается.

И не получается.

Каждый вечер мы ужинаем, она садится рядом со мной, мы разговариваем.

Теперь я все чаще замечаю, что она рисует, ее этюдник почти до отказа заполнен красивыми платьями и другими вещами. За последние две недели я много раз заглядывал в него, делая снимки понравившихся работ, чтобы сохранить их.

Как и обещал, я организовал ей занятия, чтобы она могла начать работать над достижением своей цели, но они начнутся в начале следующего семестра, здесь, в доме.

Хотя в городе еще не все было спокойно, и я терял все больше акций и людей в кровавых перестрелках и полуночных ограблениях, после нападения на дом стало потише. Я укрепил территорию, нанял больше людей, установил больше камер, заменил окна в доме на армированные стекла и усилил меры безопасности и блокировки. Амелия не была в

опасности в моем доме, в *нашем* доме.

Моя жена была в безопасности здесь. Со мной.

Даже если она боролась с этим на каждом шагу.

Она не позволяла мне снова приблизиться, не позволяла поцеловать ее, утонуть в ее запахе, но она сломается. Я был терпелив. Я не хотел брать то, что она не готова была отдать.

Но я знал, что это не проблема влечения. Она хотела меня.

Я видел это в каждом украденном взгляде, в каждом едва заметном движении ее тела, начиная с того момента, когда она застала меня в домашнем спортзале, тренирующегося в одних трусах, и тайком любовалась мной, когда думала, что я не вижу. Ее бедра были прижаты друг к другу, и она наблюдала за этим практически до конца.

Она мучила себя.

И если кто и знал, что такое пытка, так это я. Она будет продолжать, она будет держаться за эту упрямую решимость и противостоять смятению внутри себя. Она будет отказывать себе в том, что хочет и в чем нуждается, потому что в ее голове, в этот момент, это было правильно.

Насколько я понял, девушка боролась всю свою жизнь. Она видела больше трудностей, чем многие другие, справлялась с болью, как с валютой, а я все еще разбирался в этом.

Как человек, у которого есть все, я хотел заслужить ее секреты и ее прошлое.

Я откинулся в кресле, поднося бокал с вином к губам.

— Теперь, когда у тебя было время освоиться, жена... — усмехнулся я, когда ее глаза метнулись ко мне при упоминании этого страшного слова. — Как тебе дом?

— Прекрасно, — сплывает она, ее глаза прикованы к тому месту, где бокал соединяется с моим ртом.

— Есть ли какие-нибудь изменения, которые ты бы хотела внести?

— Нет... хотя подожди, — она качает головой. — Вообще-то да.

Я опускаю бокал и кладу руки под подбородок, соединяя пальцы, чтобы подпереть голову, пока я слушаю.

— Продолжай.

— Бассейн.

Я киваю, представляя себе пристройку у задней стенки кухни, ведущую к бассейну, — стеклянную конструкцию с раздвижным потолком, пропускающим солнце или звезды, и видом на океан. Это мое любимое место в доме.

Я давно не плавал, но мне нравилось делать это в детстве и сейчас, вода успокаивала мою душу не меньше, чем шум океана и то, как яростно она разбивается о скалы.

Дверь в столовую открывается, и Ашер врывается внутрь тяжелыми, требовательными шагами. Я поднимаю руку, приказывая ему остановиться и замолчать.

— Габриэль, — начинает он.

— Пока моя жена говорит, ты будешь молчать.

— Нет, — начинает Амелия. — Все в порядке, я просто...

— Это уважение, Амелия. Ты моя жена, и они будут обращаться с тобой также, как со мной.

Я смотрю на Ашера, который открывает рот, чтобы возразить, но быстро закрывает его, стискивая зубы и раздраженно раздувая ноздри.

— Говори, Амелия

Она бросает взгляд на Ашера, но все же продолжает: — У бассейна дверь не запирается.

— И что?

— Линкольн не умеет плавать.

— Мальчик не может дотянуться до ручки, — перебивает Ашер.

Я бросаю на него взгляд.

— Я разберусь с этим.

— Правда?

— Да, — Ашер насмехается. — Какие-то проблемы, брат?

— Нет проблем, *брат*, — он переводит взгляд с меня на девушку. — Но у меня есть дела, которые нужно решить.

— Какие?

— Говорить здесь?

— Ашер, я теряю терпение, — предупреждаю я. — В чем дело?

— Я пойду.

Я дергаюсь, хватаю Амелию за запястье, мягко уговаривая ее остаться.

— Нет, ты останешься, Амелия. *Ты* останешься. Я уйду, но потом вернусь.

— Габриэль, все в порядке, — пытается она. — Я просто пойду.

— Так будет лучше, — говорит Ашер.

Она пытается встать, но я рычу: — Сядь, Амелия.

— Габриэль...

— Я уйду и вернусь.

Я встаю, поворачивая шею из стороны в сторону, чтобы снять напряжение. Оказавшись за дверью, я не теряю ни секунды. Мои пальцы впиваются в воротник Ашера, натягивая его так сильно, что вырез рубашки давит ему на гортань, перекрывая доступ воздуха.

— Ты не уважаешь меня! — я рычу, тон низкий, чтобы Амелия не услышала. — Ты не уважаешь *ее*!

Он задыхается от давления, пытаюсь что-то сказать.

Я резко отпускаю его, отступаю назад, и он, едва удержавшись, делает шаг назад, потирая рукой след на горле.

— Она не заслужила моего уважения.

— Она моя жена!

— Не по своей воле!

Я толкаю его к стене.

— Ты будешь уважать ее, брат, или, блядь, да поможет мне Бог...

Он качает головой.

— Ты все испортишь.

Я кулаком бью его по лицу, рассекая щеку. Они что, блядь, не знают? Они, блядь, не видят, что я отдал за этот чертов город? Ради этой чертовой семьи. Что я сделал!? Из-за меня они сидят в своих больших домах и ездят на своих блестящих машинах. Я — их банковские счета и их власть. Я, блядь, владею всем.

Всеми ими.

Ашер сплевывает кровь на плитку рядом с нашими ногам.

— На казино было совершено нападение, — рычит Ашер. — Двое убиты, пятеро ранены. Похоже на неудачную авантюру. Я подумал, что ты должен знать.

— Тогда, блядь, разберись с этим, Ашер, или позови Атласа.

Я тряхнул его за плечо, прежде чем отпустить. Это был не первый раз, когда в казино происходило что-то неладное. Это был рай для драки и преступлений. Мне не нужно было вмешиваться.

— Они были в масках, — огрызнулся Ашер. — У меня есть запись голоса, который сохранил швейцар, который, кстати, мертв. Вот.

Я замираю, слушая.

Раздается шорох одежды, затем пауза, после которой пространство заполняется помехами.

— Ты слушаешь, Габриэль? — говорит голос, приглушенный и статичный. — Я приду за твоим городом. За твоим тронem. По кусочку за раз, — далее к звукам присоединяется крик, сопровождаемый разрыванием плоти. — Я заберу все. Твой город. Твою власть. Твою милую жену, — голос смеется. — Ты не заслуживаешь того места, на котором сидишь. Мы только начинаем. А что касается тебя, то скоро ты воссоединишься со своим любимым братом. До скорой встречи, Габриэль.

Кровь стынет в моих венах. Голос был низким, намеренно таким, но глубоким. Что-то в затылке сверкнуло от знакомости, но из-за помех и нарочитого понижения тона я не смог определить, что именно.

— Что-нибудь еще? — процедил я.

— Этого недостаточно? — Ашер спрашивает. — Твой город атакуют, а ты здесь играешь в чаепитие с женщиной, которой ты не нужен.

— Мне достаточно твоего неуважения на один вечер, Ашер, я смирился с этим, потому что мы с тобой одной крови, но еще один шаг за черту, и я буду обращаться с тобой также, как со всеми остальными.

Я чувствую его взгляд на своей спине, но я уйду от этих слов и ненависти, которую я чувствую, излучая от него. Отношения между близнецами и мной, близнецами и всеми, кто имел с ними одну кровь, были шаткими.

Но они были семьей, они были моими братьями. Между нами часто случались неприятности, но Сэйнты ценили близких превыше всего.

Их учили этому та же, как и меня в детстве.

Когда я вернулся, Амелия стояла за своим стулом, зажав ноготь большого пальца между зубами.

— Я не хочу мешать, Габриэль, я уверена, что ты занят.

Я мог сказать, что часть ее была искренней в этом заявлении, что она не хотела отнимать мое время, но большая часть ее видела в этом оправдание, чтобы сбежать от меня.

— *Hai il mio tempo, leonessa, sempre* (прим. пер. — У тебя всегда есть мое время, львица).

— Что?

— Сядь.

— Габриэль...

— Я. Сказал. Сидеть.

Она повинуется, тяжело опускаясь на стул.

— Ты не можешь просто так говорить мне, что делать.

— Твое послушание говорит об обратном.

— Я не чертова собака, и я не потерплю, чтобы со мной так обращались.

— Если бы ты перестала так сильно сопротивляться, возможно, я бы прекратил

приказывать.

— Я не обязана терпеть твоё дерьмо. Босс ты или нет, я тебе не принадлежу.

Когда она поднимается и поворачивается, чтобы уйти, я хватаю её за запястье и сильно дергаю. Она оборачивается так, что её руки оказываются на моей груди, пытаюсь удержаться, но слишком поздно, так как её тело уже падает, и она полностью прижимается ко мне. Я быстро двигаюсь, чтобы остановить её бегство, прижимаю её руками и спиной к столу.

Дыхание вырывается из её груди, глаза расширяются, губы приоткрываются.

— Что ты делаешь!?

— Перестань бороться со мной.

Её глаза мечутся между моими со смесью ужаса и желания, я вижу это по румянцу на её щеках, по щелчку языка о нижнюю губу и по тому, как, пусть и неосознанно, она раздвинула бедра и прижалась своей сладкой киской прямо к моему твердеющему члену.

Я чувствую её тепло через тонкие леггинсы, которые она носит, чувствую его, как клеймо на своей коже.

Я хотел её. Этого нельзя было отрицать.

Я хотел зарыться в её киску и почувствовать, как она сжимает меня, как её ногти царапают мою кожу, а зубы кусают. Я хотел её стонов и криков, её вздохов и мольбы.

Я наклоняю голову и целую, рыча от удовольствия, когда её губы раздвигаются, чтобы впустить меня дальше. Её язык встречает мой, а её пальцы впиваются в мою рубашку, прижимая меня ближе.

— Магия, — прошептал я ей в губы. — Чудеса.

— Габриэль, — вздохнула она, нежно прижимаясь своим ртом к моему.

— Вместе мы можем творить чудеса, Амелия.

Она хнычет.

— Я не могу.

— Ты въедливая, упрямая, красивая женщина, — шепчу я ей в рот, облизывая нижнюю губу. — *Leonessa mia. Mondo mia* (прим. пер. — *Моя львица. Мой мир*).

Она целует меня снова, слаще, мягче, прощально...

— Отдайся мне, Амелия, — шепчу я. — Позволь мне обладать тобой.

— Но я... — вздыхает она. — Я — это все, что у меня есть.

Я не останавливаю её, когда она пытается уйти, и ещё долго после того, как дверь захлопнулась, я стою там, шепот её прикосновений, её поцелуи на моей коже и гулкие слова Ашера заполняют мою голову.

Глава 25

Амелия

Мои беспокойные ноги несут меня по темному коридору к единственному свету, пронзающему темноту притихшего дома. Я не питала иллюзий, что я одна, но я не видела их, и никто не остановил меня. Ни охранник, стоявший у входа в комнату, ни вид незнакомого лица, вызвавший во мне прилив неожиданной печали при воспоминании о смерти Нейта и выздоровлении Кольта в городской больнице.

Я знала, что охранник останется возле моей двери, пока Линкольн по-прежнему будет спать по другую сторону стены.

Я не могу сказать, что заставило меня соскользнуть с кровати, когда луна была высоко над спокойным океаном за окнами. Я схватила радио няню, которую теперь сжимала в вспотевших ладонях, и направилась туда.

Навстречу свету в конце коридора и нарастающему звуку воды, льющейся из душа.

Поцелуй Габриэля во время ужина все еще грел мои губы, я чувствовала его твердость между ног и его мольбу, чтобы я отдалась ему. Слова эхом отдавались в моей голове.

Но я — это все, что у меня есть.

И эти слова были правдой.

А может быть, это были воспоминания о прошлом, о детстве, о том, как я хотела что-то и не получала, как ложилась спать голодной и как меня оставляли в школе, потому что я была не такой, как все. Возможно, сейчас мной управляла одинокая девочка, та самая, которая так хотела что-то почувствовать. Быть желанной. Нужной.

Чувствовать прикосновение руки, потому что я сама позволила, а не потому, что кто-то заставил. Почувствовать ласку, а не шлепок. Я хотела, чтобы у меня перехватило дыхание от страстного поцелуя, а не от того, что мою голову держали под грязной водой давно забытого на заднем дворе бассейна.

Все эти воспоминания можно было вытеснить новыми. Теми, где кто-то хотел меня, нуждался во мне, *жаждал* меня.

Я могла отдаться им и забыть обо всем.

Так что, возможно, именно это заставило меня исследовать то, чего я давно хотела и в чем себе отказывала.

Дверь в ванную приоткрыта, из щели льется теплый свет, вода журчит, но я не слышу Габриэля, пока протяжный стон не вызывает восхитительную эротическую дрожь по позвоночнику.

Этот звук, глубокое рычание удовольствия, был безошибочным, но навязчивые мысли заставляют мою руку замереть, прежде чем я успеваю заглянуть. Что, если это была другая женщина? Есть ли у Габриэля любовница?

Мы были женаты, но я ясно дала понять, что мне ничего от него не нужно, так что я не могу его винить, не так ли?

Эта мысль не помогает: в животе сжимается кислый клубок ревности.

Непрощенные образы Габриэля, сплетенного с красивой женщиной, вторглись в мое сознание. Его рот, который целовал со страстью и мастерством, который касался так, что дразнил, но никогда не давал, касался кого-то другого. Я не сомневалась, что он искусный любовник, и от одной мысли о том, что он может подарить это кому-то, кто не я, у меня закрипели зубы.

Тихонько выдохнув, я толкнула дверь, совсем чуть-чуть, достаточно, чтобы увидеть насквозь душевую кабинку со стеклянной дверью.

Мне просто нужно было знать.

Ведь это облегчило бы мне жизнь, верно? Если бы у Габриэля была кто-то еще, я бы смогла забыть эту чертову боль, которую он оставил во мне после того поцелуя в спальне несколько недель назад.

Но в душе с ним не было никакой женщины.

Там был только Габриэль, каждый его великолепный, обнаженный дюйм.

У меня пересохло во рту при виде такого сильного мужчины: спина выгнута вперед, одна рука опирается на кафель ванной, другая обхватывает...

Черт возьми.

Я сглатываю от размера его члена, твердого и длинного в его кулаке, который он грубо подергивает, наблюдая за происходящим. Его мускулы напрягаются, когда он трахает себя.

Темные волосы, слипшиеся, спадают на лоб, капельки воды скапливаются в уголках рта.

Он издает еще один протяжный стон, пальцы руки, упирающейся в кафель, скрючиваются, словно пытаюсь вцепиться в стену, а удовольствие, которое он доставляет себе, напрягает все его мышцы.

Блядь.

Блядь.

Дыхание хаотично вырывается из груди, между ног собирается влага, киска пульсирует от желания.

Он замедляет свои движения, почти нежно поглаживая вены по всей длине своего ствола, а затем проводит большим пальцем по набухшей головке. У него был самый красивый член, который я, кажется, когда-либо видела.

Я не заметила, как начала двигаться вперед, пока не наткнулась бедром на дверь, заставив ее качнуться и удариться о стену.

Голова Габриэля метнулась ко мне.

Я замираю.

Его рука продолжает двигаться медленными движениями, а глаза опускаются вниз по моему телу, осматривающие тонкую рубашку с длинными рукавами, обтягивающую мою грудь и обнажающую затвердевшие соски, вплоть до маленьких шортиков, в которые я была одета. Этот взгляд пронизывает меня до костей, и боль между бедер становится сильнее, требовательнее.

— Амелия, — прорычал он мое имя, его голос огрубел от удовольствия и одышки. — Амелия.

Я не горжусь тем, что в этот момент я немного хныкала. Я не гордилась тем, как явно сжимаю бедра и извиваюсь, чтобы слегка надавить на клитор. Я была так чертовски возбуждена, что боялась, что один только вид его сейчас приведет меня к оргазму.

Его рот приоткрывается со знающей ухмылкой. Я должна уйти. Мне должно быть стыдно за то, что я очень явно подглядывала за мужчиной, пока он делал себе приятно в душе, но я этого не делаю, я хочу прикоснуться к себе. Я хочу смотреть, как он трахает себя, пока я успокаиваю боль между ног.

— Ты можешь, — хрипит он, поворачиваясь, чтобы показать мне больше. — Прикоснись к себе, Амелия.

С моих губ срывается задыхающийся звук, и я поднимаю руку, скользя ею по мягкому бугорку живота к тому месту, где на бедрах сидят шорты. Он следит за этим движением, как хищник за добычей, его губы зажаты между зубами.

— Вот так, — хвалит он, когда моя рука опускается под резинку, и от первого прикосновения пальцев к чувствительному бутону у меня дрожат ноги. Я протягиваю свободную руку, чтобы устоять на ногах, отбрасываю радионяню в сторону и снова поднимаю на него глаза.

— Трахни себя, — мягко приказывает он. — Трахни себя, глядя на меня. Представь, что я хочу сделать с тобой, как я хочу заставить тебя кричать. Ты ведь будешь кричать, не так ли, *leonessa*?

Я обвожу свой клитор кончиками пальцев, уже чувствуя, как напрягаюсь, готовясь к кульминации.

— Ах ты, грязная девчонка, — рычит он. — Ты ведь сейчас кончишь, правда?

Уже.

Он резко дергает член, затем отпускает его и нажимает рукой на кнопку душа, выключая воду. А потом ко мне приближается мощный мужчина с кожей, излучающей жар от душа, и потемневшими от вожделения глазами.

— Скажи, что я могу это сделать, — он просит. — Мне нужно услышать твое “да”.

Он прижимает меня к туалетному столику, зеркало находится у меня за спиной.

Его влажный, твердый член упирается мне в низ живота, зажав мою руку между нами, которая по-прежнему прижимается к моей киске. Пот выступил на моей коже, прилипая к телу, и я чувствовала, как по внутренним сторонам бедер просачивается влага от моего возбуждения.

— Да.

Он простонал, опускаясь лицом к моей шее и сильнее вжимаясь в нее.

— Блядь, Амелия. Блядь.

— Я просто...

Мои слова обрываются, когда его зубы впиваются в мою шею, не сильно, но достаточно, чтобы почувствовать укус на моей коже, который вызывает небольшое количество влаги, делая мокрыми мои пальцы.

Он крутит бедрами, сильнее вдавливая в меня свой член, а его руки скользят вверх по моей талии и обхватывают обе груди, перекатывая соски под большими пальцами.

Я вскрикиваю.

С его волос капала вода, но мне нужно было больше. Я вытаскиваю руку из шорт и провожу пальцами по нижней стороне его огромного члена, чувствуя, как он дергается в руках.

— *Dio* (прим. пер. — *Господи*), — прохрипел он. — *Cazzo* (прим. пер. — *Черт*), Амелия.

Он внезапно целует меня, просовывает язык сквозь мои губы и толкает меня назад, пока мне не остается ничего другого, как рывком облокотиться на руки, чтобы удержаться. Он обхватывает мое лицо, удерживая меня, наклоняя его, чтобы войти глубже, сильнее. Зубы и язык, покусывание и облизывание.

Он рычит в знак одобрения, и когда он отстраняется, я, затаив дыхание, тянусь к нему.

Его руки тянутся к поясу моих шорт, приподнимая мою задницу, пока он не разрывает материал голыми руками, прямо посередине, обнажая мою плоть. Я не могу произнести ни слова, когда его руки проникают под мои бедра, и он наклоняется, зарываясь лицом в мою киску.

Я ударяюсь спиной о зеркало, а он проводит языком по моему входу, раз, два, а затем скользит вверх и засасывает мой клитор.

Мои пальцы вцепились в его волосы, ногти царапали его кожу головы.

Я была слишком возбуждена, слишком близко, и когда он проводит языком по моей щели, прижимая меня к себе, я не могу остановить оргазм, который опустошает меня.

Я больно вцепилась в его волосы, покачивая бедрами на волне своей кульминации, прижимаясь к его лицу, пока он продолжает, и один оргазм переходит в два, которые он вырывает из меня, упиваясь каждым из них.

— Габриэль! — кричу я.

Он что-то ворчит мне в ответ, пальцы впиваются в верхнюю часть моих бедер, а затем, когда я перестаю пульсировать и сжиматься в его руках, он лижет меня вверх-вниз, заставляя дергаться, лаская языком все чувствительные нервы.

Он поднимает свое лицо к моему, его ореховые глаза горят огнем, а рот покрыт моим

возбуждением.

— Ты на вкус именно такая, как я себе представлял, — его голос густой, акцент более выраженный и грубый.

— Как что? — вздохнула, успокаиваясь.

— *Il mia*, — он целует внутреннюю сторону моего бедра. — *Как будто ты моя.*

Глава 26

Габриэль

Мой город рушился. Мои люди умирали. В моих стенах завелся предатель, но сейчас ничто не имело значения.

Ни кровь, ни смерть, ни угрозы, ни война. Только это. Только она.

Я скольжу по ее телу, не вытирая ее возбуждение с подбородка и губ, чтобы она могла почувствовать, как сильно она принадлежит мне. Черт.

Увидев ее в дверном проеме, с приоткрытыми губами, грудью, вздымающейся от тяжелого дыхания, я чуть не кончил на месте. А когда я увидел эти затвердевшие соски и дрожащие бедра, я понял, что она нужна мне немедленно.

Больше никаких игр. Никаких дразнилок.

Она отдавалась мне.

Ее “да” — это все, что мне было нужно.

Я хотел, чтобы ее киска была на моем языке с того самого момента, как мы сказали друг другу “да” на свадьбе.

Она целует меня так же жадно, как я целую ее, ее желание еще не удовлетворено. Хорошо.

Я буду продолжать ее мучать, я буду заставлять ее умолять.

Я поднимаю ее с прилавка, обхватив руками ее попку, когда она обвила ногами мою талию. Мой член находится в опасной близости ее жара, но я не хочу брать ее здесь. В первую ночь я хотел, чтобы она лежала в моей постели, выгнувшись и выставив попку вверх, но после этого я буду брать ее везде, где только смогу.

Она неожиданно тянется назад, когда я собираюсь уходить, и хватает маленькую штучку, которую она ранее уронила. Быстрый взгляд говорит мне, что это радионяня для Линкольна.

Я знал, что мои люди покинут это место, как только увидят, что она идет ко мне, поэтому я не беспокоился о том, что ее стоны кто-нибудь услышит. Я распахиваю дверь, ее рот на моем, ее грудь, все еще прикрыта этим проклятым материалом, прижата к моей.

Голая. Она нужна была мне полностью обнаженной.

Я хотел видеть ее всю.

В комнате было темно, но когда я хотел включить свет, она оторвала свой рот от моего, говоря: — Никакого света.

Я замер.

— Что?

— Не надо света, пожалуйста.

— Амелия, я только что отлизал тебе, а ты что? Стесняешься?

— Пожалуйста, — она крутит бедрами и целует меня, но голос ее дрожит, мольба отчаянная, и я подчиняюсь, оставляя свет выключенным.

Комната была освещена лишь лунным светом, который проникал через окно слева от кровати, серебристо освещая простыни, но он никогда не был достаточно ярким, чтобы я мог

видеть ее всю.

Разочарование сидело у меня на языке, пока ее сладкий вкус снова не ворвался в мой рот, а руки не запустились в мои волосы. Я несу ее к кровати, наклоняясь, чтобы она упала спиной на матрас.

— Ты нужен мне, — шепчет она, прижимаясь к моим плечам.

Я застонал от этих слов. Как долго я ждал, чтобы она их произнесла. Опираясь на локти, я целую ее, потом щеку, челюсть, провожу зубами по горлу, опускаясь вниз, пока она не поднимает руки, останавливая.

— Что случилось?

— Ничего, Габриэль, ничего, — тихо сказала она мне, но я знал, что что-то есть, и она это скрывает. — Пожалуйста.

— Ты умоляешь меня, — шепчу я, проводя руками вниз по ее животу, а затем обратно вверх, проводя пальцами под ее грудью. Я хотел видеть ее, видеть ее тело и ее лицо, видеть, как оно будет извиваться от удовольствия.

— Да, — шипит она сквозь зубы, когда я беру сосок между пальцами, перекатывая напрягшуюся вершину.

— Ты так долго боролась, *leonessa*, — я наклоняюсь и беру тот же сосок между зубами. — Но теперь ты моя.

— Габриэль, — задыхается она, раздвигая ноги, когда я устраиваюсь между ними, и головка моего ноющего члена проникает в нее. — Черт, какой же ты огромный.

— Ты возьмешь меня, *leonessa*, — я лизнул ее грудь. — Ты сможешь это выдержать.

— Блядь, — хрипит она.

— Ты уверена? — спрашиваю я, не в силах забыть о ее тайне. — Когда ты окончательно станешь моей, я тебя не отдам. Одного раза будет недостаточно. Я буду трахать тебя, я буду требовать тебя, и ты будешь моей, хорошо?

Я должен был быть убедиться, что ее нежелание включать свет и ее скованность не связаны с тем, что она больше не хочет этого. Я бы ушел. Я бы чертовски ненавидел это, но я бы остановился.

— Я уверена, — хотя я не могу видеть ясно, я знаю, что она смотрит на меня сверху, распластанная и открытая для меня. — Я уверена, Габриэль.

— Я не отпущу тебя, — напоминаю я ей. — Ты моя.

— Хорошо, — вздохнула она. — Я твоя. Твоя жена.

— *Cazzo* (прим. пер. — Черт), — простонал я. Блядь. — *Moglie mia* (прим. пер. — Моя жена).

Я не знал, говорила она это потому, что думала, что я хочу это услышать, или потому, что она имела это ввиду. Блядь, я хотел ее всю, хотел поглотить ее.

Я вошел в нее, не торопясь, растягивая, ее влажность помогла мне легко войти в нее.

— Хорошо?

Она хватает меня за затылок и впивается в меня поцелуем, обхватывая меня ногами так, что пятки ее ног упрутся мне в задницу.

Я пытаюсь запомнить ее вкус на своем языке, запомнить момент, когда она становится моей, блядь, полностью. Сначала я вхожу в нее медленно, осторожно, заполняя ее, используя свою тазовую кость, чтобы добавить немного трения к ее сверхчувствительному клитору. Она была такой мокрой для меня, что капала на мой член и яйца, намочив простыни под своей задницей.

— Ты ведь так хотела меня, да? — шепчу я ей в губы. — Ты такая охуенно мокрая, Амелия. Ты не можешь больше мне отказывать. Ты создана для меня.

— *Пожалуйста*, — умоляет она.

— Ммм, — я вгоняю в нее член все сильнее. — Слышать, как ты умоляешь меня, жена, — это самая приятная музыка.

— О Боже, — дышит она.

Остановившись, я опускаюсь ниже, пока мой рот не оказывается у ее уха.

— *Marito* (*прим. пер. — муж*), муж, Габриэль. Выбери что-то одно, Амелия. Здесь я, а не Бог. Твой муж.

И с этими словами я резко переворачиваю ее, хватаю за бедра и поднимаю ее задницу вверх и назад, прежде чем насадить ее на свой член. Она громко и протяжно кричит, но я не останавливаюсь, я вхожу в нее, трахая ее жестко, с громким шлепком нашей кожи. Мои руки охватывают ее талию, притягивая ее к себе, позволяя ее тугой киске двигаться вверх и вниз по моему стволу.

— Блядь, Габриэль, да!

— Вот так, *leonessa*, кричи для меня.

— Я сейчас кончу, — кричит она. — Черт, я не могу.

Она корчится подо мной, но я не позволяю ей вырваться, вместо этого я закрепляю одну ногу на кровати и сильно вхожу в нее, ударяя в это сладкое маленькое местечко внутри, и тянусь вокруг, чтобы обвести пальцами ее набухший клитор.

— Да, да, да, — повторяет она.

— Кончи на мой член, Амелия. Дай мне почувствовать, как эта тугая киска хочет меня.

Она громко стонет, царапая ногтями простыни, а затем она кончает, сильно и неистово, ее кульминация смачивает мой член и пах, капая на мои бедра, пока я пробиваюсь сквозь нее.

Я собирался кончить, и, хотя я знал, что она принимает противозачаточные средства, я не хотел делать это без ее разрешения.

Я накачивал себя, чувствуя, как после оргазма спазмируются ее внутренние стенки, и ждал до последней минуты, прежде чем резко вырваться и кончить ей на спину, горячие струи ударили по ее коже, когда я зарычал.

Она безвольно опускается на матрас, и я с трудом удерживаюсь на ногах, держась одной рукой за кровать, а другой — за член, выпуская последние капли оргазма.

Затаив дыхание, я выпрямляюсь и тянусь вперед, размазывая по ее коже свою кончу.

— Габриэль, — пытается она.

— Шшш, — приказываю я, втирая это в ее кожу, словно лосьон. Я чувствую бугорки, похожие на шрамы на ее плоти. Растяжки, я думаю, от беременности, и прилагаю больше усилий, массируя ее кожу и используя свой оргазм как масло.

— Габриэль, — снова говорит она.

Я опускаюсь на нее и обхватываю рукой ее горло, оттягивая ее голову назад. Она задыхается, и я кладу пальцы ей на язык.

— Оближи их, Амелия, попробуй, что ты делаешь со мной.

Она обхватывает их губами и сосет, а я опускаю голову и вздыхаю.

— Я еще не закончил с тобой, жена, — шепчу я обещание ей в волосы. — Отнюдь нет.

Глава 27

Габриэль

Я трахаю ее до тех пор, пока солнце не зайдет за горизонт и не зальет ярким оранжевым светом волны за скалами, я трахаю ее до тех пор, пока мы оба не замираем и не задыхаемся, пот и сперма делают нашу кожу липкой и влажной. Она лежит рядом со мной и молчит, ее грудь неуклонно опускается после того, как она просто потеряла сознание от усталости, не в силах пошевелиться даже для того, чтобы принять душ. Я знал, что она еще пожалеет об этом, поэтому осторожно разбудил ее, запроваля за ухо все еще влажные от пота волосы.

На ее коже появился красивый румянец, пока она по шее утопала в простынях. Я начинаю стягивать их с нее, желая прикоснуться, почувствовать, но она внезапно просыпается и хватается за материал, расширенными глазами глядя на меня со смесью шока и ужаса.

— Что ты делаешь? — она хрипит, ее голос болит от криков и неровный после сна.

— Амелия?

Она качает головой.

— Нет, ты не можешь.

Я вскидываю брови.

— О чем ты говоришь?

— Ты не можешь меня увидеть! — она вскрикнула.

Исчезла женщина, наполненная желанием, и вместо нее появилась та, в глазах которой было слишком много страха. Костяшки пальцев побелели от хватки, которой она вцепилась в простыни, укрывающей ее полностью.

Я поднимаю руки вверх, смущенный.

— Хорошо. Хорошо, успокойся.

Она сглатывает.

Медленно, чтобы не спугнуть ее, я поднимаюсь с кровати и иду к своим ящикам, доставая оттуда рубашку с длинными рукавами и протягиваю ей.

Она осторожно берет ее и смотрит в ожидании.

— Ты хочешь, чтобы я повернулся?

Она кивает.

Я только что трахал эту женщину шестью разными способами, но поворачиваюсь, давая ей пространство. Я слышу шорох постельного белья и одежды, прежде чем она говорит.

— Хорошо.

Я поворачиваюсь и вижу, что она сидит, простыни лежат у нее на коленях, а ноготь большого пальца зажат между зубами.

— Мне очень жаль.

Я смягчаю вздох, пересекая пространство. Она не запрещает мне сесть рядом с ней или потянуться вперед, чтобы провести рукой по ее щеке. Она обнимает меня, закрывая глаза.

— Я просто хотел разбудить тебя, чтобы ты приняла душ, прежде чем мы уснем. Нам нужно помыть тебя.

— Я не могу уснуть, — она открывает глаза, поворачивает лицо к моей руке и целует мою ладонь, от этого движения у меня защемило сердце. — Мне нужно вернуться к Линкольну. Я приму душ в своей комнате.

— Тебе нечего стыдиться передо мной, Амелия, — я провожу большим пальцем по ее губам. — Ты прекрасна.

Она отстраняется.

— Я в порядке, я просто пойду.
— Амелия.
— Я в порядке, Габриэль.
— Почему ты прячешься от меня?
— Я не прячусь! — она огрызается.

Она закрывается от меня, но я стараюсь не давать.

Я снимаю напряжение в тренажерном зале, пока Атлас не сообщает мне, что сегодня утром они поймали двух мужчин, пробирающихся через пристань, в фирменных черных костюмах и масках тех, кто напал на мой город в последние несколько недель.

Инцидент в казино все еще был в моей памяти, сообщение и знакомый голос были на первом плане.

Я натягиваю на голову футболку и спускаюсь за братом в подвал, где нахожу их подвешенными, а кровь моих предыдущих пленников все еще пачкает пол.

Энцо сегодня не было, но это не страшно. У меня были другие методы.

— Привет, мальчики, — улыбнулся я.

Маски были сняты, и я увидел лица двух своих людей. Недавно принятых и молодых.

Атлас стоит у меня за спиной, сложив руки. Они смотрят на него с мольбой.

Интересно.

В моей голове начали зарождаться подозрения, но я был лидером и не стал бы слепо обвинять без доказательств и свидетелей.

Я бы брал пленных, ожидая, что один из них заговорит, И хотя я вырос в семье с собственными правилами, некоторые люди не воспринимали их всерьез.

Близнецы вполне могут быть теми самыми людьми, которые делают из меня врага. И если бы это было так, я бы их убил, братья они или нет.

— Я понимаю, вы молоды, вы новички, может быть, вы еще не до конца все поняли, — я сажусь на стул, опираясь лодыжкой на колено. — Но вы же знаете, что я делаю с предателями?

— Да пошел ты.

— Я могу тебе пообещать, что с кем бы ты ни работал, они ничто по сравнению со мной.

Тот, что слева, переводит взгляд на Атласа, потом на меня.

— Мы ни с кем не работаем.

Я улыбаюсь.

— Ты думаешь, что я дурак?

Они молчат. Я наклоняюсь к столу и беру со столешницы маленький нож, надавливая самым кончиком на палец, но не настолько сильно, чтобы прорвать кожу.

— Я предлагаю вам сделку, — говорю я им. — Вы назовете мне имя, и я оставлю одного из вас в живых.

— Я не крыса, — огрызается тот, что слева, и сплевывает.

Не дав ему возможности сказать что-либо еще, я бросаюсь вперед и всаживаю нож ему в горло. Его глаза расширяются, и кровь заливает мою руку, пока я держу нож, вдавливая в него. Тот, кто висит рядом с ним, кричит, бьется об ограничители, удерживающие его в подвешенном состоянии.

Я наслаждаюсь тем, как жизнь уходит из глаз предателя, и только когда его голова запрокидывается вперед, а грудь замирает, я выдергиваю нож из его горла и медленно делаю шаг в сторону, становясь прямо перед другим.

Его лицо бледно, глаза расширены, и он пытается скрыть свой страх за рычанием, но это так же плохо, как и его игра в крутого парня.

— Открой рот, — приказываю я.

— Пошел ты!

Это была его ошибка. Я засовываю внутрь нож, прижимая лезвие к его языку и даю ему почувствовать вкус крови его друга.

Я делаю это осторожно, чтобы случайно не отрезать ему язык, мне нужно, чтобы он заговорил, в конце концов. Он кричит, сопротивляясь лезвию, а когда я выдергиваю его, то парня рвет на пол: кровь, слюна и содержимое его желудка брызгами падают на бетон.

— Мне кажется, тебе не понравился вкус, — говорю я ему, перешагивая через беспорядок к его мертвому другу. — Атлас, сделай одолжение, поверни его голову в мою сторону.

Атлас молча подходит и поворачивает лицо парня в мою сторону, заставляя его смотреть, как я медленно ввожу лезвие в горло мертвеца, все еще истекающего кровью. Звук хлюпающей плоти и мышц смешивается с его рвотными позывами и хныканьем.

— Дело в том, — бесстрастно говорю я, покачивая лезвием и покрывая им сталь. — Что мы, люди, считаем себя несокрушимыми. Мол с нами ничего не может случиться, но видишь, какая мягкая эта плоть? Видишь, как легко ее разрезать глубоко и ровно?

Я слышу, как он бьется, вырываясь из рук Атласа.

Я достаю нож и поворачиваюсь, обнаружив, что Атлас уже держит рот парня открытым. Я медленно ввожу нож внутрь, давая ему почувствовать вкус, ощутить, как кровь покрывает его язык. Даю ему понять, что происходит с теми, кто идет против гребаных Сэинтов. Мы — короли, которые сидят на троне, семья, которая правит, и те, кто против нас, будут страдать.

Вот только я не знал, что он действительно захочет умереть. Никто не хочет. Это неизбежно, и как раньше, когда мы считали себя несокрушимыми, мы пытались избежать смерти, делая вид, что конец не наступит для всех нас. Поэтому я не ожидаю, что он приложит все свои силы, чтобы оттолкнуться от Атласа и всадить нож в горло.

Я не успеваю вытащить его, и лезвие протыкает горло.

Он булькает и захлебывается, изо рта льется кровь.

— Нет! *Cazzo (прим. пер. — Черт)*! — кричу я, потянувшись к веревкам. — Позовите Девона!

Атлас выбегает из комнаты, когда я дергаю парня и укладываю его на пол, но я не знаю, что делать, а мне нужна была эта гребаная информация! Черт.

— *Merda (прим. пер. — Дерьмо)*!

Кровь свободно льется, заливая парня. Она течет из его рта, по щекам, но глаза, они улыбаются, как будто он победил.

— *Stonzo (прим. пер. — Мудак)*! — кричу я.

Девон прибегает вместе с Атласом, бросает взгляд на мужчину и насмехается.

— Он мертв.

— Тогда, блядь, спаси его! Мне нужно имя!

— Он разорвал дыхательные пути, я не могу это исправить.

В ярости я бросаюсь на тело. Я бью кулаком в лицо парня, один удар, второй, превращая

его в окровавленное месиво. Мужчины просто стоят и смотрят, как я реву от злости, а потом пинаю тело и выбегаю из подвала. Я не стал отмываться от крови и снова отправился в спортзал. Мой кулак летит в грушу, кровь размазывается по материалу, а по костяшкам пальцев пробегает боль. Я разбил их о его лицо, а удар еще больше разорвал раны.

Я позволил боли и злости поглотить меня, позволил ей взорваться.

С каждым ударом костяшки пальцев все больше болели, кровь ручьями стекала по рукам и ладоням, падала на деревянный пол и размазывалась по подошвам моих ботинок.

— Габриэль?

Я замираю от ее голоса, прежде чем обратить гнев на нее.

— Амелия, — я бросаюсь к ней, и ее лицо искажается от страха, когда она видит кровь, беспорядок на моих руках и, вероятно, на лице, поэтому отшатывается назад. — О, все еще боишься меня, да? — я смеюсь без юмора. — Жаль, что ты не показывала этого, когда я трахал тебя прошлой ночью.

Она хмурит брови.

— Что случилось?

— Хочешь знать, Амелия? — я останавливаюсь в дюйме от нее, дышу тяжело и громко, достаточно, чтобы пошевелить пряди волос, обрамляющие ее лицо. — Я только что убил человека и заставил его друга выпить его кровь, — она сглатывает, глаза расширяются. — Я взял нож и вонзил его в горло.

— О Боже!

— Моей красивой жене это не нравится? — я рычу. — Ты опять собираешься бежать? Убегать от всего этого, как ты и умеешь, — ее ноздри раздуваются. — Ну же, Амелия, разозлись. Покажи мне эту гребаную *leonessa* в себе.

— Пошел ты, Габриэль.

— Я бы не отказался трахнуть тебя прямо сейчас. Вонзиться прямо в твою тугую киску. Ты ведь не будешь сопротивляться, тебе же так этого хочется. Ты притворяешься, что ты охуенно сильная. Заботливая мать, готовая на все ради своего сына, но ты отчаянно жаждешь моего внимания, даже если сама, блядь, в это не веришь. Я это вижу, — я прижимаюсь к ней, сталкивая наши груди. — Так давай трахаться, Амелия, давай дадим тебе то внимание, которого ты так жаждешь.

Она бьет меня.

Сильно. Моя щека горит от боли, а голова поворачивается в сторону. Кровь струйкой стекает на язык из того места, где зубы разрезали щеку.

Но этого достаточно. Не настолько, чтобы ярость отступила, а рациональное мышление вернулось на место. Но этого достаточно, чтобы распознать боль на ее лице, а не страх.

— Амелия, — начинаю я.

— Пошел ты. *Пошел ты*, Габриэль Сэнт. Иди к черту! — она отталкивается от меня и выбегает из комнаты.

— Амелия! — я с ревом бросаюсь за ней. — Амелия, подожди!

Она останавливается у подножия лестницы и поворачивается ко мне.

— Ты никогда больше не прикоснешься ко мне, Габриэль. *Никогда*. Я ненавижу тебя.

— Амелия, мне жаль...

— Жаль? *Тебе* жаль? — она смеется. — Мне тоже, Габриэль. Мне тоже жаль, что я позволила себе думать о том, что ты можешь быть больше, чем монстр, которым ты и оказался. Ты можешь получить мою свободу. Мою жизнь. Но я? Меня ты не получишь.

Я разрешил ей уйти и опустил голову, закрыв глаза от тяжелого груза разочарования, свалившегося на мою грудь.

Все катилось к чертям. Весь мой гребанный мир рушился у меня под ногами.

Это было саморазрушение.

Я сгорал изнутри, вместе с ней, этим городом и моим мертвым братом...

Глава 28

Амелия

Когда я училась в третьем или четвертом классе, моя учительница сказала то, что я помнила до сих пор. Это было адресовано не мне, а всему классу после того, как несколько ребят были пойманы за оскорблениями в адрес друг друга, причем каждое из них становилось все более неприятным, пока один из ребят не расстроился настолько, что его родителей вызвали в школу.

Мы все это понимаем, не так ли? Дети могут быть жестокими. Школа сурова, но, наверное, в какой-то мере она готовит вас к реальности, которая вскоре ударит вас по лицу. Есть такая большая мечта, что когда мы вырастаем, наша жизнь волшебным образом станет лучше, у нас появится свобода и независимость, стойкость и эти большие, мать их, мечты. Ничто не может повлиять на нас так, как это было в детстве.

Но это было не так.

Во взрослой жизни все становилось только хуже.

Но она говорила с классом, объясняя то, что, как мы думали, исчезнет, когда мы вырастем.

Слова имеют такую же силу воздействия на человека, как и поступки. Они режут также глубоко и в два раза сильнее. Физическая травма ранит плоть, а слова — душу.

На этом моменте речи я отключилась, потому что в школе со мной никто не разговаривал. Я всегда была изгоем из-за своего положения и даже не считалась достаточно достойной для того, чтобы меня задирали. Наверное, в конце концов, мне больше нечего было терять, и они не могли на меня повлиять.

До сих пор я не понимала, что сохранила в памяти этот разговор. Но сейчас я была тем ребенком и тем взрослым, который верил, что моя жизнь лучше. Я верила, что я сильная и выносливая, свободная и независимая, но это было не так.

И только Габриэль вбил мне это в голову, чтобы я поняла.

Мне настолько не хватало внимания, что я пошла к человеку, который похитил меня, а потом заставил выйти за него замуж, и почему? Потому что он проявил ко мне внимание, которого не было ни у кого другого?

У меня были мужчины, я спала с его братом, но никто не был так внимателен, как он сам.

А его слова, они резали до глубины души.

Давай дадим тебе то внимание, которого ты так жаждешь.

Я не стала плакать. Мне и так хватало этого, но после прошлой ночи я думала, что все будет по-другому. Я дала ему то, что он хотел, а он швырнул это мне в лицо, как корку на бутерброде, который Линкольн не любит есть.

Но ведь он не ошибался, правда?

Я жаждала внимания. Я изголодался по нему.

Я выросла, не имея его, и теперь, когда оно у меня появилось, я хотела его больше.

Больше внимания.

Вот почему я отправилась на его поиски. Я хотела исправить все, что было сделано, объяснить ему, почему я не хочу, чтобы он видел меня обнаженной.

Мои шрамы заставляли меня чувствовать себя уродливой, а он смотрел на меня с такой страстью и желанием, что я думала, если он увидит их, это чувство исчезнет. Я была готова сказать ему об этом, пока не обнаружила, что он весь в чужой крови и бьет боксерскую грушу так, будто она причинила ему физическую боль.

Я не была особенно симпатичной девушкой, я знала это, но я пыталась с нужными людьми.

Я хотела попробовать с Габриэлем. Но он увидел меня, увидел уязвимое место и воспользовался им, словно мечом на поле боя. Я не хотела быть его врагом, но именно так он это и воспринимал.

Противоборствующие стороны, постоянно воюющие друг с другом. Был один момент перемирия, момент мира, когда мы столкнулись, но как только взошло солнце и реальность захлестнула его, цвета стали четкими.

Я была чертовски глупа.

Но я хотела быть лучше, больше, сильнее. Я хотела принять эти слова, переработать их и, как только это будет сделано, двигаться дальше. Господь свидетель, у меня и так достаточно травм, чтобы еще добавлять к ним новые. Но, черт возьми, они болят.

Я прижимаю пальцы ко лбу, потирая накопившееся там напряжение, от боли за глазами.

Он выглядел искренне испуганным. Когда его гнев рассеялся и он погнался за мной, в его пылающих глазах появилось раскаяние, но именно поэтому я осталась одна.

У меня был сын, и это все, что мне было нужно.

Мне не нужны были близкие люди, причиняющие мне боль. Я уже делала это раньше, я доверяла людям, и в результате у меня остались шрамы, я была использована и сломлена.

Я не хочу снова оказаться в таком положении.

Простить Габриэля за его слова было бы достаточно просто, и я могла бы это сделать, но я не хотела открывать себя для новой боли от людей, которым я хотела доверять и которых хотела любить. От Габриэля Сэйнта было не уйти, я не могла просто сбежать, в конце концов, мы женаты, — я усмехнулась про себя, — и, несомненно, половина этого проклятого города знает, кто я такая.

Могу ли я встать и уехать из города, переехать в другой штат или даже страну? Возможно. Но я также знала, что придется постоянно бежать и никогда не задерживаться на одном месте слишком долго.

Ты опять собираешься бежать?

Этот ублюдок задел какую-то глубокую, ноющую точку в моей груди, которая не переставала болеть несколько часов спустя.

Я твоя. Твоя жена.

Я закрыла глаза от воспоминаний о прошедшей ночи, от удовольствия, которое он выжимал из моего тела, от ощущений, которые покалывали мою кожу еще долго после того, как я покинула его комнату сегодня утром.

Я все еще чувствовала его между ног — боль, которая заставляла меня страдать самым восхитительным образом. Я чувствовала его вкус на своем языке.

Я застонала, откинув голову назад и ударившись ею о стену. Ни один мужчина не

заставлял меня чувствовать себя так, как он прошлой ночью. Я была желанной, он жаждал меня так же сильно, как и я его. Он хотел меня всеми способами, не мог обойтись без меня больше нескольких минут. Ласки и поцелуи, шепот пальцев и проникающие прикосновения.

Даже злясь на него, одних воспоминаний было достаточно, чтобы оставить боль и потребность.

И я злилась на себя за то, что все еще хочу его.

Я больше не буду лгать и говорить, что он ничто, не буду лгать и говорить, что он мне не нужен, потому что это неправда.

Габриэль Сэнт стал бы моей погибелью.

Моей абсолютной гибелью.

Проблема была в том, что во мне не осталось ничего, что можно было бы сломать, и когда это случится, и я рассыплюсь на осколки, не останется ничего, что можно было бы собрать обратно.

Ты возьмешь меня, leonessa.

Я дышу через нос, отгоняя эти мысли.

Я уже давно приняла душ и смыла с себя все его следы, но фантомное ощущение его метки, его притязаний заставляло меня трепетать.

Я не могла больше думать об этом, мне нужно было что-то другое. Мне нужно было это прямо сейчас. Поэтому я решила запомнить его, как мафиозного Босса, залитого кровью, с яростью в глазах и ядом, брызжущим с губ. Сегодня он кого-то убил. На нем была кровь этого человека.

Он был так зол на весь мир, что разбил костяшки пальцев, улыбаясь при этом.

И все же, даже когда я думаю об этом и вспоминаю его таким, эти два воспоминания сливаются воедино, превращаясь в один эротический, размытый образ. Я должна быть отвратительна сама себе, что, увидев его в таком виде, не убежала в страхе. Если быть честной, то я чувствовала внутри себя тепло, которое могло быть только одним. Меня тянуло к нему. Его господство и власть. Его полное пренебрежение к закону и праведности. Он был именно тем, кем должен был быть. И он владел этим.

Хныканье Линкольна из его постели отвлекает меня от мыслей и возвращает в настоящее. Я пришла прямо к нему, найдя его с Камиллой.

У нас с матерью Габриэля сложились какие-то странные отношения за те недели, что я была здесь. Она неожиданно утешала меня, даже когда мы просто молча сидели вместе в комнате. Мы достаточно часто разговаривали, в основном о Линкольне, она затрагивала темы, выходящие за рамки текущей ситуации, но никогда не доходило до того, чтобы я чувствовала себя неловко. Она рассказывала мне о Габриэле и Лукасе, когда они были детьми. Я полагаю, что ее рассказ о своих мальчиках в детстве, а затем в подростковом возрасте позволили мне увидеть их в другом свете.

Они все еще были людьми с человеческими эмоциями и человеческими слабостями, даже если это не то, что видят все. И я вижу это сейчас. Я увидела это в тот вечер, когда познакомилась с Лукасом, когда он проявил доброту и притворился тем, кем не был, и я вижу это в Габриэле. Я вижу, как он старается.

Но я вижу и тяжесть.

Я вижу, как она давит на него, давит на его сильные плечи, но даже король может быть разбит.

Я не знала, что происходит в этом городе, при его правлении, но могла предположить,

что эти нападения, стрельба в доме и на свадьбе — не повседневное явление.

Я выросла, зная Сэйттов как печально известных, самопровозглашенных правителей, но город от этого не страдал. Как и в любом городе, поселке, штате, преступления случались, и ни один человек, ни правительство, ни семья не могли их остановить, но они никогда не казались такими ужасными, как сейчас.

Я забрала Линкольна у Камиллы с этими мыслями в голове, переплетающимися с версией Габриэля, которую я только что видела, и скрылась в своей комнате. Она не задавала вопросов, и как только я пришла, я упала на кровать и крепко обняла его, укачивая, пока он медленно погружался в дремоту.

Я продержала его некоторое время, а затем положила в его кровать и устроилась на полу напротив.

Когда он проснулся, я снова подошла к нему и подняла его на уровень глаз. Теперь, когда я здесь, я вижу в нем столько черт Сэйттов. В его темных волосах и лесных глазах, в загорелом цвете его кожи. Он был похож на Лукаса и Габриэля.

Это была его семья.

— Малыш, — шепчу я ему в волосы. — Я буду лучше, хорошо? Я сделаю лучше. Это будет для тебя.

Глава 29

Габриэль

— Ты в порядке?

Через неделю Амелия сидит рядом со мной за обеденным столом. Наши вечерние трапезы остались прежними, но она стала закрытой от меня. Она молчала, пока я не заговаривал с ней, а когда заканчивала ужинать, извинялась и уходила в свою комнату.

Я приходил туда каждый вечер, уже после того, как она ложилась спать, и наблюдал за ней. Я перелистывал страницы ее этюдника и фотографировал каждый новый замысел, а пару раз позволял себе прикоснуться к пряди ее волос между пальцами — шелковистая длина мягко ложилась на мои огрубевшие руки.

— Да, — кивает она с фальшивой улыбкой.

С того дня, с тех слов, она была только вежлива. Не было ни язвительности, ни споров. Никакой враждебности. Только тихое спокойствие.

Как будто ее и не было.

— Я подумал, что завтра мы могли бы поехать в город, — сказал я.

Мне не хотелось этого. Не очень. За неделю произошло еще два нападения, небольшие по сравнению с предыдущими, но все же произошедшие, и хотя новых тел, которые нужно было хоронить, не было, это был лишь вопрос времени.

— Хорошо.

— Амелия, — я опускаю вилку, упираясь лбом в ладони. — Я не знаю, как все исправить, понимаешь? Я никогда этого не делал.

— Все в порядке, Габриэль, — она поднимает вино и делает глоток. — Нечего исправлять.

— Но есть, — говорю я. — И это, мы. Я хочу взять, но не могу, и я не хочу красть то, что ты не хочешь дать.

— Я уже все сказала.

— Амелия, что я могу сделать?

В этот момент я был готов встать на колени.

Когда она смотрит на меня, ее голубые глаза сталкиваются с моими, и я вижу одиночество, боль, тоску, но она достаточно быстро скрывает это, чтобы я поверил, что мог неправильно понять.

— Я устала. Можно мне уйти?

— *Non dire cazzate (прим. пер. — Не говори ерунды)!* — прорычал я.

— Я не знаю, что это значит.

— Не говори ерунды, Амелия, — я хватаю ее за запястье, когда она поднимается. — Я не знаю, как это сделать. Я не знаю, как все исправить, но я хочу тебя. *Cazzo (прим. пер. — Черт)*, Амелия, я хочу тебя. И я не могу забыть ту ночь.

Она закрывает глаза.

— Пожалуйста, Габриэль, это к лучшему.

— Правда?

— Да, — она говорит решительно. — Так ты получишь то, что хочешь.

— Чего я хочу?

— Наследника.

— А чего ты хочешь?

— Я не думаю, что это уже имеет значение, — она осторожно вырывает свою руку из моей хватки. — Я не ненавижу тебя, Габриэль. Я знаю, что сказала это, но это не так. Я не уверена, что смогла бы больше, но то, что случилось, больше не повторится.

— Я сделал тебе больно.

Она кивает.

— Да, это так.

— Это были просто слова, Амелия.

Она мягко улыбается, настоящей улыбкой, но не той, которая говорит о счастье.

— Слова острее ножа.

Она замолкает. Эмоционально. Физически.

Как будто что-то внутри нее было жестко запрограммировано на то, чтобы отстраниться от ситуации и не дать себя ранить.

И я не виню ее.

Я причинил ей боль. Я обидел свою жену.

Я все испортил.

Я не лгал в своих словах, но они были сказаны не так, как надо. Этой женщине нужно было внимание, но не потому, что она искала его, а потому, что по какой-то причине ей в нем было отказано. Ее прошлое было тайной, которую не смог раскопать даже я.

Нам всем нужно внимание.

Мы стремимся к нему.

А она испытывала голод.

Я останавливаюсь перед дверью ее спальни и дважды стучу своим еще не зажившим костяшкaм пальцев.

Она не сразу открывает дверь и выходит, одетая в маленькое летнее платье и кардиган, прикрывающий руки и спину. Платье было голубым, с цветочным принтом и длиной чуть выше колена. С длинными темными волосами и легким макияжем она совсем не походила на ту уставшую женщину, которая сидела за моим столиком накануне вечером.

Мы молча спустились вниз и вышли к ожидающей меня машине. С нами не будет ни мужчин, ни братьев, ни телохранителей. Город все равно должен был видеть нас вместе, но мне нужна была она одна.

Я открываю дверь, и она забирается на пассажирское сиденье, отворачивая лицо от меня и поворачиваясь к окну.

— Как Линкольн? — спрашиваю я.

— Твоя мама хорошо с ним ладит, — это все, что она говорит в ответ.

Ворота были полностью открыты.

Гравий дороги хрустит под шинами, и плавная поездка проходит без происшествий. Будний день, туристы и горожане толпятся на популярных улицах. Вдоль тротуаров стоят торговцы, продающие уличную еду и кофе, а бутики и дизайнерские магазины зазывают покупателей к себе. Это оживленное место в городе заставило меня усомниться в своем решении оставить нас обоих без охраны.

Я, конечно, был вооружен, но я был один человек, и если бы на нас напали, у меня было бы мало шансов защитить ее.

Я припарковался под торговым центром и направился к Амелии. Она вышла из машины прежде, чем я успел что-либо предпринять.

— Держись рядом со мной, — мягко приказываю я. — Это не просьба.

— Хорошо.

Она позволяет мне соединить свою руку с моей, и мы выходим на улицу, присоединяясь к гудящей толпе. Запахи продавцов и кофе сразу же овладевают моими чувствами, и я наблюдаю, как Амелия смягчается, почувствовав знакомый запах. Я знал, что место, где она раньше работала, находилось в соседнем районе, поэтому не сомневался, что она достаточно часто здесь бывает, чтобы знать эти улицы.

— Амелия! — кто-то кричит в тот момент, когда мы начинаем проходить мимо продавцов, расставленных как рыночные прилавки. — Амелия!

Она поворачивает голову в сторону женского голоса.

— Джулия.

— Где ты была!? — молодая девушка останавливается перед нами, затаив дыхание. — Они сказали, что ты уволилась!

Она смотрит в мою сторону и сужает глаза.

— Так и есть.

— Без прощания? — нахмурилась Джулия.

Она пожимает плечами, изображая бесстрастную маску.

— Все произошло быстро, Джулия.

— Да, — соглашается она. — Да, — и тут ее глаза скользят ко мне, словно только что заметив. — Эй, ты Габриэль Сэйт.

Я киваю.

— Его репутация опережает его, — Амелия говорит это с улыбкой, которая не достигает ее глаз,

— Вы...? — она осекается, не озвучив последнюю часть своего вопроса.

— Н... — начала Амелия, пока я не перебил ее.

— Она моя жена.

У Джулии глаза стали как блюдца.

— Ты вышла замуж!? За *него*!?

— Это долгая история, — защищается Амелия.

— Не совсем, — улыбаюсь я девушке. — Я сбил ее с ног, мы влюбились и поженились.

— Я даже не знала, что ты с кем-то встречаешься... — Джулия смотрит на меня, в ее взгляде смешались здоровая доля страха и любопытства. — Печально известный младший Сэнт.

— Приятно было повидаться, — отстраняет Амелия девушку. — Может быть, мы сможем встретиться позже.

— Вообще-то да, я бы хотела. У тебя есть мой номер.

— Есть

— Было приятно познакомиться с тобой, Джулия, — улыбаюсь я девушке, которая краснеет и убегает.

— Невероятно.

— Что?

— Неужели нет никого, кто бы не целовал землю, по которой ты ходишь?

— О, таких людей достаточно, *leonessa*, — не соглашаюсь я и тяну ее к киоску с едой, где подавали самые вкусные чуррос. Я хожу сюда с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы жевать. — Но не очень много.

Она насмехается.

— Неудивительно, что твое эго так велико.

Я ухмыляюсь.

— Во мне много чего есть большого, Амелия. Ты это знаешь.

Ее щеки вспыхивают красным, она качает головой, борясь с улыбкой, но уголки ее красивых губ подрагивают, не в силах удержаться от этого.

Я заказываю у продавца чуррос, смазывая выпечку сахаром и корицей, а для Амелии заказываю шоколадный соус. Она морщит нос, когда я откусываю кусочек.

— Что?

— Только сумасшедший любит корицу

Я раздражаюсь смехом, откусывая большой кусок жареного десерта, и сахар с корицей остается на моем языке. Она качает головой, но теперь уже беззаботно улыбается, повторяя за мной, когда мы идем по оживленным улицам торгового района. Я здороваюсь со всеми, кто со мной разговаривает, лица знакомые, а истории хорошо запомнились.

— Они все тебя знают? — я киваю. — Почему? Я думала, ты предпочитаешь держаться в тени.

— Этот город принадлежал Сэнтам на протяжении многих поколений, — говорю я, протягивая ей руку, которую она берет, когда мы выходим на более оживленную улицу. — Дело не только во власти, Амелия. Мы заботимся о людях, которые делают Редхилл своим домом, включая бизнес. Большинство из этих людей в то или иное время обращались к нам за кредитами, за помощью или защитой.

— И тогда они становятся тебе должны?

— Стал бы банк предоставлять кредит по доброте душевной?

— Конечно, нет! — она насмехается. — Но банк не будет мучить человека или его семью, потому что он не может вернуть долг.

— Ты слишком много смотришь фильмы.

— Что, прости?

— Я не говорю, что все семьи, подобные нашей, правят также, и в некоторых случаях, в

зависимости от ситуации, мы используем экстремальные методы, но если кто-то не может вернуть то, что мы дали, ему предлагают отсрочку или возможность отработать. Если я буду пытаться или убивать каждого, кто должен мне деньги, то половина этого города опустеет, — она замолкает. — Не бери в голову, Амелия, это новое, и это много.

Она кивает, но молчит рядом со мной, ее рука расслаблена в моей. Я направляю ее к небольшому бутику на углу, открываю перед ней дверь и ввожу ее в прохладное помещение с кондиционером.

— Сьерра, — окликаю я ее, слегка улыбаясь при виде новой одежды на манекенах и вешалках.

— Пример того, как можно отработать долг, — шепчу я Амелии. — Сьерра пришла ко мне, когда ее бизнес переживал трудности, у нее не хватало средств, чтобы удержать его на плаву и расплатиться с долгами. Мы одолжили ей полмиллиона, и в течение первого года она продолжала испытывать трудности, поэтому мы предложили ей обмен. Она не стала возвращать нам долг, а взамен стала нашей швеей по пошиву одежды на заказ.

— Она сделала мое свадебное платье?

Я насмехаюсь.

— Нет, она отказалась. Не считала это правильным.

— Она мне уже не нравится.

— Понравится. Она вспыльчивая, как ты. Ее долг давно погашен, но у нас хорошие отношения с ней и ее семьей, поэтому она продолжает работать с нами.

— Габриэль!?

Я слышу ее голос, приглушенный акцентом, и тут она высовывает голову из-за угла и улыбается. Она была красивой женщиной со смуглой кожей и ониковыми глазами. Маленькая, но полная жизни. Она процветала в этом магазине и на своей работе, а когда ее здесь не было, я знал, что она часто работала на кухне своей мамы, расположенной рядом с пристанью, обслуживая моряков, которые приходили в порт, и кормя их сытными и согревающими домашними блюдами, которыми они так славились.

— *Si (прим. пер. — Да)*, Sierra, — приветствую я ее объятия и целую в обе щеки, прежде чем она осмотрит меня, бросив взгляд на заживающие раны на моей руке. Она громко хмыкает и закатывает глаза.

— Всегда новый шрам, когда я тебя вижу, Габриэль.

— Опасность работы.

Она поджимает губы, а затем обращает свой глубокий взгляд на Амелию.

— Ты, должно быть, его новая жена. Мне очень жаль.

Амелия раздражается смехом, сладкий звон которого ударяет меня прямо в грудь. Она смеялась мало, не тогда, когда звук был таким великолепным, как этот. Я не замечал, что смотрю на нее, пока Амелия не поймала меня и не остановилась, вернув свое внимание к Сьерре.

— Я Амелия, — она обращает свое внимание на меня. — Я слишком хороша для тебя, Габриэль.

Я стою в шоке, а Сьерра выхватывает Амелию из моих рук и ведет ее на экскурсию по бутику, демонстрируя одежду, которую она сама разработала и сшила. Амелия залюбовалась каждой вещью, восхищаясь дизайном и замысловатостью работы Сьерры. Она выбирает несколько вещей с полки и берет их в руки.

— Ну что, приступим? — Сьерра спрашивает, когда я оплачиваю выбранные Амелией

вещи в магазине, молча одобряя облегающее белое летнее платье с корсетом, в котором Амелия будет прекрасна.

Я киваю.

— Пожалуйста, Сьерра.

— Что мы делаем? — спрашивает Амелия.

Сьерра улыбается ей, в ее светлых глазах столько тепла. Она стала близким другом семьи, а вместе с ней и ее семья. Они были яркими, шумными, противоположными всем Сэйнтам, и когда они приезжали раз в несколько месяцев, дом преображался. В что-то теплое. Ее мама готовила вместе с братом, занимая всю кухню, и в моем доме несколько дней пахло специями и домашней едой.

— Я в восхищении от твоего мастерства, Амелия, — говорит ей Сьерра, направляя ее в дальнюю комнату. — У тебя невероятный талант.

— О чем ты говоришь?

— Ты ей не сказал, — обвиняет Сьерра, сверкая глазами.

— Сюрприз, Сьерра, — говорю я ей.

Она кивает.

— Что ж, надеюсь, я сделала это достойно, Амелия.

— Я понятия не имею, что происходит.

Я прохожу за девочками в заднюю комнату, где обнаруживаю пачки и связки различных материалов всех цветов, некоторые с узорами, с лентами, пуговицами и молниями, переполненными из ведер, расставленных по комнате. В центре — рабочее место Сьерры, ее машинки, ноутбук и то, ради чего я в первую очередь привел сюда Амелию, — на манекене, стоящем рядом со столом.

Амелия замирает, с ее губ срывается вздох.

Сьерра продолжает, обращаясь к платью на манекене: — Оно еще не совсем готово, нам осталось добавить детали к корсету и этот чудесный скрытый блеск на юбке.

— Это мое, — шепчет Амелия.

Я подхожу к ней.

— Признаюсь, я несколько недель фотографировал твои эскизы, Амелия, но этот выделялся больше всего. Я могу представить тебя только в таком великолепном платье.

Длинное, в пол, платье с глубоким декольте и скрытыми блестками в юбках, расходящихся с обеих сторон до самого бедра, было создано в тот вечер, когда я подарил ей этюдник.

— Габриэль сказал сшить эту вещь несколько недель назад, — объясняет Сьерра. — Она прекрасна.

Амелия подходит к одежде и проводит руками по материалу, при этом ее глаза сияют.

— Я никогда раньше не видела ни одного из своих эскизов в реальной жизни.

— Это прекрасно, — говорю я.

— Это ты сделала? — спрашивает она Сьерру.

— Я работала над этим несколько недель для тебя, — любезно улыбается Сьерра. — Тебе нравится?

— Мне нравится.

— Нам нужно еще кое-что подправить, но я думаю, что смогу закончить его через неделю, а потом нам нужно будет просто подгонять его по фигуре.

— Подождите, это действительно для меня?

— Да, *leonessa*.

— Есть еще некоторые дополнительные вещи, — продолжает Сьерра. — Габриэль указал твои размеры, так что они должны подойти.

Она смотрит, как Сьерра достает два предмета нижнего белья, взятые прямо из ее этюдника: красный кружевной боди с лентами, которые обвивают талию, затем поднимаются между грудей и закрепляются на шее, кружево совершенно прозрачное и ничего не прикрывает.

Амелия смотрит на меня, потом обратно, перебирая пальцами материал, пока Сьерра достает второй — комплект из трех частей, включающий бюстгальтер, стринги и пояс с подвязками. Он был из кружева, как и предыдущий, но более плотный и скрывающий фигуру, и был белого цвета.

— Они потрясающие, ты их тоже делала?

— Я, — радуется Сьерра. — Но талант принадлежит тебе.

— Спасибо, — шепчет она, поворачиваясь к нам обеим. — Правда, спасибо.

— Не хочешь ли примерить их? — спрашивает Сьерра.

— Можно?

— Конечно, они твои.

Мои кулаки сжимаются при мысли о том, что я увижу Амелию в этих кружевах.

— Габриэль может подождать здесь, — Сьерра с ухмылкой смотрит на меня. — Я провожу тебя.

И фантазия о том, чтобы увидеть ее только в этих кружевах, разбивается вдребезги. Я ворчу, уходя, и сажусь на скамейку у входа в магазин, пока девушки занимаются своими делами в задней части.

Одно осознание того, что она там без одежды, а я не могу стать свидетелем этого, расстраивало.

Но она еще не простила меня.

Но простит.

Скоро.

Глава 30

Амелия

Кружево скользит по коже, когда я натягиваю его и закрепляю ленту на шее. Я никогда раньше не решалась надеть такое, но мне так хотелось.

Оно слишком многое открывало, все шрамы на руках были на виду, а шрамы на животе виднелись сквозь кружево. Я знала, что тоже самое будет и на спине.

Я не могла их так спрятать.

Занавеска в раздевалку внезапно распахнулась, и Сьерра замерла, устремив взгляд на шрамы.

— Сьерра! — кричу я.

— Что случилось, — она бросается ко мне, осматривая эти следы.

— Нет, прекрати, — умоляю я, громче, чем собиралась, когда она поднимает руку, чтобы потрогать. — Пожалуйста.

— Амелия? — от голоса Габриэля у меня на коже выступает холодный пот. — Амелия, все в порядке?

— Сьерра, пожалуйста, я не хочу, чтобы он видел, — ее глаза расширяются. — Я в порядке, Габриэль!

— Амелия? — Сьерра шипит. — Как это он никогда не видел?

— Пожалуйста, Сьерра.

— Ты уверена? Я слышал, как ты кричала.

— Я в порядке! — я умоляюще говорю Сьерре, наблюдая, как она смотрит на каждый длинный шрам, порезы и ожоги, испещрившие мою кожу, — маленькие и большие. Хуже всего было на спине: кожа была вздутой, словно кто-то капнул на нее свечным воском и оставил высыхать. Я надеялась, что по мере моего роста и взросления они станут менее заметными, но этого не произошло.

— Амелия, — шепчет она мягче. — Что с тобой случилось?

— Пустяк, — отвечаю я ей, переводя взгляд на занавеску, отделяющую меня от Габриэля. Я не верила, что он просто так ворвется ко мне, у него были такие джентльменские наклонности, которые мне нравились, но я не исключала, что он мог бы вмешаться, если подумает, что я в беде.

— Это не похоже на пустяк, Амелия. Похоже, тебя кто-то обидел.

— Просто брось это, Сьерра.

— Он ведь не знает, правда?

Я вздохнула, но потом покачала головой.

— Я не хочу, чтобы он знал.

— Но...

— Нет, пожалуйста, — умоляю я. — Только, пожалуйста, ничего не говори.

Ее глаза смягчаются, когда она еще раз меня рассматривает. За тот короткий час, что я пробыла здесь, мне сразу понравилась Сьерра, с ее умом и бесстрашием, у нее были легкие отношения с Габриэлем, которые, как мне кажется, заставили бы меня ревновать, если бы не ее характер. Я, конечно, не имела на это права, но с ней этого и не случилось.

Она была из тех, с кем я раньше дружила, кому могла доверять.

— Хорошо, — соглашается она с сочувствующей улыбкой.

— Я вхожу! — рычит Габриэль.

Сьерра тут же вскакивает и почти с силой отдергивает занавеску.

— Она не хочет, чтобы ты ее видел.

— Она моя жена! — яростно рычит Габриэль.

— Ну, может быть, она хочет, чтобы это был сюрприз!

Наступает молчание. Учитывая все, что сейчас происходит между нами, я не была уверена, что он поверит в это.

— Не лги мне, Сьерра.

— Габриэль, дай девушке свободу! — она огрызается. — Ты не можешь винить ее за то, что она этого хочет!

— С ней все в порядке?

— Она в порядке, Габриэль.

— Амелия!? — зовет он.

— Габриэль, она говорит правду, я в порядке.

Я слышу его вздох, а затем топот его шагов.

— Ты должна поговорить с ним, — мягко говорит Сьерра.

Я качаю головой:

— Мы, может быть, и женаты, но мы не пара, Сьерра. И никогда не будем.

Габриэль передает мне пакеты из бутика, платья, которые я купила, а затем нижнее белье, после чего замирает.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

— Присоединишься ко мне за ужином?

— Всегда.

Он опускает глаза и снова поднимает.

— Я имею в виду, действительно присоединяйся ко мне, Амелия.

— Габриэль, — начинаю я.

— Просто подумай об этом, — перебивает он. — Я причинил тебе боль, позволь мне это исправить.

Я киваю, думая о том, что он сделал для меня, о том, что он продолжал делать для меня.

И вот я иду в свою комнату с пакетами и бельем, в голове образ того идеального платья.

Линкольн возвращается ко мне перед самым ужином, счастливый, веселый мальчик с кучей новой одежды, подаренной бабушкой, и красными от улыбок щеками. Я крепко обнимаю его несколько мгновений, прежде чем спуститься вниз.

Удивительно, что возле моей комнаты не было охраны, а в коридорах не слонялись люди, делая вид, что не замечают меня, но я была благодарна. В кои-то веки я была чиста в своих мыслях, действительно наедине с ними.

Я сажу Линкольна на пол в игровой, соседней с кухней комнате, где он играет с игрушками, и иду в другую комнату, чтобы приготовить ему ужин. Я почти механично перемещаюсь по просторному помещению, отбирая ингредиенты и подготавливая их, потерявшись в мыслях, выходящих из-под контроля в моей голове.

Габриэль был в центре внимания, как, впрочем, и всегда. Но он оказался загадкой. Как только мне кажется, что я все знаю, он все меняет.

Я не сомневалась, что этот человек опасен, он убивал, пытал и причинял боль людям. Он ведет теневые дела, контролирует город и все, что в нем находится, но он не был тем монстром, каким я его считала.

Покачав головой, я ущипнула себя за переносицу и вздохнула.

Поставив овощи вариться, а курицу — в духовку, я возвращаюсь в игровую, чтобы проверить Линкольна.

Но его там нет.

— Линкольн? — я судорожно обыскиваю комнату, пытаюсь найти его, но, не найдя, бегу на кухню, ищу его там, но его там тоже нет.

Мое сердце падает в желудок, когда я выхожу в коридор и смотрю в его конец, обнаруживая, что дверь в бассейн открыта.

— Линкольн! — кричу я.

Мои ноги двигаются быстрее, чем у меня есть время осознать, ступни тяжело ступают по плитке, и я бросаюсь в туда, когда сердце замирает при виде моего маленького мальчика в воде. Он отчаянно машет руками, погруженный в воду, конечности едва достают до поверхности.

— Линкольн! — кричу я, не задумываясь о том, что делать дальше. Не имело значения, что я не умею плавать, что у меня был страх перед бассейнами дольше, чем я себя помню. Все это не имело значения, когда я прыгнула туда, и вода хлынула в мой открытый рот и погрузила меня с головой.

Я металась, брыкалась, пока мои руки не коснулись его тела, и тогда я вцепилась в него, отталкиваясь изо всех сил. Я не умела плавать, но понимала, что нужно делать, и паника, связанная со спасением Линкольна, пересилила страх перед водой. Мне удастся вытащить его на поверхность, и мое собственное лицо высовывается наружу, когда я вдыхаю воздух, втягивая его в легкие.

Линкольн кашляет, плачет, но это было хорошо! Он дышал. Слава Богу, он *дышал*.

Я дико брыкаюсь, удерживая его над поверхностью одной рукой, а другой судорожно пытаюсь подтолкнуть нас к краю бассейна. Я не чувствовала дна ногами, и оно казалось таким далеким, но после толчков и борьбы мне удалось добраться до него.

Мои скользкие пальцы хватаются за край бассейна и цепляются за него.

— Помогите! — кричу я, кашляя. — Кто-нибудь, помогите!

Линкольн бьется, впиваясь в меня ногтями. Я кричу, используя все, что могу, чтобы подтолкнуть его вверх, вверх, вверх, вверх, пока не выталкиваю его на твердую землю, где он тут же испускает крик.

Я вздохнула, он был в безопасности.

На мгновение я перевела дыхание, крепко держась за край, пока у меня не осталось сил. Минута, мне нужна минута. Я слышу шаги, приближающиеся в сторону бассейна, и меня охватывает облегчение. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто это, но не успеваю — что-то тяжелое и твердое врезается мне в голову.

Я отпускаю край, голова плывет как в тумане, и я даже не успеваю запаниковать, как снова погружаюсь под воду.

Внутренне я кричу, плачу, бьюсь, но знаю, что мое тело не движется, а просто погружается в черноту, поглощающую мои мысли. Я поднимаю глаза к поверхности, вижу темные, расплывчатые очертания, смотрящие вниз, но затем все темнеет, и я опускаюсь на дно бассейна.

Глава 31

Габриэль

От этого звука меня пробирает до костей.

Я слышал крики боли или страха, но это было совсем другое. Он поразил меня в самое сердце и заставил кровь застыть в жилах.

Детский крик.

За этим криком я слышу голос, зовущий на помощь.

Амелия.

Я быстро двигаюсь, выхватывая оружие и проносясь по дому. Я проводил совещание, чтобы обсудить происходящее в городе дерьмо, и думал, что в течение получаса она будет в безопасности. Я ошибался.

Детский крик продолжается, но ее голос затих.

— Амелия! — реву я, идя на звук крика. У меня перехватывает дыхание при виде открытой двери бассейна и маленькой мокрой руки на плитке. Линкольн. За спиной я слышу своих людей, готовых к войне.

Я резко останавливаюсь, обнаружив, что Линкольн весь промок и плачет, но затем мой взгляд устремляется к бассейну, к крови в воде и темной фигуре Амелии под поверхностью.

— Амелия! — я ныряю в бассейн и плыву к ней, где она тонет без сознания, ее темные волосы обмотаны вокруг лица, а из головы течет непрерывная струйка крови. Она не выглядела живой.

Я обхватываю ее, притягиваю к себе и, используя дно бассейна как рычаг, поднимаюсь на поверхность и мгновенно убираю ее волосы с лица.

Первой мыслью было, что в нее стреляли.

Не в мою Амелию. Не в мою жену.

Когда я вижу, что это рана, а не пулевое ранение, я немного расслабляюсь.

— Амелия! — я трясусь ее. — Она не дышит!

Моя мама появляется последней, когда я плыву к борту, а Амелия безжизненная у меня на руках. Нет. Нет. Нет.

Она не может умереть.

У меня защемило в груди, ощущение ее неподвижного тела в моих объятиях разорвало мою душу пополам.

— Позовите Девона! — прорычал я. — Сейчас же!

Вытащив ее из воды, я откинул ее мокрые волосы с лица, кровь струилась по ее слишком бледной коже.

— *Mondo mia* (прим. пер. — *Мой мир*), — шепчу я. — Амелия.

Ее грудь не двигается, в ней нет жизни.

— Давай, детка, — умоляю я, начиная искусственное дыхание. — Давай.

Ее маленькое тело кажется слишком хрупким, чтобы выдержать мощные толчки в грудь, и я знаю, что сейчас что-нибудь сломаю, но я не могу ее потерять.

— Ты не можешь оставить меня, пожалуйста, — умоляю я.

Я продолжаю делать искусственное дыхание и массаж сердца, пока она вдруг не закашлялась водой и не вырвала ее на себя. Я помогаю ей лечь на бок, а она продолжает кашлять, избавляясь от нее.

— Вот так, детка, дыши за меня. Давай.

Она падает неподвижно, глаза закрываются, пока она борется за то, чтобы не заснуть.

— Где Девон!?

— Он ушел, — сообщает мне кто-то. — У нас есть данные о том, что он вышел десять минут назад.

ЧЕРТ!

Я беру Амелию в свои руки, прижимаю ее мокрое тело к своей груди, пока ищу ее сына и нахожу его в руках моей матери. Ее голова запрокидывается, падая назад. Я глажу ее по затылку:

— Не спи, *mondo mia*, не спи ради меня, — ее ресницы трепещут, но глаза не открываются.

Люди уходят с моего пути, пока я иду, прижимая ее к себе, наклоняясь всем телом, чтобы защитить ее, и вот я уже в машине, она свернулась калачиком на пассажирском сиденье.

— Амелия, — я протягиваю руку, чувствуя ее холодную кожу. — *leonessa*.

— Габриэль, — хрипло произносит она.

— Я здесь, Амелия. Не спи ради меня.

— Я так устала, — жалуется она.

— Я знаю, детка, я знаю.

Я беру ее за липкую руку и сжимаю, достаточно сильно, чтобы это причинило ей унцию боли, на которую она реагирует так, как я хочу. Маленький крик боли режет слух, но это значит, что она все еще со мной.

— Мне просто нужно, чтобы ты осталась со мной, хорошо, *leonessa*? Еще немного.

Она вдыхает с хрипом, и в ее груди раздается булькающий звук.

— Габриэль, я... — она делает паузу, вздыхает и немного замирает.

— Нет, Амелия, не спи! — я сжимаю кулак до тех пор, пока ее костяшки пальцев не белеют внутри моего кулака.

— Прости.

— Нет.

А вот и моя *leonessa*. Ее красивые голубые глаза, немного опухшие, открыты настолько, что я чувствую тяжесть ее взгляда.

— Нет?

— Нет. Я не принимаю этого. Оставайся в сознании, и когда тебе станет лучше, мы сможем поговорить.

— Габриэль.

— Нет, Амелия, — огрызнулся я. — Не спи, мать твою. Не спи ради Линкольна, — по ее щеке скатывается слеза. — Не спи ради меня.

Ее маленькая рука слегка сжимает мою, и я оглядываюсь, обнаруживая, что ее глаза, красные и усталые, смотрят на меня.

— Я с тобой, — говорю ей. — Я всегда с тобой.

За несколько мгновений до того, как я попал в больницу, она снова теряет сознание, ее дыхание становится тревожно медленным и поверхностным.

— Ты не можешь меня бросить, — рычу я, осторожно вынимая ее из машины и заключая в свои объятия. — Я только что нашел тебя, *leonessa*, — мой рот опускается к ее волосам. — Пожалуйста, я только что нашел тебя.

Она не отвечает, но я не ожидаю этого и бросаюсь в приемный покой:

— Помогите мне! — реву я. — Кто-нибудь, помогите мне!

Проходит совсем немного времени, и с каталкой появляется целая армия медсестер и врачей, их руки хватают, трогают, тащат ее обмякшее тело и кладут на кровать. Трубки и инструменты закрывают мне обзор, руки специалистов хватают ее за одежду, за плоть.

— Мистер Сэнт! — кричит кто-то.

Наступает коллективная пауза, после чего все вокруг как будто переходит в ускоренное движение, люди начинают двигаться еще более судорожно.

Пожилая женщина трогает меня за руку.

— Что!? — рычу я, всем телом и глазами следя за женой.

— Мне нужно, чтобы вы объяснили, что произошло.

— Вы что, не видите?! Она утонула!

— Я понимаю, мистер Сэнт, но мне нужно больше подробностей, я должна знать, чтобы мы могли оказать ей наилучшее лечение.

Я объясняю, вспоминая, как я нашел свою жену, как у нее шла кровь из головы и как она не дышала, когда я обнаружил ее в бассейне.

— Она не умеет плавать?

— Я думал, она умеет, — в этот момент я не чувствовал себя Боссом, я чувствовал себя маленьким, никчемным мальчиком, я чувствовал, что ничего не могу сделать, от меня ничего сейчас не зависит. — Она мне не сказала.

— Хорошо, мистер Сэнт, мы сделаем все, что в наших силах.

И тут она исчезает вместе с командой медиков и телом моей жены.

Я следую за ними до тех пор, пока они не отказываются впустить меня дальше. Я использую угрозы, подкуп, но меня не пропускают. Больницы и медицинские центры всегда было труднее всего сломать.

Поэтому я жду. Я сижу в стерильных коридорах городской больницы, моя одежда мокрая и холодная, а вокруг меня пищат и воют аппараты, пока я жду новостей.

Проходит три часа, три часа телефонных звонков и сообщений, три часа бесконечного молчания, пока наконец, черт возьми, та самая медсестра, которая разговаривала со мной, впервые не берет меня за плечо.

— Мистер Сэнт?

Я резко встаю, сбрасывая ее руку.

— Где она?

— Отдыхает.

— С ней все в порядке?

— Да, — кивает она. — Мы наложили швы на рану на голове и откачали воду в легких, но она будет в порядке.

— Какой номер палаты? — спрашиваю я.

— Сэр, я должна быть откровенна, — говорит медсестра. — Эта рана была получена в результате удара тупым предметом, ботинком или каким-то инструментом, — она делает паузу, как бы обдумывая, что еще сказать.

— Да? — я скрежещу зубами.

— Я нахожусь в здравом уме, чтобы отказать вам в доступе.

— Вы думаете, это я сделал?

— Господин Сэнт, при всем моем уважении...

— *Prendi il cazzo a modo mia* (прим. пер. — Пошла ты к черту), — рычу я на нее. — Ушла с дороги, пока я тебя не удалил.

— Господин Сэнт.

— Двигайся, — ее лицо побледнело от моего тона. — Какой номер?

— Семьдесят третья.

Она не останавливает меня. И когда я вхожу в палату, то вижу только одну медсестру, настраивающую капельницу, прикрепленную к руке жены.

— Мистер Сэнт!?

— С ней все в порядке?

— Стабильна.

— Тогда уходите.

— Но...

— Она нуждается в лечении прямо сейчас?

— Ну, нет...

— Тогда ушла отсюда.

Медсестра бледнеет и выбегает из палаты, а я занимаю место справа от спящей Амелии. Моя рука мягко ложится на ее руку.

— Прости меня, *tondo mia*. Я не справился.

Амелия ничего не отвечает, да я и не ожидал этого. Ее глаза закрыты, но ресницы мягко трепещут, кожа слишком бледная, а на брови белая марля. Аппарат рядом с ней непрерывно

пищит, подсоединенный проводами, которые исчезают под синими одеялами на ее кровати.

Я повидал немало больниц, ходил по этим коридорам, был свидетелем смерти, но впервые мне стало по-настоящему не по себе.

Небо меняется из голубого в оранжевый, а затем в черный, городские огни освещают дороги за окнами.

Не знаю, сколько времени я просидел в тишине, но стук в дверь заставил меня обернуться. Входит Девон, закрывая за собой дверь.

— Где тебя носило?

Не успев додумать мысль, я встаю со стула, хватаю его за воротник рубашки и пихаю назад, пока он не ударяется спиной о стену. Он смотрит на меня.

— Это ты сделал? — спрашиваю я.

— Что!? — он рычит.

— Тебе не кажется странным, что все это произошло за несколько секунд до того, как ты вышел из моего гребаного дома?

— Меня вызвали в больницу! — кричит он в ответ. — Помнишь!? Я городской врач, а не твой личный!

Я снова пихаю его.

— Она, блядь, чуть не умерла!

— Габриэль! — кричит Девон. — Я тебе не враг, блядь! Если бы я знал, я бы не ушел!

В глубине души я знал, что это был не он. Я доверял Девону больше, чем собственным братьям, и медленно отпустил его. Он поправляет пиджак, бросая на меня последний взгляд, и пересекает комнату к ее кровати, вынимая ее карту из папки, прикрепленной к краю.

Он перелистывает страницы, читает каждую из них, а затем проверяет провода, пульс и кровяное давление.

— Я установил замки, — я опускаюсь в кресло. — Как она и просила. Потому что Линкольн не умеет плавать, но и она похоже тоже.

— Откуда ты знаешь?

— Догадка.

— Значит, кто-то отпер дверь, и что? Бросил мальчика в воду?

— Чтобы заманить ребенка в бассейн, много ума не надо.

Девон кивает, размышляя.

— Я не уйду отсюда без нее, — я перевел взгляд на Девона. — Мне нужно, чтобы ты присмотрел за домом.

Он опускает подбородок в знак согласия.

— Ей повезло.

— Никогда больше, Девон, — я кладу ладонь на руку Амелии, которая намного меньше моей, полностью накрывая ее. — И когда я узнаю, кто сделал это с ней и ее сыном, я вырву их сердце.

Глава 32

Амелия

Все кажется тесным, как будто моя кожа на два размера меньше, а кости слишком велики. Болит вся сторона лица, а в горле что-то ужасно царапает, чего не было вчера. Я пытаюсь пошевелиться, но такое ощущение, что на меня давит вес целого тела.

И тут нахлынули воспоминания. Словно бурные волны во время шторма, они проносятся в моей голове, как в фильме ужасов. Линкольн в бассейне, я прыгаю за ним,

спасаю его...

Потом тот мужчина, которого я звала на помощь, но он не помог мне, не так ли? Он ударил меня.

Все было словно в тумане. Я не была уверена. Мне показалось, что он ударил меня, или, может быть, я просто провалилась под воду? Или я ударилась головой о край бассейна в своей слабой попытке выбраться.

Я не могла вспомнить, но одно воспоминание перекрыло все остальные. Я тону, глаза открыты, я смотрю на поверхность воды, темная фигура вырисовывается совсем рядом.

Неужели я умерла? Это был ад?

Попытка пошевелиться на этот раз прошла удачнее, но ко мне были привязаны какие-то провода. Я с усилием открываю глаза, веки тяжелые, глаза болят, зрение расплывается и фигуры движутся одновременно. Рядом со мной усиливается писк.

— Амелия?

Этот голос.

Глубокий, акцентированный голос, баритон и тембр, вызывающий во мне жуткое чувство спокойствия.

— *Mondo mia*, — склонился надо мной Габриэль. — Ты очнулась.

— Я умерла?

Его рот слегка искривляется в ухмылке, и мои глаза словно застывают в этом выражении, улыбки достаточно, чтобы на его щеке появилась ямочка.

— Нет, *leonessa*, ты жива.

— Что случилось? Где Линкольн?

По его лицу ползет тьма, стирая улыбку.

— Ты была в бассейне. Он в безопасности, с моей матерью.

Я киваю, облегчение проникает в меня, и непрекращающийся писк у меня под боком замедляется. Линкольн был в безопасности, но его слова подтверждают мои воспоминания.

— Да, я была.

— Ты не умеешь плавать, да?

Я не пытаюсь лгать, отвечая: — Нет, — он тяжело выдыхает через нос. — Я ударилась головой?

Выражение его лица становится хмурым, и он на мгновение замолкает, прежде чем выдать из себя одно слово.

— Да.

Но это еще не все, он что-то недоговаривает. Я открываю рот, чтобы спросить что-то еще, но тут открывается дверь и входит Атлас.

Его глаза сталкиваются с моими, когда он замирает в дверях.

— Атлас, — рычит Габриэль. — В чем дело?

Я не слушаю их слов, застряв в вихре паники, которая начинает бурлить у меня в животе. Я не ударялась головой. Не ударялась. *Кто-то* ударил меня.

Человек пытался убить меня. Утопить меня.

Я не ощущаю боль, когда рывком сажусь, а дыхание вырывается из груди.

— Они... он... они пытались убить меня!

Габриэль хватает меня за плечи, пытаюсь остановить, но я смотрю не на него, а на его брата. Я никогда не рассматривала их, я даже не могу сказать, кто сейчас именно стоит

передо мной.

— Амелия, — Габриэль берет меня за подбородок, заставляя посмотреть на него. — Ты помнишь кого-то?

Я судорожно трясу головой.

— Я не могу! Я не видела!

— Все хорошо, все хорошо, — успокаивает он.

— Амелия, — говорит Атлас от двери. — Ты уверена, что не помнишь? Все произошло быстро, возможно, ты просто ударилась головой.

— Атлас, — предупреждает Габриэль.

— Брат, мы не можем слепо обвинять наших людей в предательстве, основываясь на словах человека, который даже не помнит, что произошло. Это была напряженная и опасная ситуация, разум может сыграть свою роль.

Когда Габриэль делает шаг вперед, я хватаю его за запястье.

— Не надо.

Он останавливается, но снова смотрит на брата.

— Мои люди. Мой город. МОЯ ЧЕРТОВА ЖЕНА! — его рев эхом отдается в комнате. — Где ты был, когда она была в бассейне, Атлас? — уже спокойно спрашивает он.

Атлас насмехается и качает головой.

— Хватит с меня, *брат*, — он начинает уходить.

— Не поворачивайся ко мне спиной, Атлас.

Атлас делает паузу и снова оборачивается к Габриэлю, а я сижу молча, сглатывая желчь, поднимающуюся в горле. Его глаза перескакивают на меня, выражение лица меняется, совсем немного, но достаточно, чтобы заметить. Я увидела не агрессию, а что-то другое, что-то, чему я не могу дать названия, но оно также быстро и исчезает.

— Конечно, — он насмехается, сделав поклон. — Не хотел обидеть.

— Убирайся, — приказывает Габриэль. — Но мы еще не закончили.

Атлас уходит из комнаты.

— Амелия, мне нужно, чтобы ты постаралась вспомнить, хорошо?

— Я не могу, Габриэль, но там кто-то был, я знаю это.

— Я верю тебе, — успокаивает он. — Я верю тебе, хорошо?

Я остаюсь в больнице еще на день, прежде чем меня выписывают, и ни разу Габриэль не уходит. Он остается в кресле рядом с кроватью, спит, когда я сплю, а когда надо уходить, он держит меня рядом. Я отказалась от инвалидной коляски, мне это было не нужно. Головокружение было периодическим, это симптом травмы головы, как сказала женщина-медсестра, отвечающая за меня.

Думаю, Габриэль разрешил покинуть больницу только потому, что у него в доме был свой врач.

— Осторожно! — Габриэль огрызается, когда мы входим в приемный покой больницы, и объектом его гнева становится миловидная медсестра, которая торопилась.

— Габриэль, я в порядке, прекрати.

Он бросает на меня взгляд и крепче прижимает к себе, обхватывая так, будто каждый человек в поле зрения — враг.

Люди обходят его стороной, пока мы идем к двери, и у входа нас ждет машина. Я

проскальзываю внутрь после того, как Габриэль открывает дверь, и замечаю за рулем незнакомого мне мужчину.

— К дому, — приказывает Габриэль.

Водитель кивает, и, когда он двигается, его куртка немного поднимается, показывая пистолет за поясом.

Я изучаю его еще немного: светловолосый, широкоплечий, чертовски крупный. С татуировками, выглядывающими из воротника рубашки.

Он встречает мой взгляд в зеркале и ухмыляется.

Мое сердце просто замирает.

Он был чертовски страшен.

— Амелия, это Энцо.

Мужчина ворчит. *Ворчит.*

— Он мало говорит, — пожимает плечами Габриэль, откидываясь на спинку сиденья. — На ближайшее время я попросил его присмотреть за тобой.

— Присмотреть за мной? — пискнула я.

Энцо подавляет смех, а я злобно смотрю на Габриэля.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока я не поймаю того, кто это делает... — его глаза переместились на швы на моей голове. — Я не хочу, чтобы ты оставалась одна, а я не могу сейчас доверять новым людям.

— Но ты доверяешь Энцо?

Этот человек казался скорее зверем, чем человеком. Господи Иисусе.

— Да. Я не могу быть рядом все время, поэтому, когда меня не будет, Энцо согласился быть твоим телохранителем.

— Телохранитель. Энцо.

Возможно, моя голова еще плохо работала, потому что я не могла расслышать его правильно.

— Да.

— Зачем мне телохранитель!?

— Нам действительно нужно это обсуждать, *leonessa*?

— Но...

— Ты можешь сразиться со мной позже, — Габриэль поднимает мою руку, проводя большим пальцем по небольшому синяку на том месте, где медсестра делала прокол для капельницы. А затем он шокирует меня, поднося тыльную сторону ладони к губам и нежно целуя ее.

— Я испугался, — шепчет мужчина.

Внезапно перегородка между передним и задним сиденьями начинает подниматься, загораживая Энцо. Габриэль слегка улыбается.

— У ублюдка что-то не в порядке с проявлением чувств, — шутит он.

— Габриэль...

Габриэль поднимает свои огненные глаза, чтобы встретиться с моими.

— Я думал, что потерял тебя еще до того, как ты появилась у меня, Амелия.

— Я в порядке.

Он тяжело вздыхает.

— Прости меня.

— Все в порядке, я прощаю тебя, — поспешно говорю я.

— Я должен был защищать тебя! — он опускает глаза на мою руку, прежде чем поцеловать ее еще раз, затем он поворачивает ее, проводя носом по тонкой коже на моем запястье, следуя за тонкими голубыми линиями вен. — Я не справился.

— Габриэль, — начинаю я.

— Я хочу тебя, Амелия. Я хочу тебя. Ты моя, но этого недостаточно. Мне нужно больше тебя. Но потом я нашел тебя в бассейне, когда ты истекала кровью...

— Ты видел, как люди страдают, Габриэль, со мной все в порядке

— Я видел много дерьма, Амелия. Но я никогда не хочу, чтобы ты снова пострадала.

Он прижимается губами к моей коже.

— Габриэль, — я запускаю пальцы в его волосы. — Я всегда рядом.

Глава 33

Габриэль

Амелия спит, но не в той кровати, к которой она привыкла. Вместо этого я устроил ее рядом с собой, уговорил занять мое место, и теперь она спит под тяжелым одеялом, ее маленькое тело утопает в подушках и простынях.

Я делаю шаг к кровати, но останавливаюсь на месте, услышав детский крик. Линкольн был дома.

У меня было мало опыта общения с детьми, но я знал, что Амелии нужен отдых, поэтому впервые после ранения я оставил ее.

Я застаю маму в комнате, которая безуспешно пытается успокоить очень расстроенного Линкольна. Он бьется и кричит в ее руках, вырываясь.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Ему нужна мама, — говорит она, успокаивая мальчика, как могла. Моя мама лучше всех умела обращаться с детьми: она вырастила меня, брата, а потом и близнецов, когда отец забрал их. Она помогала с детьми моих мужчин, относилась к ним как к родным, к их матерям тоже. Она была семейным человеком до мозга костей, поэтому, когда я наконец смотрю на нее, вижу ее изможденность, потерю борьбы, я понимаю, что она пыталась сделать Линкольна счастливым гораздо дольше, чем это было возможно. Мальчику нужна была мать, и никакие уговоры сейчас этого не исправят.

Амелия была замечательной матерью, это было видно любому, и то, что Линкольну было не по себе без нее, подтвердило тот факт, который я знал с самого начала, что она — лучший человек для моего племянника, лучшая мать.

— Отдай его мне, — требую я, но мама колеблется.

В моей груди зарождается боль от ее недоверия. Я никогда не обижу мальчика, но в глубине души она в это не верит. Моя собственная мать.

— Ему нужна мама.

— И я отведу его к ней.

— Может быть, мне стоит, — говорит моя мать.

Я прожил свою жизнь в тени сомнений. Думая, что смогу управлять городом, что смогу произвести на свет наследника или сделать все правильно.

У всех нас были слабости, и не одна, и любой, кто утверждал обратное, был лжецом.

Мне постоянно приходилось доказывать свою правоту.

Это не было исключением.

— Отдай его мне.

Она внутренне боролась, но в конце концов передала мальчика, держась до последней

секунды. Я не стал ждать, взял его и ушел.

Ему нужна была мама, и я надеялся, что одного ее взгляда будет достаточно.

Никто не идет следом, а ребенок цепляется за меня, его крошечные пальчики хватаются за мою одежду, как за спасательный круг.

Амелия по-прежнему крепко спит, когда я вхожу, свернувшись калачиком под моим одеялом, но Линкольн плачет.

— Она здесь, — говорю я мальчику. — Видишь, вот здесь.

Я показываю ему на спящее лицо, но он все равно плачет.

С тех пор как они приехали, я почти не общался с ее сыном, но было странное чувство, когда в этой комнате был кто-то еще, кроме меня и Девона.

— С ней все в порядке, — шепчу я ребенку. — *Sto bene* (прим. пер — *Все хорошо*).

Большие ореховые глаза поворачиваются ко мне, заполненные слезами. В них было столько эмоций, что я не мог понять, что с этим делать. Но я знал, что уже поздно, что он должен спать, исходя из распорядка дня Амелии, поэтому я постарался сделать все возможное, чтобы воссоздать его.

Я осторожно располагаю его так, чтобы он лежал у меня на руках, замечая все сходство с Амелией в форме его носа, рта, и начинаю раскачивать его вперед-назад, как я видел это раньше.

Он хнычет и хнычет, но слезы замедляются. Я бросаю взгляд на Амелию, проверяя, не разбудил ли ее ребенок, и, когда она продолжает спать, несу малыша к окнам, любясь видом на океан.

Линкольн снова плачет.

— Ш-ш-ш, — успокаиваю я, укачивая ребенка. Он боролся со сном, и я начал петь, не повышая голоса.

Я не знал никаких других колыбельных песен, кроме “Twinkle Twinkle Little Star”, поэтому пою именно ее. Мой голос едва превышает шепот, но этого достаточно, чтобы привлечь внимание мальчика. Он затихает и смотрит на меня, пока я произношу каждое слово. Я пою и укачиваю его, пока он не погружается в сон, а после сижу с ним в кресле, наблюдая за волнами, пока он спит у меня на груди.

В какой-то момент я, наверное, и сам задремал, крепко прижимая ребенка к себе.

Амелия

Это было странное ощущение: оно согревало мою грудь и сжимало живот.

Я старалась не шевелиться и дышать ровно, глядя на то, как Габриэль стоит, раскачивая моего сына взад-вперед на руках. Он так нежно поет для него, пока мой сын смотрит на него так, будто тот повесил луну, маленькие пальчики запутались в его рубашке, глаза опущены от усталости. Мужчина не останавливается, пока ребенок не засыпает, и я все это время наблюдаю за ним, вижу, как он нежен с ним, как внимателен.

Это наполняло меня теплом.

А потом он садится, прижимая Линкольна к своей груди, позволяя ему использовать свое тело как постель, грудь как подушку, и Габриэль крепко прижимается к нему, даже когда я, замороженная видом, наблюдаю, как сам мужчина погружается в дремоту.

Только когда он уснул, откинув голову в сторону, используя спинку кресла в качестве опоры, я приподнялась. На улице было темно, с тех пор как мы вернулись из больницы, я

спала то и дело, но чувствовала себя хорошо, гораздо лучше, чем раньше. Медленно поднявшись с кровати, я опускаю ноги на плюшевый ковер в комнате Габриэля и перехожу к ним, позволяя своей руке погладить голову Линкольна, прежде чем моя рука находит лицо Габриэля. Легкое прикосновение моих пальцев к его коже пронзает меня насквозь.

Как я могла отказывать ему, когда он вызывал у меня такие чувства, остается загадкой. Я осторожно начинаю поднимать Линкольна, но Габриэль тут же просыпается, тянет его назад, готовый защищать моего сына. Он останавливается, как только понимает, что это я, но в его глазах мелькает обида, когда он замечает, что я забираю малыша.

Я нежно улыбаюсь ему, когда он отпускает его, и обнимаю Линкольна одной рукой, а другой тянусь к Габриэлю. Он хмурится, но берет меня за руку, позволяя мне отвести его к кровати. Я осторожно кладу Линкольна рядом с собой и поворачиваюсь к Габриэлю, приподнимаясь на носочках, чтобы поцеловать. Он не прикасается ко мне, его руки сжаты в кулаки, словно он сдерживает себя.

Пока я целую его, я начинаю снимать с него одежду.

— Амелия, — предупреждает он.

— Я ничего не делаю, — шепчу я. — Но ты не можешь спать в кресле.

— Я буду спать в кресле.

— Нет, — целую я его. — Ты будешь спать со мной.

— Отдаешь приказы, жена? — он дразнится с ухмылкой.

— Да.

— Я вернусь, *leonessa*, забирайся в постель.

Он поворачивается и уходит в свою гардеробную, а я забираюсь в постель и жду его. Он возвращается через несколько минут, пара серых треников висит на его бедрах, все его великолепные мышцы и этот чертов гипнотический таз выставлены на всеобщее обозрение. Я едва не проглотила свой язык.

Ни один мужчина не был так идеально сложен, как он.

Я никогда бы не позволила, чтобы между нами что-то произошло, пока Линкольн находится в одной комнате с нами, но я могу полюбоваться этим зрелищем. Он ухмыляется, на его щеках появляются ямочки, которые каждый раз обезоруживают меня.

— Ты уверена? — спрашивает он на краю кровати, колеблясь.

Я киваю и ложусь, поворачиваясь на бок и прижимая Линкольна к своей груди. Свет в комнате гаснет, его вес продавливает матрас, когда он прижимается всем телом к моей спине, его нос упирается в мой затылок, и он вдыхает.

— Ты чувствуешь мой запах? — шепчу я.

— Это также опьяняет, как любой наркотик, *mondo mia*, но в два раза сильнее. Нет ни одной частички тебя, которую бы я не жаждал.

Глава 34

Габриэль

Прошла примерно неделя с тех пор, как Амелия вернулась домой. Напряжение между нами после того, как мы каждую ночь спали в одной постели, было готово вот-вот сорваться. Она без устали дразнила меня в течение дня, но из-за того, что в городе творилось черт знает что, я почти не бывал с ней дома. Мой член был полутвердым уже несколько дней, и я был готов сорваться.

Когда я вернулся домой, было уже поздно, и я обнаружил, что в доме пусто, а мои люди расположились вокруг дома. Энцо стоит у двери моей спальни, кивает мне и уходит.

Амелия и Линкольн, скорее всего, спали внутри, поэтому я тихонько вхожу, пытаюсь придумать план, как мне остаться с ней наедине.

Но когда я захожу внутрь, Амелии там нет, как и ее сына.

— Амелия?

Я быстро осматриваюсь и обнаруживаю, что дверь в ванную приоткрыта, а изнутри доносится журчание воды.

Я стучу.

— Амелия?

— Входи.

Я ожидаю того, что обнаруживаю. Амелия откинулась на спинку ванны, ее темные волосы перекинулись через бортик, пузырьки покрывают тело. Ее глаза закрыты, а кожа блестит от тепла и пара.

Я сглатываю. С трудом.

— Где Линкольн? — выдавливаю я из себя, хватаясь за трюмо и сжимая его.

— Твоя мама помогла мне устроить его в новой комнате. Он спит.

Она говорит это так бесстрастно, даже не открывая глаз.

— Его здесь нет?

И тут же барьер, отделявший меня от нее, исчез.

Она покачала головой.

— Я попросила одного из твоих людей присмотреть за его дверью, надеюсь, ты не против

— Амелия, — прорычал я.

— Да, Габриэль?

— Мы одни?

— Угу, — она слегка шлепнула рукой по воде.

— Вылезай из ванны.

Она ухмыляется.

— Не думаю, что выйду.

— Амелия.

— Выключи свет.

— Зачем?

Девушка поворачивает голову ко мне, ее глаза темные, а улыбка все еще играет на ее красивых губах.

— Если хочешь, чтобы я вышла из ванны, выключи свет. Полностью.

— Ты стесняешься?

— Пожалуйста.

— Я хочу видеть тебя, Амелия, всю тебя.

Она не вылезает из воды, и я не стал ее заставлять. Не сводя с нее глаз, я наклоняюсь к выключателю и выключаю его, погружая ванную в темноту.

— И в спальне тоже.

Я отступаю назад и наклоняюсь, выключая свет.

Только когда наступила крошечная тьма, я наконец услышал, как Амелия встала. Голая, она была великолепна, чертовски красивая, мокрая и прямо здесь. Даже не видя ее, я почувствовал, как она движется ко мне, воздух зарядился электричеством и напряжением. Мои пальцы впились в ладони.

Она остановилась передо мной, оставив между нами всего один дюйм.

— Поцелуй меня, Габриэль.

Я срываюсь с места, бросаюсь к ней, впиваюсь в ее рот и требую открыть его языком. Она немедленно отвечает поцелуем на поцелуй, ее руки тянутся к моей рубашке, притягивая меня ближе. Мой член набухает, упираясь в брюки, и я двигаюсь вперед, давая ей почувствовать, насколько я возбужден для нее.

— Ты, блядь, моя, — прорычал я ей в рот. — Моя.

Она хнычет, когда я силой вытаскиваю нас обоих из ванной и возвращаю в комнату. Мои руки касаются и чувствуют каждую ее часть, обследуя ее кожу, ее изгибы, впадины и края. Она опускается на матрас, когда я устраиваюсь между ее ног и целую, двигаясь вниз по телу, облизывая ее грудь, перекатывая сосок между зубами.

— О Боже, пожалуйста, — умоляет она.

— Не торопи меня, *leonessa*, — прошептал я, опускаясь между ее ног, где лизнул ее киску, и ее вкус застыл на моем языке. Она вскрикнула, когда я зарылся лицом между ее бедер, облизывая, посасывая, пробуя ее всю. Я просовываю внутрь палец, затем другой, трахаю ее рукой, растягивая и подготавливая к приему моего члена.

— Думаешь, сможешь выдержать еще? — я говорю, обдавая дыханием ее чувствительную плоть. — Ты такая чертовски тугая, Амелия. Ты уже намочила мою руку.

— Господи Иисусе, — стонет она, выгибая позвоночник.

— Блядь, какая ты хорошая девочка, — я целую ее клитор и медленно ввожу третий палец, чувствуя, как сокращаются ее мышцы.

— Чувствуешь, как хорошо ты меня принимаешь?

— Габриэль, — простонала она. — Блядь.

Я ввожу в нее все три пальца, слизывая влагу, пропитавшую мою руку и ее киску.

— Скажи мне, как сильно ты этого хочешь, — рычу я.

— Габриэль, пожалуйста, — стонет она. — Не останавливайся.

Мне нужно было оказаться внутри нее. Сейчас.

Она хнычет, когда я отстраняюсь и раздеваюсь, снова опускаясь между ее бедер.

— Откройся для меня пошире, — требую я, помогая раздвинуть ее ноги. Одна рука проскальзывает под ее попку, приподнимая ее с кровати, а другая направляет головку моего члена в ее вход. Я резко подаюсь вперед и дергаю ее на себя, заполняя полностью. Ее крик похож на музыку.

Я двигаю бедрами, не вынимая полностью член, и сталкиваю наши тела вместе, мои пальцы впиваются в ее плоть до синяков. Она стонет при каждом движении, ее мышцы сжимаются и пульсируют вокруг моего члена.

— *Dio (прим. пер. — Господи)*, — прошептал я. — *Dio (прим. пер. — Господи)*, внутри тебя так чертовски хорошо, *leonessa*. Так чертовски хорошо.

— Габриэль! — она выкрикивает.

— Вот так, зови меня по имени, блядь, — хвалю я, выходя и снова вгоняя в нее.

Ее ногти впиваются в мою кожу, когда она хватается меня за запястья, а я продолжаю трахать ее. Боже, она была у меня всего одну ночь, но я скучал по ней. Я так чертовски скучал.

Я медлю, осознавая это. Нежно, не давая себе кончить, я прижимаю ее к кровати, накрывая своим телом, нуждаясь в большем контакте, нуждаясь в каждом сантиметре ее тела, прижатого ко мне. Я целую ее, вжимаясь в нее бедрами, и каждая наша часть

соприкасается. Ее ноги обхватывают мою талию, и я глубоко погружаюсь в нее, вжимаясь своим тазом.

— Ты создана для меня, *mondo mia*, каждый атом тебя — мой.

— Это слишком много, — шепчет она, задыхаясь.

— Этого недостаточно.

— Я не могу, — задыхается она.

— Ты можешь, детка. Ты можешь. Почувствуй меня. Почувствуй это, — я целую ее. — Почувствуй, что я делаю и что ты делаешь со мной, — я снова двигаюсь вперед. — Ты сводишь меня с ума, Амелия. Ты мне нужна.

Это не было тем, что я ожидал. После того, как я был без нее, я хотел трахнуть ее жестко и быстро, я хотел оставить на ней свой след, втереть его в ее кожу, чтобы она чувствовала меня днями. Но *это* было медленно и эйфорично. Это было заявлением о своих чувствах, но по-другому.

Ее ногти впивались в мою кожу, ее киска пульсировала вокруг моего члена.

— Кончи для меня, *leonessa*, — целую я ее. Мой язык двигается в том же темпе, что и бедра, и когда она кончает подо мной, ее тело напрягается, а стенки ее киски сжимаются вокруг моего члена, я пробую его на вкус, сглатываю стоны и вздохи ее оргазма.

Ее кульминация вызывает мою собственную, яйца напрягаются, а член набухает.

— Я собираюсь кончить, *cazzo* (*прим. пер. — черт*), — рычу я.

— Да! — она стонет, обхватив меня ногами, чтобы удержать внутри себя.

Я впиваюсь зубами в ее шею, опустошая себя, и стону, оттягивая каждую секунду.

Я удерживаю свой вес, тяжело дыша, прежде чем поднять голову и поцеловать ее в линию челюсти.

— Ты в порядке?

— Да, — шепчет она, запуская пальцы в мои волосы и притягивая меня к себе, целуя. — Еще.

Я усмехаюсь ей в ответ.

— О, я намерен, это сделать еще много раз, *mondo mia*.

Глава 35

Амелия

Удовольствие проникает в меня, бедра сжимаются, и я медленно просыпаюсь ото сна. Сонно опустив взгляд, я обнаружила темные волосы Габриэля между моих ног, рубашку, которую я украдала у него, чтобы спать в ней, приподнятой, его большие руки держат мои ноги врозь.

— Господи, — простонала я, грубым от сна голосом, желая большего, когда он провел языком по моему клитору и осторожно просунул палец внутрь.

Его смешок вибрирует на моей плоти, прежде чем он продолжает.

— Вот так, — похвалила я. — Вот так.

— Какая же ты жадная, грязная девчонка, — Габриэль поднимает на меня глаза, его рот испачкан моим возбуждением, когда он нависает над моей киской. Его палец все еще зарыт внутри меня, и он держит его неподвижно.

— Скажи, пожалуйста.

Он дует на мой чувствительный клитор.

— *Пожалуйста*, — удается мне выдохнуть.

— Хорошая девочка, — хвалит он, награждая меня долгим, чувственным движением

языка, но затем отстраняется от меня, поднимаясь вверх по моему телу, чтобы поцеловать мой рот. Я чувствую свои соки на его губах — мускусный привкус, который мне совсем не противен. Он трется об меня своим твердым членом, а потом вдруг переворачивает. Мои ноги обхватывают его пресс, и он злобно ухмыляется, дергая меня за бедра, чтобы заставить подняться по его телу.

— Что ты делаешь? — вздохнула я, пытаюсь успокоить дыхание и пульсацию между ног, которая никак не проходила.

— Ты сядешь мне на лицо, *leonessa*, — приказывает он. — И возьми то, что хочешь.

Мои глаза расширились.

— Я не могу этого сделать, ты задохнешься!

Он усмехается.

— Мне не нужен воздух, когда у меня во рту твоя восхитительная киска.

Господи, его грязный рот будет моей смертью.

Мои щеки пылают, когда он продолжает двигать меня, его взгляд сосредоточен между моими ногами, пока я не нависаю над его губами.

— Сядь, — требует он. — Я сказал сядь на мое гребаное лицо, а не виси, — его голос становится приглушенным, когда его руки пробираются к моей талии и силой заставляют меня сесть. Его язык вонзается в меня, и я вскрикиваю от этого ощущения, пытаюсь ухватиться за изголовье кровати, чтобы не упасть.

Я не могу остановить движение бедер, не могу остановиться, когда он трахает меня своим языком, его пальцы сжимают меня до синяков.

— О Боже!

Он неумолим и не останавливается, доводя меня до оргазма тяжело и быстро. Я вскрикиваю, когда кончаю, бедра вяло подрагивают. Он облизывает меня последний раз, прежде чем мягко оттолкнуть от себя

— Завтрак чемпионов, — ухмыляется он.

Я раздражаюсь смехом, не в силах его остановить, и отползаю в сторону, ложась на подушку.

— Мне нужно больше этого, — он пристально смотрит на меня. — Твоего смеха.

Его пальцы убирают мои волосы с моего лица, глаза становятся мягкими, когда он целует меня и поднимается с кровати, поправляя свой все еще твердый член. Я тянусь к нему, но он отстраняется от меня с ухмылкой.

— Одевайся, *tondo mia*, встретимся за завтраком, — он исчезает в ванной комнате, закрывая ее за собой. Я все еще улыбаюсь, когда через тридцать минут спускаюсь вниз, свежесмытая и одетая. Габриэль сидит за столом, Линкольн устроился у него на коленях.

Прошла неделя с тех пор, как я разрешила Линкольну иметь свою собственную комнату, Камилла помогла обустроить ее и выкрасила в голубой и желтый цвета, с игрушками и книгами, с собственным местом для его свежей одежды. Это была мечта.

Теперь он ни в чем не нуждался, и Габриэль активно пытался заниматься с ним, играть с ним, помогать ему заснуть или успокаивать его, когда он плакал.

Линкольн с удовольствием хрустит тостом.

Я сажусь напротив них, передо мной стоит тарелка с яичницей и беконом на пару, а сбоку — свежесваренный кофе. Я беру его первым.

— Я хочу, чтобы ты научилась плавать, — говорит он после нескольких минут молчания.

— Что?

— Я хочу научить тебя плавать.

— Габриэль...

— Я не приму “нет” в качестве ответа, Амелия. Тебе нужно научиться плавать, и я научу тебя. Здесь, в моем бассейне, будем только мы.

— Когда?

— Мы начнем сегодня. Моя мама возьмет Линкольна на несколько часов в парк.

Казалось, что инцидент в бассейне произошел не несколько недель назад, а целую вечность назад, но я все еще помнила его, страх, панику, и знала, что Габриэль не скоро это забудет.

Дело было не только в плавании. Мой страх перед водой коренился глубоко в моих воспоминаниях: как я чувствовала себя, когда тонула снова и снова, когда жестокие руки в наказание заставляли меня опускаться под воду. Он держал меня под водой до тех пор, пока не чувствовал, что я начинаю захлебываться, и перед тем, как я теряла сознание, он вытаскивал меня обратно, давал мне отдышаться, а затем заставлял снова погрузиться под воду.

Я боролась с ним. Каждый раз, но он был сильнее, больше...

Его издевательства надо мной не знали границ. Моя мать, хотя и не была лучшей матерью, никогда не обижала меня и не позволила бы ему этого сделать, но после ее смерти суд признал отчима моим законным опекуном, а он был злобным ублюдком. Издевательства начались в тот же день, когда мы положили тело моей матери в землю.

Сначала это было эпизодически. Раз в неделю он бил меня, швырял, но, похоже, он получал от этого удовольствие, и поэтому это стало более регулярным. Однажды я попыталась убежать, но меня нашли, и в конце концов он запер меня в доме, чтобы я была его постоянной грушей для битья. На мне не осталось ни одного сантиметра без синяков, и когда бить стало скучно, он перешел к порезам, нанося удары ножом или ножницами, в основном по рукам, спине. Об меня тушили сигареты, меня стригли и дергали за волосы. Он топил меня. Часто.

Когда мне исполнилось шестнадцать, он решил, что может получать от меня деньги. Продал меня своим друзьям, чтобы они меня использовали. Это продолжалось так долго, что стало нормой. Это было то, к чему я привыкла.

У меня не было друзей, мне не к кому было обратиться. Я уже обращалась в полицию, но они ничего не сделали. Там никого не было. Пока я не забеременела Линкольном и не поняла, что должна спастись сама, чтобы спасти его.

— Амелия? — спрашивает Габриэль. — О чем ты только что думала?

Я сглотнула, пытаюсь выбросить из головы воспоминания.

— Ни о чем.

Я скрывала от всех насилие над собой, носила длинные рукава и одежду, скрывающую спину, чтобы спрятать шрамы. Мне было стыдно за свое прошлое. Стыдно за то, что я не сделала ничего, чтобы спасти себя, пока у меня не появился сын.

Стыдно за то, что я позволила кому-то сделать это со мной, и стыдно за то, что я до сих пор позволяю этой травме управлять большей частью моей жизни.

Но теперь я открыла колодец воспоминаний, щелкнула замком на шкатулке и не могла остановить их. Не могла остановить вспышки в моем сознании. Я слышала, как Габриэль зовет меня по имени, но и лица насильников тоже, их маниакальный смех, когда я умоляла

их остановиться, как пахло, когда сигарета прожигала дыру в моей коже, как я задышалась каждый раз, когда он вытаскивал меня из воды за волосы, оттягивая их так сильно, что казалось, будто он вырвет их прямо руками.

— Амелия!

Я вскочила, обнаружив, что мои ногти впиваются в дерево стола, а из одного капает кровь, потому что я так сильно давила. Я даже не почувствовала боли.

Энцо появляется рядом с Габриэлем, смотрит на меня, голова наклонена, брови нахмурены, как будто он может заглянуть прямо в мой мозг и выудить оттуда эти мысли.

— Я в порядке, — я хрипло шепчу, качая головой. — Извини, замечталась.

Челюсть Габриэля крепко сжалась, даже Линкольн на его коленях перестал двигаться, его невинные глаза уставились на меня. В моей груди стало тесно, горло сжалось. Габриэль встает, передает моего сына Энцо, а после обходит стол, подходит ко мне и поднимает руку.

От свежих воспоминаний я вздрагиваю, независимо от того, знаю я или нет, что он никогда бы не причинил мне такой боли.

Он замирает.

— Ты расскажешь мне, — мягко требует он. — Ты расскажешь мне, что с тобой случилось.

Но я не могу дышать. Я открываю рот, чтобы сказать это, зная, что это паническая атака, которой я страдаю уже много лет.

Я бросаюсь к Габриэлю, хватаю его своими окровавленными пальцами, размазывая кровь по рукаву его белой рубашки.

— Н-не могу дышать! — я заикаюсь между сбивчивыми вдохами. — Не могу.

Моя одежда была слишком тесной, рубашка на спине жгла кожу. Мне нужно было ее снять.

— Уведи его! — Габриэль кричит, но я не понимаю о ком он, слишком растерянная, пытаюсь встать, и вместо этого опускаюсь на пол, Габриэль падает вместе со мной. — Отнеси его к моей матери, Энцо. Уходи сейчас же!

— Я н-не могу дышать, — задыхаюсь я.

Вода заполняла мои легкие, душила меня. Она была ледяной и грязной, такой мутной, что я ничего не могла разглядеть. От нее щипало глаза. Я боролась.

— *Убери это!* — слышу я свой крик, но это не так, это в моей голове. — *Слезь с меня!*

Я втягиваю воздух, но он был слишком тугим. Все было слишком туго.

— Амелия! — Габриэль. Это был Габриэль.

Он топил меня? Нет. Он не причинит мне вреда. Не причинит.

— Сними это! — умоляю я. — Я не могу дышать.

— Что, Амелия? Что снять?

— Мокрую одежду! — я плачу, стряхивая его руки с себя, чтобы вцепиться когтями в собственную рубашку.

— Ты не мокрая, Амелия, — пытается сказать он.

— Я мокрая!

Мне удастся снять ее, снять одежду, но этого недостаточно. Я пытаюсь снять еще, но меня внезапно обнимают, толстые руки обхватывают меня, удерживая на месте. Я кричу. Слишком сильно. Это было слишком.

— Амелия, детка, послушай меня, — это был он. — Послушай меня!

Я дергаюсь, сердце так сильно колотится в груди, что кажется, будто оно выпрыгнет

прямо из грудной клетки.

— Послушай меня, Амелия, — раздается его голос у моего уха. — Я держу тебя. Я держу тебя.

— Больно, — хнычу я.

— Я знаю, детка, но ничто больше не может причинить тебе боль. Никогда больше. Я держу тебя.

Тяжесть сваливается с моей груди, и я втягиваю воздух, втягивая его в легкие.

— Вот так, дыши за меня. Дыши, я рядом. Ты в безопасности.

— Габриэль, — я прижимаюсь к нему, слезы стекают по моим щекам, пачкая его рубашку. Он держит меня на коленях, прижимая к себе, гладя руками по волосам, по спине.

Я не знаю, сколько времени мы так сидим, сколько он держит меня, пока я тихо всхлипываю ему в грудь, но он не отпускает меня. Он шепчет и успокаивает, гладит меня, пока я успокаиваюсь, и мое дыхание приходит в норму.

— Я в порядке, — шепчу я.

Я отталкиваюсь от него, приходя в себя и пытаюсь понять, почему это произошло. Я стараюсь не думать слишком много, поскольку я чувствовала себя хрупкой, как будто любая мелочь может толкнуть меня обратно за край.

Почувствовав за спиной Габриэля, я потянулась к краю стола, чтобы встать. С минуту я стою на месте, приходя в себя и втягивая в легкие чистый воздух.

Я слышу, как Габриэль встает за моей спиной.

Я была благодарна ему, благодарна за то, что он был рядом, но не знала, как это объяснить.

Я не знала.

Каждый волосок поднялся на моем теле, мурашки побежали по коже при звуке его голоса. В его тоне сквозили насилие, ярость, голос был низким и опасным, и все, что он сказал, это: — Кто? — я сглотнула. — Кто сделал это с тобой? — спрашивает он.

Я не двигаюсь с места, а потом понимаю, что теперь он видит шрамы. Следы, покрывающие мою кожу на спине, руках и животе.

— Амелия? — он рычит. — Кто, черт возьми, тебя обидел?

Медленно, как будто он опасный зверь, я поворачиваюсь к нему лицом. Его грозное выражение лица выбивает из моих легких воздух.

— Габриэль...

— Кто!? — требует он.

— Мой отчим.

Его челюсть сжалась.

— Он еще жив?

— Да.

Он поворачивается, чтобы уйти, но я бросаюсь за ним.

— Габриэль, подожди!

— Я собираюсь убить его.

Он говорит это таким спокойным тоном, что невозможно не заметить обещание насилия в его словах. У меня кровь стынет в жилах.

— Не оставляй меня! — он замирает. — Пожалуйста, не надо.

— Ты хочешь защитить его? — спрашивает Габриэль, все еще стоя спиной ко мне.

— Нет, нет, не хочу. Мне все равно, что ты с ним сделаешь, но ты мне нужен сейчас.

Его плечи опускаются, а затем он поворачивается ко мне и хватает меня. Он притягивает меня прямо к своей груди, зарываясь лицом в мои волосы.

— Никто никогда больше не обидит тебя, слышишь? Я никому не позволю обидеть тебя. И сам я никогда не обижу тебя.

— Я знаю.

— Я убью любого, кто посмеет.

— Я знаю, Габриэль.

Он легонько отталкивает меня назад, пристально вглядываясь в мое лицо, а затем в мое тело. Я пытаюсь прикрыться, но он останавливает мои руки.

— Не прячься от меня, *leonessa*, не прячься.

В его лице не было осуждения, не было ничего, что говорило бы о том, что ему не нравится то, что он видит. Он потянулся к маленькому шраму на моем животе и нежно провел по нему большим пальцем. Я не часто смотрела на себя, мне не нравилось то, что я видела, но Габриэль... он смотрит на меня так, будто готов упасть на колени и поклониться мне прямо здесь.

— *Sei Bellissima*, — прошептал он. — *Ты прекрасна.*

Глава 36

Габриэль

Уже давно закончился день, а моя жена крепко спит рядом со мной. Она была эмоционально истощена после того, что произошло сегодня утром: паническая атака, а затем ее разговор со мной, повторное переживание травмы, чтобы я понял, что с ней произошло.

Мне удалось сдержать свой гнев, но теперь он сидит во мне, гноится, как незажившая глубокая рана. Она хотела, чтобы я остался с ней, я бы так и сделал, но я не мог уснуть, к тому же Энцо и Девон разыскивали ее отца, выясняя о нем все до мельчайших подробностей.

Этот ублюдок был пьяницей и наркоманом, он каждый вечер спускал деньги на ветер, либо вставлял их в нос вместе с кокаином, и жил в разваливающемся трейлере на окраине города. Его приятели были не лучше.

Я жалел, что я не догадался, чтобы сосчитать каждый шрам на теле Амелии, каждую рану, нанесенную этим ублюдком, чтобы нанести ему столько же, но я не сделал этого, поэтому собирался угадать.

Медленно, чтобы не разбудить ее, я поднимаюсь с кровати и одеваюсь, натягивая на себя темную одежду. Я хотел разобраться с ним в одиночку.

Энцо встречает меня у спальни, кивает и занимает позицию, чтобы присматривать за ней и ее сыном, пока меня не будет. Мои ботинки цокают по тихому дому, эхом разносятся по коридорам, и я не останавливаюсь, пока не залезаю в машину, нажимаю на кнопку и жду, пока откроются ворота гаража. Передо мной расстилается темный океан, грохот волн слышен даже из машины, как будто бурные волны отражают мое настроение.

Грозное. Громкое. Жестокое.

Руки чешутся уничтожить.

Калечить, мучить, *убивать*.

Ее паника, ужас, который я видел в ней, и то, как она буквально на моих глазах пережила кошмар прошлого, — все это из-за того, что сделал с ней этот ублюдок.

Он топил ее.

Мои пальцы сжали руль, костяшки пальцев стали белыми от натяжения, вызывая дрожь. Езда по городу, хотя и спокойная, ничего не делает с яростью, которая пылает во мне, становясь все больше. Нетронутые здания превращаются в гниющие оболочки, но уже совсем скоро мои шины хрустят по гравию перед его трейлером.

Он здесь совсем один, думаю я, глушу двигатель и вылезая наружу. У меня с собой был один пистолет. Никакого другого оружия. Я хотел почувствовать его смерть на своих руках.

В трейлере было темно, дверь была приоткрыта после того, как он, без сомнения, зашел туда несколько часов назад. Я не знаю, что он делал теперь, когда у него не было Амелии, и, судя по тому, что она мне сказала, он получал удовольствие от ее боли.

Я быстро осматриваю трейлер, затем направляюсь к двери, осторожно открываю ее и закрываю за собой. Внутри пахнет несвежим пивом и гниющей едой, на испачканных стенах пятна мочи и чего-то еще. Неужели здесь росла Амелия?

Выброшенные шприцы и старые бутылки валялись на полу, а на треснувшем стеклянном столике перед телевизором лежало еще больше мусора.

В гостиной его не было, но дальше была дверь, ведущая, видимо, в спальню.

Это было слишком хорошо, слишком просто, но я уже встречал таких мужчин, был рядом с ними всю свою жизнь. Они были предсказуемы. Они считали себя самыми большими хищниками в этой игре.

Они ошибались.

Я не стал сразу входить в комнату, а вернулся на улицу, нашел ведро, мимо которого проходил раньше, и наполнил его водой из крана, не шумя, чтобы не разбудить его. Вернувшись внутрь, я сохраняю тишину, пока не оказываюсь над его голой задницей.

Он полулежал, полусидел на кровати, пот покрывал его волосатую грудь, и он храпел. Запах, исходящий от него, соответствовал запаху трупа, только вот это было живое существо, которое предпочло жить в грязи, вместо того чтобы помыться.

Меня от него тошнило. Я ставлю ведро на пол, приходя в себя, позволяя себе ясно увидеть боль Амелии. Ее страх.

А потом я делаю шаг вперед. Я хватаю его за волосы на затылке и рывком стягиваю с кровати, погружая его лицо в ледяную воду, прежде чем он успевает опомниться.

Он бьется в конвульсиях, но я держу его в ведре, удерживая его лицо под водой до последней секунды, прежде чем вытащить его обратно, наклоняясь так, что мой рот оказывается возле его уха.

— Ну как тебе, ублюдок?

Он шокировано вдыхает, но затем я снова погружаю его в воду.

Его руки хватаются за мои ноги, и я понимаю, что это лишь вопрос времени, когда он опрокинет ведро, но до тех пор я буду продолжать.

Вода хлещет по полу, но я успеваю окунуть его еще три раза, прежде чем ведро переворачивается. Я опускаю мудака на пол лицом вниз, надавливая ногой на затылок, чтобы удержать его там.

— Кто ты?

— Твой худший кошмар, — прорычал я.

Я достаю пистолет и приставляю к его затылку, пока трус хнычет.

— Скажи мне, — говорю я. — Тебе нравилось, когда она кричала? Когда она плакала?

— Кто? — он спрашивает.

— Она все еще страдает из-за тебя, — подошва моего ботинка давит сильнее, вдавливая

его лицо в ковер. — Ты должен был защищать ее, а вместо этого ты причинил ей вред. Ты сломал ее! — я реву.

— Ты говоришь об Амелии? — его голос приглушен, но я его слышу.

Я бью его. Сильно.

— Никогда больше не произноси ее имя! — пока он все еще хнычет, я тяну его вверх и заставляю сесть, держа пистолет у его головы. — Ты никогда больше не произнесешь имя моей жены.

— Жены? — он сплюнул. — Ха, удачи с этой шлюхой!

Я бью его пистолетом по лицу, рассекая щеку.

— Ей нравилось, — продолжает он. — Нравилось, когда мои мужчины платили больше, чтобы трахнуть ее. Ей нравилось, когда я резал ее красивую кожу.

Мне хотелось взорваться и убить его. Очень, блядь, хотелось. Но я этого не сделал.

Вместо этого я улыбнулся ему, и что-то в этой улыбке, должно быть, напугало его до смерти, потому что он обмочился прямо здесь. Я протягиваю руку к шкафу и беру пустую пивную бутылку за горлышко.

Он смотрит на нее, потом снова на меня.

— Ч-что эт-то з-з-значит, — заикается он. — Она уже давно ушла отсюда.

— Ты думаете, это пройдет? — спрашиваю я, взвешивая бутылку. — Травма от ее насилия.

— Сука заслужила это, — в словах есть яд, и я уверен, что он так и думает, но они выходят слабыми.

— Ты знаешь, кто я? — он качает головой. — Меня зовут Габриэль Сэйт, — я не свожу глаз с его лица, упиваясь тем, как он бледнеет. — Полагаю, ты слышал обо мне, — он кивает. — Ты знаешь, что я делаю с теми, кто причиняет вред моей семье?

— Она не твоя семья.

Я смеюсь.

— Вообще-то здесь ты ошибаешься. Видишь ли, я уверена, что ты знаешь, у Амелии есть ребенок. Сын. Этот мальчик — мой племянник, а мой брат — его отец, — мужчина моргнул. — К сожалению, мой брат погиб некоторое время назад, но она стала семьей, как только забеременела. И теперь она моя жена. Моя. Жена. Пусть это на мгновение запомнится, — я слышу, как он сглатывает, но ничего не говорит. — Итак, я спрошу еще раз: знаешь ли ты, что я делаю с людьми, которые причиняют вред моей семье?

— Ты их убиваешь

— Да, но с тобой будет не так просто.

Он пытается двинуться, но я разбиваю бутылку, останавливая его в ужасе. Хорошо. Надеюсь, он напуган. Надеюсь, он вспоминает все, что он сделал, и воображает все, что сделаю я.

— Я не просто убью тебя, я сделаю это медленно.

— Пожалуйста, — умоляет он. — Я уеду из города. Я никогда не буду говорить об этом.

Я смеюсь.

— Сейчас уже поздно для этого.

Я делаю это быстро, чтобы его одурманенный наркотиками мозг не успел среагировать, и провожу острым краем бутылки по его груди, разрезая плоть.

Он кричит, и я делаю это снова. И еще раз. И еще раз.

Я делаю это до тех пор, пока его торс не покрывается красными полосами, кровь течет

из каждого пореза, как кровавая река, на ковер. Если бы я продолжил, он бы умер из-за таких глубоких ран, но я не собирался облегчать ему смерть.

— Думаю, этого хватит за все те разы, когда ты ее резал, верно? — он хнычет, едва приходя в сознание. — Итак, что дальше? Поджигание? Избиение? Мы уже топили тебя, но мне кажется, что этого было недостаточно.

Я был весь в его крови, она прилипла к моей коже, но ее было мало. Я знал, что скоро взойдет солнце, и хотел вернуться до того, как проснется Амелия.

— Ты отнял у меня слишком много времени, — я вздохнул и подошел к нему с бутылкой, вонзая ее в живот, а затем поднимая вверх, вскрывая его.

Она была достаточно острой, чтобы разрезать плоть, но все же на какое-то мгновение я пожалел, что не взял свои инструменты для пыток.

После чего я встал и выпустил несколько патронов в его торс и грудь, опустошив обойму.

Он был мертв задолго до того, как его тело упало на пол. Для пущей убедительности я отрезаю его вялый член и засовываю его ему в горло.

— Этого хватит, — говорю я его истекающему кровью телу. — Твой долг с Амелией погашен.

Я выхожу из трейлера и достаю носовой платок, чтобы вытереть кровь с рук.

Небо светлело, но рассвет еще не наступил.

Когда я добрался до дома, солнце только-только вошло над спокойными водами за скалами. Моя одежда заляпана кровью, кожа стянула.

Энцо стоит неподвижно, как статуя, когда я подхожу к нему, но его взгляд перемещается по мне, вглядываясь в пятна крови.

Когда я собираюсь пройти мимо него, он хватается меня за плечо, заставляя повернуться к нему.

Он кивает один раз, а затем хлопает себя кулаком по сердцу.

Уважение.

Я дважды шлопаю его по плечу, говоря: —Иди отдыхай, брат.

Не дожидаясь, пока он уйдет, я тихо вхожу в комнату, глазами нахожу спящую Амелию и, обойдя кровать, направляюсь в ванную, по пути раздеваясь. Вода мгновенно становится теплой, когда я ступаю под душ, склонив голову, наблюдая, как кровь стекает с моей кожи.

Позади меня раздается щелчок, затем дверь душевой кабины открывается, и теплое обнаженное тело прижимается к моему.

— Тебя не было, — она шепчет мне в мокрую кожу.

— Я должен был.

— Я знаю.

Она была обнажена. По своей воле. При включенном свете.

Храбрость этой женщины поразила меня, поставила на колени.

Я медленно поворачиваюсь, прекрасно зная, что вся кровь не сошла с моей кожи, уверенный, что она видела это раньше, но на этот раз эта кровь была ради нее.

Ее глаза вглядываются в мое лицо, затем в тело, находя каждое пятнышко багрового цвета, прежде чем она поднимает руку и проводит большим пальцем по моей щеке.

— Можно мне посмотреть? — прошептал я.

Ее рот приподнимается в маленькой, мягкой улыбке.

— Да, Габриэль, ты можешь посмотреть.

Глава 37

Амелия

Его ореховые глаза прыгали между моими, его тело, его прекрасное, смертоносное тело было в пятнах крови, но все это не имело значения. Даже когда я знаю, куда он пошел и что он сделал.

Мне было все равно.

— Я собираюсь прикоснуться к тебе, Амелия.

Я киваю в знак согласия.

Его глаза опускаются, он делает шаг назад, губы приоткрываются.

— Ты так прекрасна, — прошептал он.

Его взгляд не оставляет равнодушным ни один мой сантиметр. Он вбирает в себя всю меня, мою грудь, соски, которые, несмотря на тепло, торчат вверх, мягкий изгиб моего живота и разворот бедер. Он смотрит на мою киску, на мои ноги, на мои руки, он смотрит на меня так, словно я богиня, подаренная только ему. А потом он прикасается. Так нежно, никогда не задерживаясь на одном месте слишком долго. Сначала это руки, затем талия, где он нежно сжимает изгибы и спускается к бедрам, а затем он движется вверх, к животу и нескольким шрамам, к растяжкам, вызванным вынашиванием ребенка, которые я любила больше всего. Его пальцы пробегают по ребрам грудной клетки, затем следуют по левой и правой груди, пока не прижимается к моему сердцебиению

— Смелая, — шепчет он, вода из душа течет реками по его коже, капельки воды задерживаются на длинных темных ресницах и по краям рта. — Ты поражает меня, *leonessa*.

Сердце заколотилось в груди, дыхание вырывалось из легких.

— Научи меня плавать.

Я доверяла ему. Всей душой.

Он кивает.

— Научу.

Несколько минут он не прекращает прикосновений, исследуя рукой кожу и мышцы.

— Можно?

Я киваю.

Он приседает, наклоняется вперед и целует шрам на левой стороне моих ребер, затем еще один посередине. Он целует каждый шрам, который находит, прежде чем его рот оказывается на вершине моих бедер. Я уже была вся мокрая, но этого маленького целомудренного поцелуя хватило, чтобы тепло разлилось по всему телу.

— Повернись, Амелия, — я повинуюсь. — Руки на стену.

Я опускаю ладони на плитку, и уязвимость положения заставляет меня напрячься.

Его рука гладит меня по позвоночнику.

— Посмотри на себя, *mondo mia*, — хвалит он. — Ты такая хорошая девочка для меня.

— Что... ч-что это значит? — заикаясь, произнесла я.

— *Mondo mia*? — говорит он, прижимаясь поцелуем к моему позвоночнику. — Это значит "мой мир", — слезы застилают мне глаза при переводе. — Со мной ты в безопасности.

— Я знаю, Габриэль, — признаюсь я. — Я всегда знала.

Он наклоняется к моей спине, прижимаясь ко мне своим телом.

— Мне приятно это слышать.

Как может безжалостный мафиози быть таким милым?

Головка его члена толкается у входа в мою киску, дразня.

— Сейчас я буду трахать тебя, Амелия. — говорит он мне. — Сильно.

— Хорошо, — только и успеваю вымолвить я, прежде чем он резко подается вперед, заполняя меня.

Мой крик смешивается с его стоном, его бедра замирают, пока он глубоко погружается в меня.

— *Cazzo*, — бормочет он. — *Cazzo, cazzo, cazzo* (прим. пер — *Черт, черт, черт*).

Он не перестает прикасаться ко мне, впиваясь в меня сзади. Его бедра бьются жестко и решительно, каждый толчок дергает меня вперед, угрожая сломать, но я терплю.

— Ты создана для меня, — задыхаясь, произносит он. — Посмотри, как хорошо мы подходим друг другу.

— Габриэль, — повторяю я его имя.

— Это мое имя на твоих губах, *leonessa*, мое. Ты моя.

— Да! Черт, да.

— Блять, — простонал он. — Такая тугая. Такая идеальная.

Одна рука покидает мое тело и тянется между ног. Я ожидаю поглаживания, ласки. Но не ожидаю шлепка.

Стон, который вырывается у меня, кажется несносно громким, а его усмешка, этот чертов смех, возбуждает еще больше.

Он обводит пальцами мой клитор, вбиваясь в меня, трахая меня жестко. Я знаю, что кричу громко, я слышу, как эхо отражается от стен, но я не могу остановиться.

— Кончи для меня, *leonessa*.

Я понятия не имела, что приказ — это нормально, но я рассыпалась вокруг него и сильно кончила. Сильнее, чем когда-либо прежде. Звезды вспыхивают у меня перед глазами, и я клянусь, что на секунду теряю сознание, но он продолжает трахать меня, вытягивая новый оргазм, а потом еще и еще. Я бью когтями по кафелю, не обращая внимания на боль в пальце, который я повредила до этого, в пользу чистого экстаза, пронизывающего меня сейчас.

Я выкрикиваю его имя, впиваюсь ногтями в его кожу, но он продолжает, пока его тело не начинает дрожать, входя в меня. Мое имя звучит на его губах, его пальцы прижимают меня к себе, когда оргазм вырывается из него. Мы стоим так несколько минут, душ все еще работает, пока я прижимаюсь лбом к кафелю, а он прижимается своим к моему позвоночнику.

— Ради тебя, Амелия, — шепчет он. — Я сделаю все ради тебя.

Мы проспали еще несколько часов, обнаженные и удовлетворенные. Уже давно рассвело, когда мы наконец вышли из спальни, и Габриэль разбудил меня, чтобы посмотреть на меня при свете дня.

Он не сказал мне, что он сделал, как это произошло, но сразу после полудня мне позвонили и подтвердили это.

— Мисс Дойл?

— Теперь это миссис Сэнт, — поправляю я, заметив ухмылку на лице Габриэля, который сидит напротив меня и делает вид, что не слушает.

— Это офицер Эндрюс, — голос у него мягкий. — Офицеры посетили ваш дом в нижнем Редхилле, но обнаружили, что он пуст, нам нужно, чтобы вы пришли в участок.

Я смотрю на Габриэля, он кивает, услышав сказанное.

— Когда?

— Как можно скорее.

— Я сейчас приеду.

Габриэль складывает газету, распрямляет ноги, наклоняясь вперед, чтобы положить ее на стол.

— Ты понимаешь, какие новости они собираются тебе сообщить?

— Да, — отвечаю я.

Это было сюрреалистично. Знать и ненавидеть это так долго, и только теперь принять все.

Не только из-за того, что он сделал для меня, но и понимая причины, зная человека, стоящего за маской злодея.

— Ты готова идти? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю я, вынимая Линкольна из его манежа. Габриэль протягивает к нему руки, забирая его у меня.

— Тогда пойдём.

Мы встречаемся с Камиллой в фойе, и Габриэль передает ей Линкольна, чтобы она присмотрела за ним, пока нас не будет.

Через полчаса мы въезжаем на подземную парковку под участком. Все время, пока мы идем, Габриэль держит руку на моей спине.

Нас встречает начальник участка.

— Мистер Сэйнт, — говорит он с шоком на лице, прежде чем его красные глаза переходят на меня. — Мисс Дойл.

— Миссис Сэйнт, — Габриэль поправляет.

— Вы взяли жену?

Его рука скользит по моей талии. Ему не нужно ничего говорить, чтобы лицо начальника побледнело.

— Сэр, мы говорили о том, что это будет означать для нее...

— Хватит. Миссис Сэйнт все понимает, — я ничего не понимала, но это было нормально. — Вы вызвали сюда мою жену, зачем?

— А, — сглотнул он. — Да, так вот, кажется, произошел инцидент, — нервозность этого человека почти заставила меня почувствовать себя виноватой за тот страх, который он испытывал из-за присутствия здесь Габриэля. — Прошу вас следовать за мной.

Мы идем за старым грузным мужчиной по длинным старым коридорам участка к комнате в задней части здания. Он предлагает нам войти первыми, приглашая присесть на старые диваны перед потертым журнальным столиком.

— Мисс Дойл... точнее миссис Сэйнт, — сглатывает он. — Боюсь, у меня плохие новости, — я ничего не говорю. — Сегодня утром полицейские получили сигнал о том, что на окраине города обнаружен труп. Было найдено тело.

— Мой отчим, — констатирую я.

— Да, — он вздыхает. — Я понимаю, что это может вас огорчить.

Я открываю рот, чтобы заговорить, но Габриэль кладет ладонь на мою руку, едва заметно покачивая головой, прежде чем сам заговорит.

— Как долго вы работаете здесь?

— Много лет, мистер Сэйт.

— Итак, вы понимаете, что мы не терпим жестокого обращения с детьми, сексуального насилия, издевательств в семье и тому подобного?

— Да, сэр, — кивает шеф. — В нашем городе такого не терпят.

— Тогда, что насчет моей жены? — брови начальника хмурятся, когда Габриэль откидывается в своем кресле, одной рукой держась за мою, а другой задумчиво потирая подбородок. — Девять лет назад вы получили тревожный звонок от девушки. Она утверждала, что подвергается насилию. Вы выслали офицеров, которые четко зафиксировали признаки и доказательства, но дело было закрыто. Спустя несколько месяцев поступил еще один звонок от кричащей девочки, но звонок был отключен и больше не возобновлялся. Через год позвонила женщина и попыталась объяснить, что она подвергается насилию, но ее звонок был прерван. Так было и далее.

— Господин Сэйт, вы должны понять...

— Что понять? — он рычит со всей присущей ему ядовитостью. — Понять, что вы позволили женщине страдать от рук отчима, позволили ей пройти через годы насилия, когда знали, какой ужас она переживает?

— Он сказал полиции, что знает Сэйнтов! — мы оба замерли. — Я никогда не расследовал за это дело, — вздыхает шеф. — Иначе я бы знал. Это был обычный звонок, ничего сверхъестественного не бросалось в глаза.

— Я слушал эти звонки, — заявляет Габриэль. — Это не был обычный звонок.

Я поворачиваю к нему голову так быстро, что, клянусь, слышу хруст шеи.

Как!?

Начальник вздыхает.

— Что вы хотите от меня услышать, Габриэль? Я не брался за это дело.

— Моя жена страдала долгие годы! — он бьет кулаком по столу. — Я ожидаю, что вы будете выполнять свою работу!

— Он утверждал, что работает на вас! — отвечает мужчина. — Я никогда не занимался разбирательством!

Габриэль напрягся рядом со мной.

— Что?

— Мисс Дойл... Миссис Сэйт, — поправляет он. — Ее опекун заявлял о связях с Сэйнтами. Мол все, что он делал, было одобрено вами.

— И вы не подумали проверить?! — крикнул Габриэль.

Я почувствовала его ярость, как он хочет взять всю ответственность за произошедшее на себя.

Поэтому резко встаю.

— Я знаю, что мой отчим, мой опекун мертв. Нет, я не сожалею об этом. Я опознаю его тело, а потом хочу уйти.

— Мы подвели вас, миссис Сэйт, — я почувствовала тяжесть сожаления в его словах, в том, как он смотрит на меня. — У меня есть дочь, — признался он, глядя на свои руки, сплетенные на столе. — Меня ужасает мысль о том, что она когда-нибудь может пережить это.

— Мои мольбы были проигнорированы, начальник, — говорю я. — Меня бросили. Я надеюсь, что ни одному человеку не придется пережить это, несмотря на преступления его

родителей.

— Мне жаль.

— Я здесь для того, чтобы опознать тело моего отчима, — вздыхаю я, чувствуя внезапную усталость. — Не для того, чтобы принимать извинения за совершенные преступления. Позвольте мне подтвердить, что этот ублюдок мертв, и уйти.

— Мне жаль, миссис Сэнт, что мы вас подвели.

— Еще бы, — хмыкает Габриэль, когда нас вводят в холодную комнату. Передо мной лежит тело.

— Миссис Сэнт, здесь нет давления. Его тело... ну, оно не будет похоже на то, что вы помните, — говорит начальник профессиональным голосом. — Не торопитесь.

Я и не тороплюсь.

Я подхожу к фигуре, скрытой под белой простыней, и поднимаю ее. Передо мной лицо моего отчима.

Бледное.

Лишенное жизни.

Глаза широко открыты.

Я *ничего* не почувствовала. Я лишь была рада, что он мертв.

— Все ли цело? — спрашиваю я, зная своего мужа.

— Нет, половой орган отрезан.

Я улыбаюсь, зная, что он страдал, и, взглянув на Габриэля, обнаруживаю, что он тоже улыбается.

Глава 38

Амелия

На обратном пути мы не говорили об отчине, пока Габриэль не загнал машину в гараж.

— Спасибо, — тихо говорю я.

— Я дам тебе обещание, *leonessa*, которое ты должна запомнить, — я смотрю на него и вижу, что он уже смотрит на меня. Он протягивает руку и заправляет прядь волос мне за ухо. Те же руки, что изуродовали моего отчима, касаются меня так нежно, ласково.

— Какое?

— Ни один мужчина больше никогда не прикоснется к тебе.

— Я тебе верю.

Его рука касается моего лица.

— Со мной ты в безопасности, — он повторяет слова, сказанные утром.

Я киваю и поворачиваю лицо, чтобы поцеловать его ладонь.

В животе у меня завязались узлы от нервов и беспокойства. Я смотрю на бассейн, на спокойную воду и на то, как она обманчива. Я представляла, как приятно будет зайти в него, почувствовать прохладу на своей коже, прежде чем он затянет меня и высосет из меня жизнь.

Просто забыть было невозможно.

Габриэль сидит на краю бассейна, свесив ноги в воду.

Я отрываю взгляд от поверхности и смотрю на него. На его идеальные черты лица, глубокий загар и мышцы, которые, кажется, только увеличиваются. Пока я переодевалась, он, должно быть, искупался, так как он был мокрый, а капельки воды, казалось, ласкали его,

скатываясь по его телу, словно не могли покинуть его. Я не могла их винить.

Его мокрые волосы откинута назад от лица, а шорты низко висят на бедрах.

— Иди сюда, — мягко приказывает он.

Мои колени подкашиваются, когда я иду по краю, сохраняя безопасное расстояние между собой и водой, пока я не оказываюсь чуть левее Габриэля и не отхожу еще дальше. Он слегка поворачивается, обхватывая меня рукой за бедро, чтобы мягко побудить меня идти вперед.

— Я не могу! — я замираю.

— Все в порядке, — успокаивает он. — Просто садись со мной.

Мои ладони вспотели, и я почувствовала, что меня вот-вот вырвет.

— Я тут подумал, — бесстрастно продолжает он, подталкивая меня ближе. — Надо бы вернуть Линкольна в детский сад, ему нужно общаться.

У меня в голове все перевернулось.

— Что?

— Это будет полезно для него, — размышляет он. — Играть с другими детьми.

— То есть, да, — киваю я. — Ему нравился детский сад.

Габриэль ведет меня, чтобы я села рядом с ним, и только когда мои ноги касаются воды, я понимаю, что ему удалось отвлечь меня достаточно, чтобы усадить рядом с собой. Я слегка напрягаюсь, страх остается, но с рукой Габриэля, обхватившей меня и прижавшей к нему, я не чувствую, что мне угрожает опасность.

— *Brava ragazza*, — говорит он с улыбкой. — *Хорошая девочка*.

Я сглатываю от похвалы, мне нравится, как она звучит в его устах, когда он называет меня так. Раньше я никогда не исследовала свои извращения, но с ним я буду исследовать несколько. У меня все сжалось от этой мысли, бедра заныли.

Он поворачивает свое лицо, прижимаясь губами к моему виску.

— Знаешь... — пробормотал он. — Ты так мило краснеешь, когда я называю тебя хорошей девочкой. Моя жена любит похвалу, да?

— Да, — мой голос дрожит. Прохлада воды вокруг моих ног и лодыжек помогает мне охладиться, но моя кожа словно начинает гореть. Страх и возбуждение смешались в моей крови.

Габриэль отпускает меня и с ухмылкой опускается в воду, слегка покачиваясь, когда его ноги касаются дна. Вода поднимается чуть выше пояса его коротких плавков, и он пробирается вперед, становясь между моих ног.

— Хочешь зайти со мной? — спрашивает он.

Я качаю головой.

Его руки гладят мои бедра, прежде чем он прижимается поцелуем к внутренней стороне моего колена.

— Ты можешь это сделать. Будь смелой, *leonessa*.

Его руки останавливаются на моих бедрах, нежно сжимая их. Он начинает осторожно тянуть меня вперед по плитке. Мои ноги скользят все глубже и глубже. Закрыв глаза, я позволяю ему протащить меня до конца пути. Когда мое тело погружается в воду, я задыхаюсь и хватаюсь за верхние части рук Габриэля, впиваясь в них ногтями.

— Ты так хорошо справляешься, *mondo mia*.

Дыхание вырывается из моей груди, когда я прижимаюсь к нему, держась за него. Вода была не холодной, но и не теплой, а где-то посередине, что поначалу меня шокировало, но

теперь я привыкла к ней.

Это был хороший шаг вперед, правильный, несмотря на то, что я все еще цеплялась за Габриэля и хотела вскарабкаться на его тело, хотя бы для того, чтобы он вытащил меня из воды.

Его губы коснулись моего подбородка.

— Давай пройдемся, детка, — предупреждает он меня. — Иди за мной.

Я издаю небольшой писк, глаза все еще закрыты, когда он начинает двигаться. Вода поднимается гораздо выше моего тела, чем его, но я чувствую, что между жидкостью и моим лицом есть приличное расстояние. Вода сопротивляется мне, когда я иду вперед, следуя его примеру.

— Открой глаза, — говорит он.

Я с усилием открываю один, затем другой, оглядываясь по сторонам. Он переместил нас на середину, но тут было не глубже, чем там, где мы находились раньше.

— Ты в безопасности, — напоминает он мне, влажной рукой убирая волосы с моего лица.

И так продолжалось каждый день, мы все время ходили в бассейн, и с каждым разом становилось легче. В перерывах между плаванием и расписанием Габриэля мы еще немного поговорили о том, чтобы Линкольн пошел в новый детский сад, и даже посетили несколько, прежде чем выбрали хороший в двадцати минутах езды от дома.

Он должен был начать ходить туда на следующей неделе.

Влиться в рутину с Габриэлем оказалось легче, чем можно было ожидать. Мы спали в одной постели каждую ночь и ели вместе каждый день, если только Габриэля не вызывали в город. Я ожидала большего хаоса вокруг мафии Редхилла, ожидала большего насилия, но ничего такого не увидела. Нападений на дом больше не было, но я не верила, что все закончилось. Габриэль был напряжен, брови нахмурены в сосредоточенности, пока он обдумывал планы. Я не спрашивала, а он не рассказывал.

Если Габриэля не было рядом, то был Энцо: он часто сопровождал меня в город, держался рядом и никого ко мне не подпускал. Но он также никогда не говорил. Думаю, это придавало ему еще больше ужасающей ауры. Красивый на вид, с великолепным лицом и замысловатыми татуировками, но прикосновения к нему были смертельно опасны. Я как-то спросила Габриэля, почему он молчит, но он не знал, так как встретил его после обета молчания.

За прошедшие недели я близко подружилась с Сиеррой, мы обменивались идеями и часто разговаривали. Платье было почти готово, и я попросила ее сделать еще несколько деталей нижнего белья, которые я разработала и за которыми сейчас ехала.

Утром Габриэль ушел с близнецами, которые по-прежнему вызывали у меня беспокойство, особенно Атлас. Казалось, что я ему не нравлюсь, но Ашер был добр, я полагала. Ну, он не был ужасен для меня, но было какое-то ощущение, что они оба странные. Особенно когда я чувствую, что Ашер смотрит на меня, думая, что никто этого не замечает.

Энцо подъезжает на машине к бутику и паркует ее у входа.

— Эй! — кто-то кричит.

Оглянувшись, я вижу инспектора ГИБДД, который направляется к нам.

— Энцо, у тебя будет штраф.

Мужчина смотрит на меня, вздергивает одну бровь и улыбается, а затем поворачивается к парню.

— Эй! — инспектор кричит. — Здесь нельзя парковаться.

Энцо делает шаг перед парнем, который практически замирает на месте и бледнеет. Энцо был огромен и сложен как танк. Любой человек, готовый выступить против него, был бы не в своем уме.

Он уставился на парня, который еще больше побледнел и попятился назад.

— Я-я сожалею, — он заикается, и я не могу сдержать улыбку веселья. — Вы свободны. Паркуйтесь где хотите.

И тут он убегает, а я не могу сдержать смех, я раздражаюсь хохотом, сжимая живот.

Энцо непринужденно стоит рядом со мной, ожидая, пока я успокоюсь.

Когда я поднимаю на него глаза, в которых буквально стоят слезы от смеха, он улыбается мне во весь рот. У него идеальные зубы, а морщины возле глаз слегка морщатся по бокам.

— Тебе надо больше улыбаться, — хихикаю я, похлопывая мужчину по руке. — Так ты не такой страшный.

Улыбка мгновенно исчезает, превращаясь в камень, и это только заставляет меня смеяться еще сильнее.

Сьерра высовывает голову из двери и хмурится.

— Что здесь происходит?

— Энцо, — прохрипела я между приступами смеха. — Энцо просто терроризирует наших городских служащих. Вот и все.

Она вскидывает одну темную бровь, смотрит на мужчину и вздрагивает, качая головой. Я все еще хихикаю, когда мы входим в магазин: я впереди, а Энцо — за нами.

Мы проходим в заднюю часть магазина, где Сьерра разложила новые модели нижнего белья. Энцо, как всегда джентльмен — *ХА!* — отводит глаза от кружевных изделий

— Они прекрасны, Сьерра, — я прикасаюсь пальцами к одежде, предвкушая, как надену ее для Габриэля.

— Только не сердись на меня, — предупреждает Сьерра. — Я взяла на себя смелость создать для тебя кое-что еще, точнее, две вещи.

Я вскидываю брови.

— Что?

— Габриэль прислал мне все твои рисунки, когда заказывал платье, и эти просто привлекли мое внимание. Они такие красивые, и поэтому я захотела посмотреть, смогу ли я их сделать.

— И ты смогла?

Она кивает, придвигая тележку, на которой лежит несколько готовых платьев. Я не узнаю ни одного, кроме двух последних.

Одно было красным, глубокого цвета, с разрезами по обеим сторонам до бедер, платье было коротким, как по моему эскизу, слегка блестящим, с вырезом и бретельками-цепочками. Оно было утонченным и красивым, и когда я рисовала его, то представляла, как его будет носить Сьерра, зная, что красный цвет будет великолепно сочетаться с ее цветом кожи.

Второе платье было чуть длиннее, но с глубоким вырезом и V-образной спинкой. Оно было цвета шампанского, на толстых бретелях, а через спину перекрещивались тонкие золотые цепочки, на которых висело несколько брелоков.

— Сьерра, это потрясающе.

Она кивает.

— Я бы хотела, чтобы ты их носила.

— Спасибо, — улыбаюсь я. — Но это я создавала не для себя. Это должно было быть для тебя, — я показываю на красное.

Ее глаза загораются.

— Ты уверена?

— Да!

— Мы должны пойти куда-нибудь, чтобы у нас была возможность их надеть!

Я киваю, это звучит неплохо. Пойти куда-нибудь, развлечься с подругой, ведь раньше я никогда не испытывала ничего подобного.

— Позвони мне, чтобы договориться, — говорит Сьерра, ее пальцы все еще ласкают красную ткань. — Не могу дождаться.

Я забираю свои вещи и с улыбкой покидаю ее, внутри меня бурлит мое собственное возбуждение.

Глава 39

Габриэль

— Вот так, — похвалил я, прижимаясь к ее тонкой плоти, позволяя пальцам почувствовать перекачивание мышц под моими руками. — Ты такая молодец, *leonessa*. Такая хорошая девочка.

Ее щеки розовеют, и она радуется тому, что мои слова отвлекают ее, пока я затаскиваю ее в бассейн, вода поднимается, пока я не останавливаю нас, когда она достигает ее подбородка. В ее глазах загорается страх, а ногти впиваются в кожу.

— Все в порядке, — подтверждаю я. — Все в порядке. Я никогда не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

Ее расширенные глаза задерживаются на мне, и я делаю шаг к ней. Я чувствую ее неровное сердцебиение на своей коже, чувствую, как она напугана. Но она была храбрее всех людей, которых я когда-либо встречал: она смотрела в лицо своему страху, доверяя его кому-то.

Я чертовски ненавижу то, что он заставил ее страдать, что он был причиной этого, но теперь этот ублюдок мертв, и ей больше не придется об этом беспокоиться.

— Скажи мн-не еще раз, — дрожащим шепотом произносит она.

Я успокаиваю нас обоих и мои губы изгибаются в ухмылке. Я наклоняюсь к ее уху и зажимаю мочку между зубами. Она хнычет, пальцы впиваются в кожу сильнее.

— Хочешь, чтобы я сказал, какая ты хорошая? — шепчу я.

— Да, — она вздыхает.

— Ты такая хорошая девочка, — хвалю я. — Такая смелая. *Moglie mia* (прим. пер. — *Моя жена*), ты можешь выдержать все, — ее дыхание вырывается из груди. — Я хочу кое-что сделать, но ты должна мне доверять, хорошо?

Она кивает.

Медленно я скольжу руками вниз по ее телу, пока не обхватываю заднюю поверхность ее бедер, а затем поднимаюсь, заставляя ее ноги обхватить меня.

Она слегка визжит, руки обвиваются вокруг моей шеи и сжимаются так, что давят на дыхательное горло.

— Мне нужно дышать, — легкомысленно произношу я. Она мгновенно отпускает меня, на ее лице написано сожаление, но из-за резкого движения она слишком быстро отклоняется

назад, чтобы я мог удержать ее. Ее лицо на секунду погружается под воду, но я поднимаю ее обратно, кладу руку ей на затылок и прижимаю к себе. Она не кричит и не паникует, просто сжимается, когда ее сердце бешено колотится.

— Все хорошо, — говорит она. — Я в порядке.

— Я не могу забрать у тебя воспоминания о бассейнах, Амелия, — говорю я ей, глядя мокрые волосы и нежно придвигаясь ближе, чтобы она почувствовала мой член. — Но я могу дать тебе новые. Новые воспоминания, о которых ты будешь думать всякий раз, когда окажешься у бассейна. Я могу дать тебе то, что заставит тебя страдать и жаждать меня. Что-то, что заставит эти красивые бедра прижаться друг к другу, чтобы снять напряжение.

Она застонала, покачиваясь на моей талии.

— Кто-нибудь может войти.

— Они войдут, только если ты будешь шуметь, — я облизываю ее подбородок, а затем нежно провожу зубами, прижимаясь сильнее. — Я собираюсь трахнуть тебя, Амелия, прямо здесь. Я собираюсь создать с тобой новые воспоминания. И только от тебя зависит, будут ли у нас зрители или нет.

— Пожалуйста, — умоляет она.

— Такие красивые манеры, — хвалю я, поворачивая нас и подходя к краю, прижимая ее спиной к нему. — Держи свои ноги вокруг меня, — говорю я ей, отпуская ее, балансируя на краю, пока берусь за бретельки ее купальника.

Я стягиваю их, освобождая грудь. Ее соски встали от возбуждения, и я наклоняю голову, беря в рот затвердевший бутон, пока спускаю купальник до конца. Она вытягивает руки, чтобы удержаться, и разводит ноги, когда я отпускаю ее сосок и спускаю купальник до конца. Обнаженная и жаждущая, она смотрит на меня потемневшими глазами и приоткрытыми губами.

Я просовываю руку между ее ног, чувствую, как ее скользкая киска прижимается к моей ладони, ласкаю кончиками пальцев ее клитор. Ее голова откидывается назад от удовольствия, которое я ей доставляю, и с ее губ срывается вздох. Я стягиваю шорты и начинаю накачивать свой твердый член, после чего развожу ее ноги в стороны и медленно вхожу, чувствуя, как спазмируются ее стенки, когда я наполняю и растягиваю ее.

— В тебе так хорошо, *amore mia* (прим. пер — моя любовь), — прошептал я, глядя под водой на движущиеся формы наших тел и на то, как мы прилегаем друг к другу, как мой член исчезает между ее бедер. — Так хорошо, — я выхожу и снова вхожу в нее, руки ложатся на край по обе стороны от нее. Из-за воды мне было трудно трахать ее так, как я хотел, — жестко, быстро и грубо, но удовольствие от того, что я вижу ее вот так, расслабленной в бассейне, ее тело мокрое и готовое для меня, заставляет меня замедляться, пока с ее губ не срывается стон.

— Еще.

— Поднимись из бассейна, — приказываю я, наблюдая за тем, как она это делает, как подпрыгивают ее груди и как напрягаются ее мышцы. Я следую за ней, хватаю ее за колено, чтобы приподнять его, и вхожу в нее.

— Блядь! — кричит она.

Твердая плитка царапает мои колени, когда я вонзаюсь в нее, и звук нашей мокрой кожи, шлепающейся друг о друга, эхом разносится по бассейну.

— Да, — повторяет она. — Да, да.

Я кладу ее лодыжку на свое плечо, а затем моя рука ложится на ее горло, сжимая его, и

ее стоны становятся все громче, чем крепче я ее держу. Похвала, как я вижу, была не единственным ее пристрастием.

Я ухмыляюсь, представляя, сколько удовольствия я мог бы получить с моей красивой женой.

Я без устали вхожу ее тугую киску, с каждым толчком касаясь ее клитор.

— Моя, — рычу я. — Ты моя.

— Да, Габриэль, — задыхается она. — Я твоя.

Сбоку от себя я слышу какой-то звук, словно дверь захлопывается или в нее стучат, но я слишком далеко от реальности, наслаждение слишком велико, чтобы я обратил на это внимание, а не на то, как сжимаются мои яйца, моя кульминация вот-вот прорвется через меня, а она еще не кончила.

Этого, блядь, нельзя было допустить.

Она была вся мокрая, ее киска была такой влажной и теплой, что я знал, что это не займет много времени. Ее позвоночник выгибается, груди вздымаются, и я сжимаю ее горло сильнее, настолько, что становится больно. Ее руки впиваются в мои запястья, но не для того, чтобы оттолкнуть, а для того, чтобы притянуть сильнее.

Я резко отстраняюсь, становясь на колени между ее ног.

— Повернись, — говорю я. — И встань на колени.

Она подчиняется, поворачивается ко мне спиной, и вид ее задницы, кажется, заставляет меня напрячься еще сильнее. Черт, вот это задница... Я слегка подталкиваю ее вперед, а после моя рука шлепает ее по ягодице, на которой появляется покраснение. Она вскрикивает, когда я начинаю двигаться, насаживая ее на свой член.

И тут она кончает, сильно и яростно, ее киска беспорядочно спазмируются вокруг моего члена, а я продолжаю входить в нее.

— *Cazzo (прим. пер. — Черт)*, — прорычал я, потянувшись, чтобы погладить ее клитор. — Я хочу еще, — рычу я.

— Господи, — кричит она. — Я не могу. Я не могу.

Но я не останавливаюсь, желая получить от нее больше, желая почувствовать, как ее сладкая киска еще крепче сжимает мой член.

— Черт возьми, — простонал я. — Ты, блядь, можешь, и ты, блядь, будешь. Ты дашь мне еще, как хорошая девочка, которой я тебя знаю.

Ее возбуждение покрывает меня, мои бедра, мои пальцы, пока я играю и трахаюсь, я собирался скоро кончить, и сильно. Мои зубы вонзаются в мягкое место между ее шеей и плечом, достаточно сильно, чтобы поставить синяк, причинить ей боль, и этот оргазм переходит в другой, когда я взрываюсь в ней, опустошая себя и наполняя ее. Она вскрикивает, а мой рев глушится о ее кожу.

Удовлетворившись, я облизываю синяк на плече, и снова притягиваю ее к себе. Она тяжело дышит, мы оба мокрые, задыхаемся...

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она кивает, не находя слов. Я скольжу руками по ее обнаженному телу, тепло которого словно клеймо на моей коже.

Она была так совершенна.

Такая чертовски правильная.

Мне стало физически больно от мысли о том, какой будет моя мрачная жизнь без нее.

Mondo mia. Мой мир.

Moglie mia. Моя жена.

Amore mia. Моя любовь.

Глава 40

Габриэль

Сегодня вечером Амелия собиралась пойти на встречу с Сьеррой. Мы с Энцо присоединимся к ним, поскольку так будет безопаснее. Я был рад, что они с Сиеррой подружились, они хорошо подходили друг другу, и Амелии нужен был кто-то вроде нее.

Она очень выросла с тех пор, как я забрал ее все эти недели назад, изменились ее идеалы, взгляды, мнения и смелость.

Она была прекрасной женщиной, слишком хорошей для меня.

На обратном пути с пристани я останавливаю машину у ювелирного магазина, проверяя новую партию товара.

Я держал эту партию в секрете, только Энцо и Девон знали, что она должна быть доставлена, и она пришла без проблем. Только за последнюю неделю я получил пять грузов, потеряв миллионы прибыли, потому что так и не выяснил, кто же этот чертов предатель.

Кто бы это ни был, он был чертовски умен, и я готов отдать ему должное.

Выбравшись из машины, я встретился с давящей жарой позднего лета, в воздухе витал запах соленого океана. Туристический сезон скоро закончится, но улицы сегодня оставались оживленными.

В здании с кондиционером было чисто и аккуратно, все сделано из стекла в белой тематике, а за стойкой сидела молодая женщина.

— Мистер Сэйт, — кивает она.

— Я хочу забрать то, что просил.

Я не теряю времени и не любезничаю. Я хотел домой, к жене.

— Господин Сэйт, — из подсобки выходит Джой, как всегда, веселый. Он давно дружит с Сэйнтами, его отец приехал сюда вместе с моим дедом много лет назад. Он был слишком стар, чтобы все еще работать, но если я что-то и знал об этом человеке, так это то, что он никогда не останавливался. — Я так понимаю, вы пришли за ожерельем? — я киваю. — Это было нелегко, — смеется он. — Мне пришлось его импортировать.

— Пришли мне счет за импорт, — пожимаю я плечами. — Я разберусь.

— Денег, которые вы собираетесь за это заплатить, вполне достаточно, мистер Сэйт.

Джой ставит коробочку на стеклянную витрину, подвигает ее ко мне, и я открываю ее, разглядывая лежащее внутри ожерелье. Оно было потрясающим, камень сверкал, говоря о цене изделия.

— Оно идеально.

Рядом с ним лежит вторая коробочка, гораздо меньше первой. Серьги, которые идеально подходили к ожерелью, и хотя ничто не могло сравниться с моей Амелией ни по красоте, ни по редкости, это было бы очень кстати.

— Я беру эти две коробочки, — говорю я.

Двадцать два миллиона, которые я за них заплатил, — ничто по сравнению с ее стоимостью. Их кладут в плотный бумажный пакет, перевязанный рубиново-красной лентой.

Подъехав к дому, я выхожу из машины и вместо того, чтобы сразу направиться в дом, где, как я знаю, Амелия будет готовиться к ночи, иду на вершину скалы, где спокойный океан, а солнце садится, окрашивая небо в розовые и оранжевые цвета. Морские птицы проносятся низко над водой, собираясь на вечернюю трапезу, а несколько лодок мирно

плывут на воде. Я смотрю вниз и вижу песчаные пляжи там, где вода встречается с сушей, крутые, острые края скал выступают и смертельно опасны, но вода почти стирает этот факт. Вдоль этих скал были пещеры, глубокие пещеры, скрывающие лагуны с такой прозрачной водой, что можно было видеть все до самого дна.

Я исследовал их вместе с близнецами и братом, когда мы были детьми и все было проще. Когда не было войны и ненависти, а взрослые управляли всем, чтобы мы не видели.

В одной из этих пещер мы высекли на камне свои имена, наивные дети, которые верили, что все будет хорошо. Мы сказали, что когда-нибудь вернемся взрослыми и напишем их еще раз, уже став мужчинами.

Но сейчас этого не будет.

Не тогда, когда мой старший брат мертв, а близнецы, оба, — главные подозреваемые в списке предателей.

Я оглядываюсь назад, на дом и окна, где готовилась Амелия, но в последний раз смотрю на океан перед собой. Затем я поворачиваюсь к дому и направляюсь внутрь в поисках своей жены. Я застал ее в нашей спальне, сидящей перед зеркалом в платье цвета шампанского, с длинными темными локонами, собранными на макушке. На ней был макияж с эффектом дымчатых глаз и темно-красная помада. Она была настолько ошеломляющей, что я замер на пороге, уставившись на отражение в зеркале, которое смотрело на меня в ответ.

— Ты выглядишь потрясающе, *mondo mia*, — сумел прохрипеть я.

Ее щеки розовеют от комплимента.

Я пересекаю комнату, становлюсь позади нее, и мои руки ложатся на ее обнаженные плечи. Платье было облегающим, с глубоким V-образным вырезом спереди и сзади. На спине висело несколько цепочек золотистого цвета, которые подчеркивали загорелую кожу ее тела. Ее шрамы были видны, белые и розовые отметины легко проступали в просветах платья.

— Я хочу чувствовать себя красивой, — говорит она мне, опустив глаза. — Но мне кажется, что я этого не чувствую.

Я смягчаюсь, не в силах ничего поделать с этой второй натурой, когда речь заходит о ней.

— *Amore mia* (прим. пер. — *Моя любовь*), ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, пойми. Никто не может с тобой сравниться.

— Мои шрамы...

— Твои шрамы делают тебя той *leonessa*, которой ты являешься. Они делают тебя воином, бойцом, не сомневайся в своей силе.

Она кивает, но не выглядит убежденной.

Я кладу бумажный пакет на туалетный столик.

— У меня есть кое-что для тебя сегодня.

Ее голубые глаза встречаются с моими.

— Правда?

— Да, — я подтверждаю. — Теперь поверь мне, в этом мире нет ни одной вещи, которая могла бы сравниться с тобой.

— Габриэль, — начала она.

— Послушай, — приказываю я.

Она закрывает рот.

Эта девушка действительно выглядела сегодня прекрасно.

Я достаю из пакета большую из двух коробок и кладу ее на туалетный столик. Я открываю ее, и ожерелье, лежащее внутри, переливается и сверкает в свете ламп, установленных вокруг зеркала.

— Габриэль, — задыхается она.

— Это самый редкий бриллиант в мире, — говорю я ей. — Я не смог найти ничего более подходящего, чтобы сравниться с тобой, Амелия.

Я поднимаю ожерелье с упаковки. Это тонкая золотая цепочка, которая будет плотно обхватывать ее горло, а в центре висит еще одна, внизу которой находится красный драгоценный камень. Судя по длине, кулон будет располагаться прямо между ее грудями.

— Как бы мне ни нравилась моя рука в качестве твоего ожерелья, Амелия, я знал, что она не может быть там вечно, поэтому это был следующий лучший аксессуар для женщины, которая хранит все мое сердце, — я позволил своим пальцам обхватить ее горло, моя загорелая кожа контрастировала с ярким золотом ожерелья, и заставил ее поднять подбородок. — Открой другую коробку.

Она потянулась к ней, открыла крышку и увидела серьги в виде листьев, которые, следуя изящному изгибу уха, поднимались вверх. В каждом втором листочке сидел еще один красный бриллиант, гораздо меньше, чем мне хотелось бы, но от того, как она смотрит на них, я не смог не наполниться гордостью.

— Это прекрасно, — вздохнула она, прикладывая одну из сережек к уху, а другую, нежно касаясь пальцами.

— Это для тебя, *amore mia*.

— Ты не должен был, — говорит она,

— И именно поэтому я это сделал, Амелия. Потому что ты заслуживаешь этого, хотя и не веришь, что это так.

— Это слишком, — вздыхает она.

— С тобой никогда не бывает слишком много.

Она целует меня, размазывая помаду, надевая украшения, которые я купил для нее, и красивое платье, которое она разработала, а Сьерра сшила. Она была ходячей мечтой.

— Дай мне двадцать минут, — говорю я ей. — Есть еще одна последняя вещь.

Она кивает, отпуская меня, но я целую ее в последний раз, прежде чем скрыться в своей гардеробной и переодеться в темно-серый костюм и белую рубашку. Я укладываю волосы, затем беру ее за руку и веду в свой кабинет.

— Я хочу, чтобы ты повеселилась, — говорю я ей. — Наслаждайся своим временем, Амелия, но я хочу, чтобы ты была в безопасности.

— Я знаю, — кивает она.

Я сажусь в кресло за своим столом и открываю ящик, в котором лежит маленький, легкий пистолет и предназначенная для него набедренная кобура.

— Иди сюда.

Она останавливается между моих раздвинутых ног.

Потянувшись вперед, я беру рукой ее колено и поднимаю, упираясь носком шпильки в край моего кресла. Мои руки гладят ее икры.

— Ты знаешь, как это сделать, — говорю я. — Ты делаешь это без колебаний. Нет никаких вопросов. Ты стреляешь первой.

Я просовываю ее ногу в кобуру и плавно поднимаю вверх, пока она не останавливается на ее бедре, мои пальцы слегка касаются ее кожи, высоко и близко к той сладкой точке.

Ее дыхание срывается с губ, пока она следит за каждым моим движением.

Я фиксирую кобуру достаточно высоко, чтобы она была скрыта длиной ее платья, а затем сжимаю руками ее бедра, не сводя с нее глаз.

— Ты будешь в безопасности для меня, Амелия, — говорю я ей. — Ты вернешься домой ко мне.

— Да.

— Всегда?

— Всегда, — обещает она.

Я затягиваю ремешок, пока она не задыхается от боли, а затем от удовольствия, когда я позволяю своей руке блуждать дальше, проводя по ее покрытой кружевом киске.

— Не смотри!

— Что?

— Это на потом, сюрприз.

Кончики моих пальцев впиваются в самый верх внутренней стороны ее бедра.

— Я не люблю сюрпризы

— Этот тебе понравится, — она обещает.

Раздувая ноздри и успокаивая свою потребность, я подавляю желание сорвать с ее тела это прекрасное платье и нагнуть ее через стол. Вместо этого я беру маленький пистолет и вставляю его в кобуру, держа ее ногу приподнятой, а носок ее туфли на краю кресла.

— Он прост в обращении, — объясняю я, нарочно проводя пальцем по чувствительной коже ее внутренней поверхности бедра. — Вот предохранитель, — я указываю на маленькую кнопку. — Он заряжен. Прицеливаешься — стреляешь.

— А если я промахнусь? — она задыхается.

— Ты не промахнешься, *leonessa*. Ты делаешь все, чтобы вернуться ко мне домой.

— Да, — соглашается она.

— Это моя девочка.

Глава 41

Амелия

Я чувствовала себя красивой, даже больше, чем просто красивой. Я не могла объяснить волнение в своей груди или то, как, держа руку Габриэля в своей, его смертоносное тело рядом со мной, я чувствовала себя просто королевой. Даже с видимыми шрамами, что я не могла не заметить, когда надевала платье. Я старалась не смотреть на них, потому что в этом случае у меня случилась бы истерика, но, глядя на Габриэля, я не могла отделаться от ощущения, что весь мир лежит у моих ног.

Вес пистолета на бедре немного мешал мне, но я уже привыкла к нему, металл грел кожу.

Сьерра спрыгнула с барного стула и помахала нам рукой. В красном платье она была великолепна, материал обтягивал изгибы ее тела, а разрезы на ногах дразнили. Ее темные волосы были перекинуты через плечо, а на горле поблескивал серебряный колье-чокер.

— Это то платье! — она визжит, когда мы останавливаемся перед ней, берет меня за руку и заставляет кружиться. — Ты выглядишь великолепно, Амелия!

Я позволяю ей взять меня за руку и оттащить от Габриэля, но он и Энцо остаются за нашими спинами. По дороге сюда Габриэль сказал мне, что это казино принадлежит ему.

В баре я опустилась на табурет и заказала бокал вина, когда рука Габриэля скользнула по моему бедру, а его тело прижалось к моей спине.

— Не уходи далеко, оставайся там, где я тебя вижу, хорошо?

— Похоже, у тебя паранойя, Габриэль

Он целует мой висок

— У меня много врагов, Амелия, и на мою жизнь было совершено множество покушений. Я забочусь не о себе, а о тебе, они будут использовать тебя, если почувствуют, что у них есть шанс, я сплотилась. — Но мы не будем прятаться, и я не буду держать тебя в клетке, как птицу.

Я киваю.

— Я уверена, что все будет хорошо, — отмахиваюсь я, но нервные мурашки пробегают по позвоночнику. Я не забыла, как опасно быть с таким мужчиной, как Габриэль, но, услышав это вслух, все стало слишком реальным.

— Может быть, и так, но ты понимаешь, да? — спрашивает он. — Ты не выходишь из поля моего зрения.

— Да, сэр, — шучу я, поднимая бокал вина и ухмыляясь, пока он ворчит мне в ухо.

— Моя красивая жена, — рычит он. — Потом тебе будет не до шуток, когда ты будешь кричать на моем члене, — я поперхнулась вином. — Не притворяйся, что тебе это не нравится, *leonessa*, я знаю, что творится в твоей хорошенькой головке. Готов поспорить, что ты уже намочила свои трусики, думая об этом.

— Габриэль, — заикаюсь я.

Его пальцы напряглись на моей ноге.

— Мы собираемся исследовать все твои фантазии.

— Что я пропустила? — восклицает Сьерра, прерывая момент. — О, простите, я что-то прервала?

— Нет, нет, — я опустошаю половину своего бокала, пытаюсь незаметно сжать бедра вместе, как будто это может остановить тупую пульсацию, которую он только что вызвал своими грязными словами.

Я чувствую, как он улыбается мне в висок, прежде чем отстраниться.

— Я как раз говорил своей жене, как потрясающе она выглядит в этом платье.

Он берет с барной стойки хрустальный бокал и отпивает из него.

Энцо хмыкает. Господи, он все слышал, не так ли? Я прижимаю пальцы к переносице, мои щеки пылают. Как я могла забыть, что мы не одни?

Позади нас шумело казино, столы были забиты, раздавались приветственные крики, в баре было не менее оживленно, из колонок, расставленных по всему залу, играла негромкая музыка.

Габриэль держался рядом со мной, разговаривая со Сьеррой о бутике, а Энцо оставался стоически молчаливым, задумчивым титаном, следящим за тем, чтобы люди обходили нас стороной. Было легко, светло, словно мир не пылал, а Габриэль не был безжалостным человеком, правящим городом.

Я могла иметь оба мира.

Я расслабленно прижимаюсь к нему, довольная тем, как все прошло.

Пока из казино не доносятся громкие крики. Я оглядываюсь, чтобы увидеть массу людей, которые внезапно начали драться, бросать пивные бутылки и стаканы, пускать в ход кулаки.

— Энцо, — рычит Габриэль. Не прошло и секунды, прежде чем его длинные, крепкие ноги сокращают расстояние между ним и группой.

— Он не сможет справиться со всеми! — кричит Сьерра.

— Ты удивишься.

Но Габриэль слишком верил в это, потому что, хотя несколько человек остановились и просто смотрели, толпа была слишком велика, чтобы он мог справиться с ней в одиночку, и вскоре он был поглощен.

— Черт! — Габриэль собирается двинуться с места, но колеблется.

— Со мной все будет в порядке! — кричу я ему.

Он смотрит на меня, глаза пылают.

— Оставайся здесь, — рычит он, прежде чем двинуться с места, хватая на ходу всех мужчин. В баре нарастает суматоха, люди быстро идут вперед, вспыхивают смартфоны, пытаюсь снять на фото и видео массовую драку. Кто-то врзается в меня, и мой локоть задевает бокал с вином, опрокидывая его. Вся жидкость оказывается у меня на коленях.

— Ах! — я вскакиваю. — Черт!

— Амелия! — Сьерра кричит. — Нет, только не платье!

Я снова ругаюсь.

— Блять, — по бедрам расплылось огромное пятно красного вина, едва не задев новое нижнее белье. Я поднимаю подол, пытаюсь спасти его от промокания насквозь. — Я сейчас вернусь, — говорю я Сьерре.

— Не думаю, что тебе стоит, — пожевала она губу.

— Я вряд ли смогу сидеть здесь в мокром платье, просто скажи Габриэлю, что я пошла в туалет.

— Он будет в бешенстве.

— Да, но я разберусь с этим позже.

— Это будут твои похороны.

Я нахмурилась, но ушла, пробиваясь сквозь толпу, чтобы попасть в туалет. К счастью, они были пусты, поэтому я закрыла главную дверь, чтобы никто не вошел, и сняла платье, оставшись в одних трусах, и направилась к сушилке для рук на дальней стене.

Быть наполовину раздетой в казино вызывало у меня некоторую тревогу, поэтому я поворачиваюсь, не переставая следить за дверью.

Проходит пять минут, и платье медленно высыхает, оно испорчено ужасным огромным пятном, но я могу надеть его снова, не рискуя испортить и нижнее белье. Я только приготовилась это сделать, как услышала скрип, доносящийся от двери.

Это был замок, который можно было отпереть с помощью инструмента с другой стороны, но я вижу, что он поворачивается. Медленно. Как будто тот, кто пытался его отпереть, делал это с трудом.

— Он занят! — кричу я, паникуя. — Здесь кто-то есть!

— Черт! — раздаётся приглушенное ворчание. И затем тишина.

Габриэль

— Убирайтесь на хрен из моего казино! — я с ревом бросаюсь на окровавленных мужчин, их одежда изодрана, лица опухшие и в синяках. — Убирайтесь, пока я сам вас не убил!

Они разбегаются.

Я поправляю лацканы пиджака и возвращаюсь внутрь, наблюдая, как толпа судорожно

возвращается к тому, чем занималась до начала шоу. Я нахожу Сьерру в баре, но табурет рядом с ней пуст, а красное вино разлито по полу.

— Она в туалете! — Сьерра успевает выскочить, прежде чем я успеваю что-то сказать. — Кто-то пролил на нее вино.

— Я просил ее остаться!

— Я знаю, но она все равно пошла. Ты не можешь ожидать, что она останется в мокрой одежде, Габриэль.

Я меняю направление, направляясь к женскому туалету. Когда дверь появляется в поле зрения, я вижу фигуру, одетую в черное, которая взламывает замок.

— Эй!

Он убегает. Проклятье. Одна ночь! Я хотел всего одну ночь.

Я достаю ключи, вставляю в замок и щелкаю им, открывая дверь.

Амелия вскрикивает, пока я закрываю ее.

— У тебя проблемы с выполнением простых инструкций, *moglie mia* (прим. пер. — *Моя жена*)?

— Габриэль! — она хватается за грудь. — Черт возьми, ты мог бы постучать!

— А ты могла бы сделать то, что тебе сказали.

— Послушай, мне очень жаль, но я не собиралась просто сидеть и ждать, пока вся буду испачкана.

Я позволяю своему взгляду пройти по ее телу, сейчас она расслаблена, узнав, что это я, и одета в очень красивое белье и кобуру. Белые кружевные трусики ничего не прикрывают, и она решила не надевать лифчик из-за открытой спинки платья.

— Это был мой сюрприз? — спрашиваю я.

— Да, это мой дизайн.

— Повернись.

Она ухмыляется и поворачивается, демонстрируя свой зад и длинные ноги, все еще на каблуках.

— Дай мне свое платье.

Она возвращает его мне.

— Кажется, оно у меня почти сухое.

Я снял пиджак и подошел к ней сзади. Я хотел ее, но я не собирался трахать ее в туалете казино.

Нет, я собирался преподать моей Амелии урок о том, что бывает, когда она не подчиняется моим приказам, когда они нужны для ее безопасности.

— Рука, — я помогаю ей надеть пиджак. Ткань падает на бедра, прикрывая часть тела, но недостаточно. — Мы уходим, Амелия.

Я отправляю сообщение Энцо, чтобы он отвез Сьерру домой, пока я проводил Амелию.

— Ты злишься на меня.

— Я не злюсь, *leonessa*.

— Это тебе так кажется.

— Я разочарован, что ты не осталась, как я тебя просил. Ты знала, что кто-то пытался войти сюда, пока ты была голой?

— Мне показалось, что я услышала, как отпирается дверь, но я подумала, что это ты.

— Нет. Это был не я.

— Ладно, Габриэль, ты не можешь вечно меня опекать.

— Я тебя оберегаю, — она закатывает глаза, и я хватаю ее за подбородок, заставляя нас остановиться. — Ты только что закатила на меня глаза?

— Габриэль, я...

Я перебиваю ее мучительным поцелуем, зубы и язык оставляют синяки.

— Пойдем, — прорычал я, прерывая поцелуй.

Глава 42

Габриэль

Я бросил взгляд на Амелию, сидящую на пассажирском сиденье.

— Сними пиджак, — она поворачивает голову ко мне, глаза расширяются. — Сейчас, *mondo mia*, — она несколько раз моргает, сглатывает, затем расстегивает ремень безопасности и, колеблясь, протягивает руки к лацканам пиджака. — Ты меня послушалась, — говорю я ей, поворачивая голову и глядя на темную дорогу, уходящую вдаль. — Я сказал тебе оставаться на месте. Я объяснил тебе, почему. Это опасно, Амелия. Я не пытаюсь контролировать тебя или запереть. Я пытаюсь обеспечить твою безопасность.

— Габриэль, мне жаль...

— Пиджак, Амелия.

— Зачем?

— Сейчас.

Она стягивает с себя ткань, оставаясь в одних крошечных белых трусиках и пистолете, пристегнутом к бедру. Ее грудь вздымается при дыхании, кожа покраснела.

— Я бы никогда не причинил тебе вреда, — напоминаю я ей. — И нижнее белье тоже.

— Габриэль...

Я ожидаемо протягиваю руку.

На этих дорогах было слишком темно, чтобы кто-то мог ее увидеть. Она стягивает трусы с бедер и опускает их в мою ладонь.

— Вот так, моя хорошая девочка, — хвалю я, поднося трусы к носу и вдыхая ее запах. — Ты пахнешь божественно, *mondo mia*.

Она сидит на пассажирском сиденье машины великолепно обнаженная.

— Я никогда не причиню тебе вреда, — снова говорю я ей. — Но есть способы наказать без боли.

— Мне жаль.

Я останавливаю машину в темном месте под деревьями и наклоняюсь к ней, отстегивая кобуру с ее бедра и убирая пистолет в бардачок.

— Что мы делаем? — в ее глазах плещется страх.

— Залезай на заднее сиденье.

Трясаясь, она так и сделала, проскользнув в пространство между сиденьями. Я следую за ее движениями взглядом, затем выхожу из машины, прикосновение соленого морского воздуха успокаивает бушующие эмоции. Я забираюсь на заднее сиденье. Она сидит спиной к двери, прижав колени к груди и обхватив их руками.

— Что ты собираешься делать?

— Злые, очень злые вещи, Амелия.

Я осторожно обхватываю ее запястье рукой, тяну, пока она не поддается, а затем с силой раздвигаю ее ноги. Ее кожа покрылась румянцем, а тишину заполнило затрудненное дыхание.

Моей красивой жене это нравилось.

— Ты сейчас мокрая, Амелия? — я кладу руки на ее бедра, раздвигая их, и ее прекрасная киска блестит.

— Габриэль, — стонет она, когда я провожу рукой, ее возбуждение покрывает мои пальцы.

— Черт возьми, Амелия, такая мокрая.

Ее бедра приподнимаются с сиденья, когда я позволяю пальцу проделать весь путь до ее входа, дразня, но не входя полностью. Достаточно, чтобы она захотела.

— Ты знаешь, что я делаю с мужчинами, которые меня не слушаются? — произношу я, чувствуя, как ее киска становится все более и более влажной, слышу хлющающий звук, когда я медленно проникаю внутрь, а затем снова выхожу, мягко надавливая одним пальцем.

— Нет, — вздохнула она.

— Я пытаю их до тех пор, пока они не вспомнят, кто ими владеет, — признаюсь я. — Я причиняю им боль, которая каждый раз ставит их на грань смерти, но я останавливаюсь перед тем, как дать им пощадку. Я держу их в сознании, живых. Я держу их там, напоминая им, что значит послушаться меня.

— Ты сказал... Ох!

Она вскрикивает, бедра выгибаются, когда я ввожу в нее два пальца, изгибая их, чтобы погладить эту сладкую шершавую точку внутри.

— Я знаю, что я сказал, жена, я не собираюсь так поступать с тобой.

Я дразню это сладкое местечко, наблюдая, как дрожат ее ноги, как пот покрывает ее кожу, а от жары в машине запотевают стекла.

— Да, *боже*, прямо здесь.

Я улыбаюсь, подталкивая ее к пику, подготавливая ее к этому, и как раз в тот момент, когда она уже готова кончить, я вытаскиваю пальцы, останавливая надвигающуюся кульминацию. Она вскрикивает от потери.

— Хочешь, чтобы тебе было хорошо? — спрашиваю я, снова нежно кружась вокруг нее.

— Пожалуйста, — умоляет она.

— Они тоже умоляют, — говорю я ей, наклоняясь вперед, чтобы захватить зубами ее нижнюю губу, свободной рукой обхватываю ее грудь, перекатывая между пальцами затвердевший сосок. — Они молят о смерти и пощаде. Знаешь, о чем ты будешь умолять меня?

— Габриэль — она проводит языком по моим губам, мой член напряжен до предела.

— Ты будешь умолять меня трахнуть тебя, ты будешь умолять меня заставить тебя кончить. Ты будешь хотеть меня так сильно, что тебе будет казаться, что без этого ты сойдешь с ума. А я буду продолжать толкать тебя за грань, но не давать кончить.

Она хнычет.

— Прости меня, — она тянется к моему ремню, пытаясь достать член. — Пожалуйста, Габриэль.

Я отодвигаюсь в сторону, хватаю ее за колени и дергаю вперед, пока ее спина не упирается в сидение, и я могу обхватить ее бедра, притягивая ее задницу к себе. Я упираюсь спиной в дверь, одна нога согнута, чтобы я мог оставаться в этом положении, а другая поддерживает меня на полу машины. Я хватаю ее и поднимаю, слегка наклоняясь, чтобы поднести ее мокрую киску ко рту. Ее руки вырываются, ногти царапают кожу кресел. Это не очень удобная поза для нее, но я держу ее так, мое лицо зарыто между ее бедер, вбирая в себя все соки. Мой язык гладит ее киску, но я избегаю этого пульсирующего,

чувствительного клитора.

Я проникаю языком в нее, ощущая вкус ее мускусного возбуждения и проглатывая его, прежде чем наконец провести языком по чувствительному бутону. Она заливает мои губы и подбородок своей влагой, пока я поднимаю ее вверх, вверх, вверх и вверх, а затем я останавливаюсь, поворачиваю лицо, чтобы поцеловать ее внутреннюю часть бедра.

— Я больше никогда этого не сделаю, — хнычет она. — Только пожалуйста. Габриэль, пожалуйста

— Я знаю, что ты не сделаешь этого, но наказание есть наказание, и это будет продолжаться всю ночь, Амелия.

Ее хныканье заставляет меня улыбнуться. Я осторожно опускаю ее бедра и помогаю ей сесть. Ее глаза загораются, когда она видит, как я достаю свой член, поглаживаю его по стволу и размазываю капельку спермы по головке.

— Жадная девочка, — улыбаюсь я, протягивая руку вперед, чтобы взять ее за затылок. — Позволь мне трахнуть твоё красивое горло.

Она, не колеблясь, опускает свой теплый и влажный рот на мой член, вводит его до упора в горло, проводя языком по маленькому гребню на нижней стороне.

— Блядь! — я приподнимаю бедра, когда она опускается, беря больше. Она задыхается, обхватив мой член, но не останавливается.

Я хватаю ее за запястье, когда она пытается просунуть руку между своих бедер.

Она ворчит на моем члене, вибрация звука вызывает всплеск удовольствия в моих яйцах. *Dio (прим. пер. — Господи)*, я хочу трахать ее до следующей недели.

Держа руку на ее затылке, я жестко и быстро вхожу в ее рот. Она задыхается, но терпит, берет меня и сосет.

— Черт возьми, я сейчас кончу, — прорычал я. — Ты, блядь, проглотишь все, Амелия. Все.

Она одобрительно хмыкает.

Мой хрип становится громким, окна полностью запотевают от конденсата, и я кончаю, горячо и громко, ударяя в заднюю стенку ее горла. Она проглатывает все до конца, продолжая сосать меня до последней капли, прежде чем выпустить член с влажным хлопком.

Она смотрит на меня остекленевшими глазами.

— Моя маленькая грязная жена, — хвалюсь я, вытирая большим пальцем слезы на ее щеках. — Сейчас я отвезу тебя домой, где никто не услышит твоих криков. Сегодня ночью ты будешь моей шлюхой.

Глава 43

Амелия

Дом был пуст.

Это было сюрреалистично — оказаться в месте, которое я раньше видела только кипящим жизнью и движением. Но темные залы гулко отдавались в тишине, грохот волн разбивался о скалы.

Я все еще была абсолютно голой, если не считать каблуков на ногах, которые били, как боевой барабан, пока Габриэль вел меня в спальню, прихватив из бара бутылку виски.

— Габриэль, — начала я.

Мой голос сорвался, тело болело, дрожало, я так хотела кончить, что думала, что могу расплакаться, если не получу этого.

Его наказания были удивительно жестокими. Он играл моим телом, как инструментом, держал меня на грани. Это была пытка и экстаз. Я хотела, чтобы это никогда не прекращалось и прекратилось одновременно.

— Шшц, — мягко приказывает он, ведя меня в спальню, а затем к кровати, на которую садит.

Он перемещается по комнате, не глядя на меня, собирает вещи, которые кладет на прикроватную тумбочку. Виски и два галстука.

— Ложись на подушки, — говорит он мне. — Руки над головой.

Я хмыкаю в ответ, приподнимаюсь и делаю, как он говорит. Он подходит к изножью кровати и аккуратно снимает с меня одну туфлю, затем другую, бросая их на пол, затем переходит к моим запястьям, берет один галстук и обматывает его вокруг него, после чего закрепляет его на столбике кровати.

— Что ты делаешь?

Он ничего не говорит, переходя к другому.

— Ты будешь умолять меня остановиться, — говорит он. — Но ты не захочешь этого делать. Мне нужно, чтобы ты назвала стоп-слово.

— Стоп-слово?

И страх, и возбуждение прокладывают себе путь через меня. Часть меня уже хотела, чтобы это прекратилось, часть боялась того, чем это может закончиться, но еще большая часть хотела этого больше, чем воздуха в легких. Я слышала о том, что люди используют стоп-слова, но никогда не представляла, что окажусь в ситуации, когда это необходимо.

Он усмехнулся, почувствовав мое замешательство.

— Тебе не нужно бояться, Амелия, это будет хорошо для тебя настолько, насколько ты будешь ненавидеть это. Это наказание, и я буду делать вещи, которые ты будешь ненавидеть, чтобы любить, но я хочу знать, если это станет слишком. Ты должна мне сказать.

— Итак, стоп-слово?

— Да.

— Казино.

Он ухмыляется.

— Хорошо.

Он крепко привязал меня к кровати, но не так туго, чтобы перекрыть доступ крови к рукам. Материал натирал кожу, но это было терпимо.

Мужчина встает на край кровати и снимает рубашку. Выпуклость в его брюках напряглась, но он не обратил на это внимания, а наклонился и взял предметы из нижнего ящика тумбочки.

Я вижу фаллоимитатор и вибраторы, лежащие рядом с виски.

У меня открывается рот.

— Ты когда-нибудь пользовалась этим, Амелия? — он дразнит меня, беря в руки большой член. — Ты когда-нибудь использовала игрушки на своей красивой киске?

— Да.

Он берет маленькую бутылочку, которая, как я понимаю, является смазкой, и опускается на колени между моих ног.

— Ты такая красивая, — говорит он мне, проводя пальцами по моему животу, мышцы которого вздрагивают от его прикосновений. Я была возбуждена, каждое нервное окончание готово было взорваться.

Его рука скользит по моей киске, дразня. Я уже была мокрой, практически насквозь, но он хотел большего. Это было несложно, учитывая, как сильно я была напряжена. Я пульсировала от отчаянной потребности. Я хотела его так сильно, как никогда не хотела ничего другого.

Дыхание вырывалось из груди, глаза закрывались, и я готовилась к удару, когда он лишит меня оргазма. Когда это произошло, он захихикал, а я покачала головой, выдыхая воздух. Затем я чувствую, как большая головка чего-то упирается в мой вход. Я сглатываю, глядя вниз, и вижу, как он наблюдает за тем, как вдавливают в меня твердую длину фаллоимитатора. Он пристально наблюдает за этим, словно не решаясь пропустить ни одной секунды.

Он был большой, и я чувствовала, как он растягивает меня, но прохлада смазки и ее скользкость помогали, когда он мягко вводил его в меня. Я раздвинула бедра.

— Вот так, — хвалит он. — Такая грязная, блядь, девчонка.

— Черт, — простонала я.

— Посмотри, как хорошо эта киска принимает его, — прохрипел он. — Ты так хорошо принимаешь все, что я тебе даю, Амелия.

Мне нужно было больше. Я подалась бедрами вниз, пытаюсь заставить его вдавить его в меня еще, но он контролирует ситуацию, и эта чертова мрачная усмешка говорит мне, что он знает это.

— Жадная девочка, — медленно качает он головой, не заполняя меня полностью. — Ты хочешь пить, Амелия?

Это был искренний вопрос?

Когда он перестает двигаться, я открываю глаза и вижу, что он ожидает ответа.

Он все еще держит член внутри и смотрит на меня.

— Ты хочешь пить?

Я сглатываю и киваю.

Он ухмыляется и, наклонившись через мое тело, берет бутылку виски, не давая игрушке двигаться внутри меня. Я извиваюсь, пытаюсь заставить ее войти глубже.

— Не двигайся, Амелия, — укоряет он.

Мужчина отпускает ее, чтобы открыть бутылку, отбрасывает крышку и снова хватается за нее, прежде чем она успеет выскользнуть. Он слегка проталкивает ее внутрь, заставляя мои глаза закатиться назад, пока он двигается вверх по моему телу.

— То, что я хочу сделать с тобой прямо сейчас, Амелия... — низко рычит он.

— Сделай это, — я задыхаюсь.

Он усмехается.

— Грязная девчонка, — он медленно трахает меня членом в своей руке, находясь надо мной. — Открой рот.

Я делаю то, что он говорит, а затем наблюдаю, как он делает большой глоток виски, ставит бутылку на тумбу, располагает свой рот над моим и выпускает все это на мой ждущий язык. Я глотаю, но немного жидкости стекает по щеке. Габриэль опускает свое лицо к моему.

— Всю ночь. Я буду иметь тебя всю ночь.

Я не успеваю ответить, как он резко вводит в меня член и слизывает с моей щеки следы виски.

— Да, — задыхаюсь я. — Да, еще.

— *Cazzo (прим. пер. — Черт)*, Амелия, видеть тебя такой.

Я дергаю за галстуки, желая прикоснуться к нему, пока его глаза прыгают по моему лицу, оценивая мое удовольствие. Все вокруг напряглось, мне хотелось кричать.

Его глаза опускаются к моей киске, я чувствую свою влажность по бедрам, под задницей.

— Капает, — размышляет он, прежде чем отвести фаллоимитатор и расположиться между моих ног. — Я не могу ждать.

Я неистово трясу головой.

— Тогда не надо, блядь, пожалуйста, Габриэль.

Он стягивает с себя брюки и боксеры, затем направляет свой член ко мне и подается бедрами вперед, врезаясь в меня. Я дергаю за завязки, но они не поддаются, и я все еще нахожусь в его власти.

Он впивается в меня, жестко и напористо, и это чертовски приятно. Его тело нависает над моим, его нос проходит по всей длине моего, зрачки его глаз горят. Он тянется вверх и развязывает один галстук, затем другой, после чего поднимает меня, заставляя опуститься на колени.

— Как долго, по-твоему, ты сможешь продержаться, *mondo mia*?

Он задерживается позади меня, не входя снова, а проводя рукой по моему позвоночнику, а затем вниз между ягодиц. Я напрягаюсь под ним, сглатывая. Он продолжает, проникая пальцами в мою киску, растягивая меня, прежде чем снова выйти и подняться, используя мое собственное возбуждение, чтобы размазать его по той дырочке, к которой я поклялась, что никто не прикоснется.

Теперь клятва была недействительна, потому что в этот момент я была готова дать ему все, что он пожелает.

— Ты такая красивая, — шепчет он. — Такая желанная и жаждущая для меня. Полностью моя.

Я прижимаюсь к нему, он приподнимается и глубоко входит в меня, мы оба стонем.

— Я задал вопрос, как долго?

— Недолго.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала.

— Что угодно.

— Постарайся не...

— Что!?

— Просто доверься мне.

Он начинает двигаться, жестко и быстро, его тело опирается на мою спину. Его руки теперь держат меня за бедра, оттягивая назад, когда он трахает меня вперед, жесткий шлепок нашей кожи доносится до моих ушей

— Я не могу, — плачу я, вцепившись пальцами в простыни.

— Ты можешь, *mondo mia*, — говорит он. Я стискиваю зубы, глаза закрываются. Я могу сосредоточиться только на том, что он делает со мной, как точно он входит в меня, попадая в точку с каждым толчком.

— Вот так, — хвалит он.

— *О боже*, — задыхаюсь я в подушку.

— В тебе так хорошо. Продолжай держаться. Я чувствую, как крепко ты сжимаешь его, детка, твоя киска похожа на рай.

— Габриэль, — умоляю я.

Он прижимается губами к моему позвоночнику, проникая под меня, а затем между моих ног. Я дергаюсь, когда он проводит рукой по моему телу, а потом вдруг шлепает ею по моему клитору.

Я не могу остановиться.

Оргазм пронзает меня. Такой сильный, что я вскрикиваю, когда теплая влага покрывает мои бедра, вырываясь из меня. Моя киска спазмирует и сжимается вокруг члена Габриэля, продолжая скачки удовольствия по моему телу.

— Черт возьми, — кричит Габриэль, продолжая двигать рукой, затягивая оргазм, пока я не чувствую, что вот-вот потеряю сознание. Толчки Габриэля становятся все сильнее, но все более беспорядочными, его член дергается внутри меня, пока он не замирает и не издает стон, набухая и заполняя меня полностью.

Я падаю на кровать, Габриэль падает на меня, мы тяжело дышим, наша кожа потная, а бедра стали липкими.

— Я не знаю, что только что произошло, — признаюсь я, поскольку никогда не ощущала ничего столь интенсивного и такого, что происходит с моим телом. Я чувствую его улыбку на своей коже.

— Ты только что кончила, — говорит он с удовлетворением. — Ты кончила на меня, — мои щеки пылают. — И это было чертовски красиво. Ты будешь делать это снова. Много раз.

— Ты меня убьешь.

Он смеется, приподнимаясь и располагаясь между моих ног. Его руки раздвигают мои бедра.

— Мне нужна минутка, — смеюсь я.

Его пальцы проводят по внутренней стороне моего бедра, распределяя смесь моей и его кульминации, собирая ее, прежде чем протолкнуть обратно внутрь.

Я стону от удовольствия и боли.

— Такой жадный.

Он опускает свое тело рядом со мной, и я поворачиваю голову к нему, видя его довольное, расслабленное лицо, смотрящее на меня. Он наклоняется вперед и целует меня в лоб. Я была сонной и измученной, мои глаза медленно закрывались, когда Габриэль поцеловал меня в лоб.

Сон начинает завладевать моим сознанием, но именно тогда я понимаю, насколько глубоки мои чувства к этому человеку.

Я была влюблена в него.

Я полюбила его.

Я прижимаюсь к нему, понимая, что не могу заснуть, мне нужно принять душ, но я хочу, чтобы он был рядом прямо сейчас. Он прижимает меня к себе, обнимая.

Мои губы прижимаются к области над его сердцем.

— Габриэль? — пробормотала я.

— Да, *mondo mia*.

— Я люблю тебя.

Что-то грохочет в его груди, когда его руки сжимаются.

— И тебе принадлежит мое сердце, *amore mia*, я влюблен в тебя.

Глава 44

Амелия

Габриэль: Ты все еще чувствуешь меня между своих бедер, жена?

Сообщение приходит, когда я наливаю кофе, и мой телефон вибрирует на стойке. Мои щеки пылают от этих слов.

Я: Да.

Я отхлебнула кофе и отправилась в сад. Линкольн был в детском саду, а Габриэль должен был уехать рано утром с Энцо. Я, конечно, была не одна. Он позаботился о том, чтобы за мной оставались двое мужчин, чтобы защитить меня. Я присела на террасе, легкий морской бриз трепал мои волосы.

Это была долгая ночь. Длинная, грязная, потная ночь. И я испытывала самую приятную боль. Боль напоминала мне о том, как Габриэль обращался со мной прошлой ночью, доводя до оргазма несколько раз и руками, и языком, и членом, и игрушками, которые он принес.

Я сказала ему, что люблю его.

Я никогда раньше никого не любила, но я знала, что это так. Мое сердце билось для него. Он поглотил меня целиком, и он мог оставить меня себе.

Я никогда не сомневалась в словах, когда он говорил их в ответ.

Он показал мне больше, чем можно выразить словами.

Я удовлетворенно вздыхаю, потягивая кофе.

Габриэль: Я представляю, как ты кончаешь на мой член, Амелия. Я не могу перестать думать об этом.

Я усмехаюсь.

Я: Ну, тебе лучше научиться сосредотачиваться, а то твои мужчины могут подумать, что ты стал мягким.

Габриэль: Я сейчас точно не мягкий, жена, не тогда, когда мои мысли заняты твоей киской.

Я покачала головой и решила не отвечать. Я не хотела отвлекать его от того, что произошло, из-за чего Ашер позвонил ему сегодня утром на рассвете. Ему нужно было вернуться ко мне домой, и если он будет отвлекаться на мои сообщения, я не смогу жить спокойно.

Мой телефон молчит все десять минут, прежде чем приходит очередное сообщение.

Габриэль: Лучше бы у тебя было достойное оправдание, почему ты мне не отвечаешь.

Я: Ты занят.

Габриэль: Я никогда не бываю слишком занят для тебя, Амелия.

Он умел заставить меня улыбаться, даже в текстовом сообщении.

Я: Когда ты будешь дома?

Габриэль: Скоро. Обещаю. Разогрейся для меня.

Я: Опять?

Я качаю головой.

Габриэль: Всю ночь.

Позади меня что-то стучит в доме.

Сжимая телефон, я поднимаюсь и иду внутрь.

— Эй? — я кричу. — Все в порядке?

Из кухни доносится хрюканье и легкий стон. Кто-то поранился?

Я направляюсь на кухню, нервы сжимаются в животе, и когда я захожу за угол, то

первым делом вижу кровь. Лужа крови, расплывающаяся по кафелю, а затем тело с перерезанным горлом. Мужчина был еще жив.

В горле булькает крик, но я не выпускаю его, быстро набираю номер Габриэля и подношу телефон к уху, крутясь на месте, чувствуя на себе пристальный взгляд.

— Не смогла устоять, детка? — его глубокий голос хихикает в трубке, пока я, тяжело дыша, возвращаюсь на кухню, к мужчине, медленно истекающему кровью на плитке. — Амелия?

— Кто-то напал на одного из твоих людей, — поспешно говорю я. — Он истекает кровью!

— Что!?

— Габриэль, в доме кто-то есть.

Я подбегаю к парню, стараясь, чтобы страх не поглотил меня, приседаю и кладу руку на рану. Он хватается за мое запястье, глаза расширены.

— Все в порядке, — шепчу я с дрожью в голосе.

Мужчина слабо качает головой и открывает рот, чтобы заговорить, но из него не вырывается ни звука.

— Амелия! — рев Габриэля заставил меня содрогнуться.

Неужели он что-то говорил?

— Мне очень жаль, — шепчу я. — Но я не думаю, что смогу его спасти.

— Амелия, выходи из дома.

Я смотрю на парня, наблюдая, как он слабо макает палец в свою кровь, а затем пишет слово на части чистой плитки рядом с ним. Б... Е... Г... И...

А потом его глаза закатываются, и он замирает.

— Он мертв.

— Все в порядке, Амелия, — Габриэль двигается, бежит, его тяжелое дыхание доносится до моего уха. — Мне нужно, чтобы ты меня слушала, хорошо?

— Хорошо, — я поднимаюсь с пола, отступая назад.

— Доберись до ближайшего выхода, иди в гараж и возьми одну из машин. Там слева есть ящик, код — 4487, внутри пара запасных ключей.

— Я иду, — в оцепенении говорю я.

Страх и паника были готовы парализовать меня.

— Я с тобой, Амелия, хорошо? Я с тобой.

Я киваю, хотя знаю, что он меня не видит. Он скоро будет здесь.

Входная дверь была ближе всего, поэтому я направилась туда, потянула за ручку, но она не открылась.

— Дверь заперта, Габриэль.

— Ключ, Амелия, в чаше рядом с дверью.

Я проверила, но ключа не было, и тут я увидела круглый кусочек металла на плитке у своих ног. Это была головка ключа, а когда я перевела взгляд на замок на двери, то увидела оставшуюся часть ключа, сломанную и зажатую в замке.

— О боже, — вздохнула я.

— Что Амелия?

— Они сломали ключ в замке.

— Черт. ЧЕРТ!

Я отступаю от двери.

— Они в доме, не так ли?

— Да, Амелия, они там. Иди к задней двери. Сейчас же.

— Я боюсь.

— Я знаю, детка. Я знаю.

Я, спотыкаясь, пошла на кухню, к задней двери, где пила кофе. Я оставила дверь незапертой. Она открывается, но я была не одна.

Второй человек, которого Габриэль оставил следить за мной сегодня утром, стоял по другую сторону. Увидев меня, он жестоко усмехнулся, поднял руку и помахал пальцами.

— Я не могу выйти через заднюю дверь, — говорю я Габриэлю. — Другой человек, это он убил его. Он блокирует дверь.

— Хорошо, Амелия, послушай меня, здесь есть комната паники. Она не использовалась уже много лет, но она работает. Ты должна подняться наверх.

— В какую комнату?

— В твою старую комнату, там есть кнопка на внутренней стороне шкафа. Нажми ее.

— Хорошо, я пойду, — я поворачиваюсь к лестнице и замираю. — Боже мой, — выдохнула я.

— Привет, Амелия.

Глава 45

Габриэль

— Боже мой! — ее шепот наполнен ужасом.

— Амелия! — реву я, но телефон отключается.

Я бегу, мои ноги сильно и быстро ударяют по грязи. Мне нужно было добраться до нее. Немедленно!

Атлас, Девон и Энцо не отстают от меня, не понимая, почему, но чувствуя срочность.

Я снова пытаюсь дозвониться, но она не берет трубку.

И вот я уже еду, колеса моей машины скользят по гравию. Энцо мчится впереди меня, его мотоцикл быстрее и проворнее в пробках.

Он доберется туда. Он доберется и спасет ее.

— Габриэль, поговори со мной, что происходит?

— Они поехали за Амелией. Они в доме.

— Твои люди там, да?

— Один мертв, — мои руки вцепились в руль. — Другой — предатель.

— Черт.

— Если они причинят ей вред...

— Мы успеем! — рычит Девон, доставая свой телефон, он начинает звонить людям, знакомым, моим людям и копам. — Кто-то успеет!

— Кто это!? — требую я. — КТО!?

— Думаю, мы сейчас узнаем, — мрачно говорит Девон, когда я сворачиваю на городские улицы. Атлас был у меня на хвосте, Энцо давно уехал.

Мне кажется, что прошла целая вечность, прежде чем я наконец добрался до длинной дороги, ведущей к дому, но я уже вижу его. Маленькая точка на вершине скалы.

Моя Амелия.

Моя жена.

Я резко нажимаю на газ, с визгом несусь по дороге, ведущей к обрыву, а затем резко торможу, когда, наконец, оказываюсь во дворе перед домом.

Дверь была распахнута настежь.

Я мчусь к ней, а после останавливаюсь на плитке в фойе.

— Где она!? — спрашиваю я, обнаружив Энцо, сидящего у небольшой лужи крови рядом с входом в кухню. Мой взгляд находит маленький кровавый отпечаток руки на стене. — *Где она!?* — реву я. — *Где моя жена!?*

Энцо поднимается со своего места и с сожалением смотрит на меня, затем качает головой. Сзади, увидев меня, вбегает Атлас.

— Где?

Энцо качает головой, глядя на моего брата.

— Она не ушла, — рычу я. — Нет, ты проверил комнату паники!?! — Энцо подходит ко мне и обхватывает за плечи, сжимая в знак сочувствия. — Амелия! — кричу я, стряхивая руку.

Нет. Нет, она не ушла.

Я прорываюсь мимо него, слыша, как мужчины идут сзади меня. На полу были размазаны следы крови, на стене — отпечатки босых ног и рук. Это была ее кровь?

Я нахожу мертвого мужчину на кухне и чуть не поскользываюсь на его остывающей крови, но не останавливаюсь, бегая по дому, ее имя хрипло срывается с моих губ, когда я зову ее снова и снова.

Она не могла исчезнуть.

— Амелия!

— Брат! — Атлас схватил меня за плече. — Ее здесь нет.

Я поворачиваюсь к нему.

— Это был ты!

Его лицо искажается в шоке.

— Что?

Я ударяю кулаком по его лицу.

— Это ты, не так ли? Ты это спланировал. Это ты против меня!

Он отбивается, блокируя удар и нанося свой собственный в мою челюсть.

— Что за хрень!?! — он рычит.

— Ты думаешь, я не знаю!?! Думаешь, я не вижу твоей ненависти!?!

Все встало на свои места. Как мужчины в подвале смотрели на его лицо. Как вела себя Амелия, когда она была в больнице, а он приехал.

Они знали его лицо.

Это он сговорился против меня. Это был он!

Руки обхватывают меня, не давая снова броситься на него, а Девон удерживает Атласа. Я пытаюсь вырваться из рук Энцо, добраться до брата, чтобы покончить с ним.

— Где она? *Где моя жена!?* — реву я.

— Я, блядь, не знаю! — Атлас сплевывает кровь.

— Я убью тебя, Атлас. Я, блядь, вырву тебе глотку.

— Тогда покончи со мной, Габриэль. Думаешь, мне не все равно, если я умру?

— Хватит! — кричит Девон. — Это не он! — я замираю, мой пыл остывает лишь на мгновение. — Я собираюсь отпустить его, — говорит Девон.

Атлас вырывается из его рук и смотрит на меня, вытирая кровь с губ.

— Мне безразлична эта гребаная семья, Габриэль, несмотря на все то дерьмо, через которое ты меня протащил. Это единственная семья, которая у меня есть.

— Габриэль, — Девон привлекает мое внимание, а затем переводит взгляд на стол, стоящий недалеко от двери. На нем лежит записка, зажатая окровавленным кухонным ножом.

Я чувствую, как кровь стынет в жилах, когда подхожу к ней, нахожу длинную прядь темных волос, неровно остриженных, и кусок бумаги.

Мой взгляд пробегает по словам. Послание и предупреждение.

Я приказываю никому не следовать за мной.

Я ухожу один.

И делаю это, чтобы забрать жену.

Глава 46

Амелия

— Зачем ты это делаешь?

Я плачу, стиснув зубы от боли. Он держит меня за волосы, заставляя двигаться, босые ноги режут битое стекло и гравий на полу дома. Мое лицо болело от полученных ударов, рана на руке от ножа перестала кровоточить, но пекла, как проклятая, кожа была натянута и повреждена.

Ашер грубо дергает меня за волосы и откидывает голову назад. Я вскрикиваю от боли в черепе. Он заставляет меня посмотреть на его искаженное гневом лицо.

В его глазах не было ничего. Лишь мрачность, обещающая бесконечную пытку.

— *Зачем?* — он издевается, а потом смеется. — Потому что вы все, блядь, этого заслуживаете.

А затем он снова заставляет меня идти вперед. Мои руки были связаны за спиной достаточно крепко, чтобы веревка глубоко врезалась в кожу и ограничивала приток крови к рукам.

После драки в доме он потащил меня к машине, запихнул в багажник и уехал. Он вел машину с бешеной скоростью, мое тело швыряло, как чертову куклу.

Он собирался убить меня.

Мужчина остановился у старого дома на окраине города и потащил меня через заросли травы и кустарника, колючки и ветки резали мою кожу.

Я умру здесь. В этом старом доме, где меня никто не найдет. Габриэль никогда не найдет меня здесь.

Слезы навернулись на глаза, но сейчас было не время плакать. Я должна была разобраться во всем, понять, как выбраться из этого.

Ашер внезапно останавливается.

— Я убью и его тоже, — говорит он мне, голос почти спокойный. — Так же, как я убил его брата.

— Ты убил Лукаса?

Он медленно кивает, как будто его сознание вернулось к тому времени, когда это произошло.

— Он боролся. Я почти проиграл, но, видишь ли, у Сэинтов ложное чувство силы. Они считают себя больше и лучше, но они недооценили меня. Мне нечего терять и есть что приобретать.

— Ты никогда не станешь даже половиной того, кем является Габриэль!

Я огрызаюсь, пытаюсь вырваться из его хватки. Я вскрикиваю, когда он дергает меня так сильно, что я чувствую, как несколько прядей вырываются. Он заставляет меня пройти

немного по коридору, и тут до меня доносится запах — дурной, тяжелый запах, который забивается мне в нос. Он настолько сильный, что я почти ощущаю его вкус на языке, чувствую, как он ударяет в горло. Я не могу подавить рвотный позыв.

Ашер распахивает дверь, и вонь усиливается до тех пор, пока меня не начинает рвать содержимым желудка.

Он не дает мне шанса прийти в себя, поднимает мою голову и затягивает в комнату.

Тело.

Сгнившее. Половина его была съедена грызунами и насекомыми. Кожа отваливалась от костей, она была разного цвета — от серого до зеленого и желтого. Волосы отходили от кожи, и у него не было глаз.

Никаких, блядь, глаз.

Меня снова вырвало.

— Вот где Габриэль закончит свою жизнь. Сгниет в этом доме навсегда. Но не волнуйся, красотка Амелия, он станет хорошей пищей для паразитов.

Боже мой, это был Лукас. Это тело брата Габриэля. *Отцу* Линкольна.

— Он не придет за мной, — прохрипела я, выплевывая желчь изо рта, пытаюсь дышать через нос. — Он не настолько глуп.

Ашер смеется.

— Этот человек любит тебя. Больше, чем себя. Больше, чем этот город. Он придет за тобой.

— Нет.

— Поначалу я завидовал ему, — продолжает Ашер, закрывая дверь. — Он получил все. Город. Власть. Тебя. Но потом я понял, насколько он слаб, потому что сначала ты была просто шлюхой, которую обрюхатил его брат, а потом он женился на тебе. Взял мальчика. Сделал его наследником. Он влюбился в тебя в первую же неделю, а потом ты стала больше. И вот это-то и станет его гибелью.

Я молилась, чтобы этого не случилось. Что Ашер ошибался. Габриэль любил меня, я знала это, чувствовала каждой частицей своего существа, но он должен был быть умнее. Он должен был знать, что это ловушка.

— Ты не должен этого делать, — пытаюсь я, когда мы начинаем пробираться по длинному узкому коридору под землей, подальше от гниющего тела и гноящейся плоти. — Ашер, пожалуйста.

— Ты можешь умолять, Амелия. Я выслушаю, — говорит он. — Но ни ты, ни он не уйдете отсюда живыми. Мне жаль тебя, но я уверен, что ты понимаешь, почему я должен убить и тебя.

Я сглотнул. Может ли он выбрать Линкольна?

Камиллу?

Убьет ли он их всех, чтобы только он мог сесть на трон? А как же Атлас? Он тоже в этом замешан?

Было очевидно, что Ашеру удалось склонить на свою сторону нескольких человек, использовать их, чтобы разрушить город Габриэля, его жизнь, пытаюсь отнять у него трон, но как насчет его угрюмого близнеца?

— Ты — чудовище.

— Чтобы выжить в этой жизни, нужно быть чудовищем, Амелия, твой муж научил меня этому.

Я не хотела умирать. Еще нет.

Он пинком открывает дверь в конце коридора, заталкивает меня внутрь, а затем захлопывает ее и тащит через всю комнату. Я сопротивляюсь и бьюсь, но он сильнее меня, я не могу вырваться.

— Пожалуйста! — умоляю я.

Он резко бросает меня вниз, мои колени подгибаются под его силой, и я врезаюсь в столб, который торчит из земли до потолка, боком отскакивая от неумолимой поверхности.

Он настигает меня, и, несмотря на то, что перед глазами пляшут черные точки, а голова раскалывается, я отбиваюсь, успеваю нанести удар ему в пах, а затем в голову, когда он сгибается от боли.

— Ах ты, сука! — он рычит, бросается на меня и приземляется сверху с такой силой, что я чувствую, как что-то щелкает в моей ноге.

Я вскрикиваю, и мое зрение затуманивается от боли.

Он что-то сломал. Боже мой.

Тыльная сторона его руки ударяет меня по лицу, и я падаю на пол, парализованная болью. От страха. Он убьет меня еще до приезда Габриэля, заставит его увидеть меня. Рассказать, как он опоздал.

О, черт. Нет.

Слезы застилают мне глаза, и я не в силах остановить их, так как они стекают по моему лицу. Ашер обхватывает меня руками, мое тело слишком слабое, слишком вялое, чтобы бороться с ним, когда он привязывает меня к столбу, руки согнуты под неудобным углом, что делает слишком болезненной попытку согнуться.

— Ты заставила меня это сделать, — рычит он, голос приглушен, как будто говорит из-за подушки. — Это твоя вина.

Он расхаживает взад-вперед передо мной, бормоча что-то себе под нос, но я не могу разобрать, что именно, из-за звона в ушах.

Мужчина приседает и берет меня за лицо, заставляя посмотреть на него. Его голос кажется тихим, но теперь, когда он ближе, я могу его слышать.

— Он бы добрался до дома. Увидел бы, что ты пропала. А после нашел бы мою записку.

— Надеюсь, он вырвет тебе сердце, — я слабо сплюнула.

— Он придет за тобой прямо сейчас, Амелия.

— Нет.

— Да, но не волнуйся, — он проводит пальцем по моему лицу, почти ласково. — Я не заставлю тебя смотреть, как умирает твой муж, кроме того, это *он* будет свидетелем, когда я заберу твою жизнь, — я сглатываю. — Может быть, есть загробная жизнь, — пожимает он плечами. — Он найдет тебя снова, если это так, я уверен.

— Ты не должен этого делать, Ашер.

— О, Амелия, я должен. Это уже началось.

— Ни один мужчина не будет стоять за тобой, если ты это сделаешь.

— Несчастные случаи происходят постоянно, Амелия, а те, кто знает правду? Они не проживут достаточно долго, чтобы рассказать кому-то.

Он отстраняется от меня, оставляя меня с этими словами, пока тащит стул со стороны комнаты и небрежно садится, подпирая лодыжку коленом и проверяя время.

— Даю полчаса, — говорит он. — Я бы посоветовал тебе подумать о всех вещах, которые ты не выполнила.

Я хочу спросить о своем сыне, хочу знать, что он планирует для него после этого, но не хочу привлекать к нему внимание. Если у Габриэля есть хоть капля здравого смысла, он заберет Линкольна и отправит его далеко от этого. Я бы попросила Камиллу, если бы могла сказать ей, чтобы она взяла его и бежала.

Мне будет больно, но он будет в безопасности. Живой.

Габриэль не пришел бы.

Он не придет.

Мое тело медленно онемело, боль притупилась. Смутно я понимала, что так начинается шок, но это не имело значения.

Не приходи, Габриэль, пожалуйста. Не приходи за мной.

Я не осознавала, что произнесла это вслух, пока Ашер не подошел ко мне, его тело превратилось в сплошное пятно.

— Твои молитвы бесполезны, — он поворачивает экран своего телефона, показывая мне. Я моргаю, глядя на изображение. Машина Габриэля и сам мужчина, вылезавший из нее. — Он уже здесь.

Глава 47

Габриэль

Приходи по этому адресу.

Один.

Если я увижу хоть одного человека рядом с тобой, я выстрелю ей в голову.

Я буду ждать.

Без имени. Но у меня было предчувствие.

Дом был старый, разваливающийся, с заколоченными окнами и полудиким садом, трава высотой с мои бедра, кусты заросли, колючки цеплялись за рукава пиджака, прикрывающего мои руки.

Я не узнал машину, припаркованную у входа, но это ни черта не значило.

Дверь со скрипом открылась, когда я толкнул ее, одной рукой держа пистолет. Кровь была размазана по деревянным половицам, еще больше — по стенам. Я иду по следу, ступая легко и бесшумно.

Это было против всего, чему я себя учил, против здравого смысла — идти в дом, не имея ни малейшего представления о том, сколько людей может скрываться внутри, ни о том, с чем я столкнусь.

Но Амелия была здесь.

Здесь была моя жена. И ради нее я готов слепо броситься в пламя.

подавив желание позвать ее по имени, я пошел по коридору, который приведет меня к ней. Он упирается в крутую узкую лестницу, а дальше — только темнота. Я медленно спускаюсь по ней, осторожно ставя ноги: в таком старом и забытом доме дерево должно было прогнить насквозь.

Внизу меня встречает тишина, воздух влажный и удушливый. Я чувствовал, как сильно колотится сердце в груди, меня пугало не то, что здесь внизу, а то, как я могу найти ее. Слишком много крови. Но она должна была быть жива.

Это была моя вина. Я не справился.

И снова провалился.

Чем ниже я спускаюсь, тем тяжелее становится воздух, пока в нос не ударил запах гнили. Я бы узнал его где угодно.

Разлагающееся тело.

На минуту паника овладевает моими мышцами, но рассудок быстро берет верх, и я понимаю, что если бы Амелия была мертва, ее тело еще не успело бы разложиться. Я нахожу дверь, от которой исходит запах, и толкаю ее, мгновенно останавливая рвотный позыв, грозящий лишить меня сознания. Я прижимаю пиджак к носу и смотрю на тело, лежащее посреди пола.

Это был мой брат. Я делаю шаг вперед и слышу плеск под ногой.

Здесь кого-то стошнило.

Амелия.

Этот ублюдок показал Амелии это.

Ярость разгорается с новой силой, я отхожу от тела и проделываю оставшийся путь сквозь темноту, добираясь до единственной оставшейся двери.

Я пинком открываю ее.

А там она.

Моя Амелия. Моя жена.

— Нет! — она грубо кричит, ее лицо в синяках, тело в крови, а лодыжка находится под угрожающим углом, что говорит о переломе.

— Амелия!

Что-то с силой ударяет меня по затылку.

— Нет! — Амелия снова кричит. — Нет, остановись!

Я падаю, и чья-то нога сталкивается с моим животом, а затем с лицом. Я падаю на землю, зрение затуманивается, но я не останавливаюсь. Я тащу себя к жене.

— Амелия! — снова кричу я.

— Остановись! — она кричит. — Пожалуйста, остановись

Нога ударяет меня по шее, пригвоздив к месту, после чего меня еще раз бьют, и я погружаюсь в темноту.

— Амелия!

Это первое слово, которое вылетает у меня изо рта, когда я прихожу в себя. Я пытаюсь пошевелиться, но что-то останавливает меня. Цепи звенят, мои руки занесены над головой, и я болтаюсь на них, кончики босых пальцев касаются пола. Запекшаяся кровь стягивает кожу на моем лице.

— Я здесь! — я слышу ее крик. — Габриэль, я здесь!

Я ищу ее, глаза затуманены, но затем ее фигура появляется в поле зрения, и я направляю на нее все свои силы. Она лежит на полу, привязанная веревкой к столбу. Она окровавлена, бледна, но жива.

— Где ты ранена? — требую я.

— Габриэль, — кричит она. — Зачем ты пришел!

Я слышу шаги.

— Я всегда буду приходить за тобой.

— Мы умрем, Габриэль, — тихо плачет она. — Мы оба умрем.

— Нет, *amore mia*, — клянусь я. — Нет, не умрем. Я рядом, Амелия.

Она смеется без юмора, но это не жестокий и злой смех, а смех, наполненный печалью.

— Я люблю тебя.

— Мы не прощаемся! — рычу я.

Ее красные глаза, блестящие от слез, встречаются с моими, но она побеждена. Она верила, что это конец.

Дверь открывается, и я поворачиваю голову, оскалив зубы.

Входит Ашер.

— Привет, брат.

— Я должен был догадаться, — пробурчал я.

— Да, — кивает Ашер. — Ты должен был, и все же мы здесь.

— Почему?

— Почему, Габриэль? — Ашер насмехается, медленно делая шаг ко мне. — Потому что ты, блядь, забрал все!

Его кулак врезается в мое солнечное сплетение, выбивая воздух из моих легких. Я задыхаюсь, пытаюсь втянуть его.

Амелия плачет.

— А ты знаешь, что я сам записал это сообщение? — Ашер небрежно говорит, пока я хриплю, вырываясь из цепей. — Там, в казино, все эти недели назад. Я перерезал человеку горло и записал это сообщение, а потом принес его тебе.

Я вспоминаю об этом, о том предупреждении, которое я не послушал. Сожаление так сильно клокочет внутри меня, что это хуже любой боли, которую он мог бы причинить.

— И ты ничего не сделал, Габриэль. Я видел, как ты слушал, а потом ушел, словно этот чертов город ничего не значил. Ты отмахивался от нападений, потому что искренне верил, что ты, блядь, неприкасаемый, и вот я доказываю, что ты ошибаешься. Я забирал твои грузы, сжигал твои склады, организовывал все нападения, и все равно ты ничего не сделал.

Он подходит к Амелии, приседает перед ней на корточки и хватается за подбородок, заставляя посмотреть на него.

— Убери от нее свои гребаные руки!

— Ты никто, Габриэль, всего лишь титулованная шлюха. Ты не заслуживаешь этой власти. Этот город. Твой брат тоже этого не заслуживал.

— Ты убил его.

Он изучает лицо Амелии, когда она пристально смотрит на него.

— Это было нелегко, — говорит он. — Он дрался и инсценировал тот несчастный случай, из-за которого меня, черт возьми, чуть не поймали.

Наконец он отпускает Амелию, и я немного расслабляюсь, пока его рука не скользит по ее бедру. Она сглатывает, плотно сжав челюсти.

Мне нужно было увести его подальше от нее, чтобы он сосредоточился на мне.

— Ашер, — рычу я. — Чего ты хочешь?!

— Этот город, конечно, — говорит он. — Ты, Сэйнт, никогда этого не заслуживал. Я отнял у тебя все это. Твой бизнес, твоя недвижимость. Я все это сжег, а ты и понятия не имел. Ты был слишком занят, играя с неважными вещами. Я знал, что нужно было сделать, и сделал это. Но ты, Габриэль, ты искренне веришь, что ты лучше. Расхаживаешь по нам так, словно считаешь себя богом. Я здесь, чтобы показать, насколько ты, черт возьми, ошибаешься.

— И что, ты думаешь, что ты лучше!?

— Я такой и есть! — ревет он, резко вставая и бросаясь ко мне. — Здесь я лучше всех. Тот, кто умнее. Я заслуживаю этот город!

— Ашер, пожалуйста! — Амелия кричит. — Пожалуйста, остановись! Габриэль отпустит тебя! Это не обязательно должно быть так!

Его внимание возвращается к ней. Нет. Нет. Нет.

Не имеет значения, как часто я выкрикиваю его имя, он все равно подходит к ней и достает нож.

— Ашер!

Подняв подол ее платья, он разрезает его, а затем использует в качестве кляпа.

— Женщин нужно видеть, а не слышать, вот чему меня всегда учили.

— Эти архаичные правила, давно отменены в семье!

— Возможно, нам стоит их вернуть, а? Подобно тому, в котором говорится, что если *истинный*, — он выплёвывает это слово. — Наследник больше не будет способен править, следующее поколение будет приведено к присяге, чтобы взять власть в свои руки.

— Ты не сможешь заполнить этот город, Ашер.

— Он *уже* мой, — он пожимает плечами. — У меня есть планы избавиться от Энцо и Девона, потому что я не настолько глуп, чтобы верить, что они будут работать на меня, но как только они уберутся с дороги, это все мое. Меня никто не остановит, — Амелия бьется, пытаясь вытащить кляп. — Ты показал свою слабость, Габриэль. Я изучал тебя с тех пор, как мы были мальчишками, но никогда не видел ни одной. Ни разу за те долгие годы, что я был вынужден жить под твоей крышей, по правилам *нашего* отца, я ни разу не видел, чтобы ты показал слабое место. До нее. Ради чего ты отодвинул город в сторону? Ради использованной киски?

— Это все потому, что ты никогда этого не получишь, если только все не умрут.

— Да, потому что я, черт возьми, этого заслуживаю! Не ты. Не тогда, когда ты возводишь суку на пьедестал и обращаешься со мной и моим братом так, словно мы какие-то полукровки. Я заслужил это, терпя твое дерьмо. Это было вручено тебе, но ты этого не заслуживаешь.

— Ты пытался убить ее в тот день в бассейне. И Линкольна.

— Я хотел, чтобы она умерла. Линкольн тоже был бы мертв. Больше никаких Сэйнтов, только я и Атлас.

— Атлас согласен с этим?

— Согласится.

— Отпусти ее, — умоляю я. — Ей здесь не место.

— Ты прав, — кивает он, проводя кончиком ножа по ее бедру. — Но ты привел ее сюда. Это на твоей совести.

— Ашер!

— Ты и твоя семья отняли все у меня, у Атласа. Забрали нас из нашей настоящей семьи, заставили жить в доме, где мы никому не были нужны, и заставили нас смотреть, как ты правишь и раздаешь нам объедки. Я заберу у тебя все за то, что нам пришлось пережить.

— Ты хочешь город? Прекрасно, он твой, отпусти ее.

— Не думаю, что я это сделаю, — жестоко улыбается он, глядя на меня. Он задирает ее платье, обнажая промежность.

— Не трогай ее, черт возьми, Ашер! — цепи гремят, мои плечи, кажется, вот-вот выскочат из суставов, но я должен выбраться, я должен добраться до нее.

— Она была достаточно хороша для обоих братьев, — размышляет он. — Сначала Лукас трахнул ее, и она забеременела, а потом ты, не смог удержаться и трахнул мамочку своего

брата.

Амелия безуспешно пытается высвободиться из рук Ашера, пинается одной ногой, но другая не двигается.

Она плачет, слезы текут по ее лицу, когда она отчаянно трясет головой. Я слышу приглушенное "нет" из-за кляпа, слышу ее мольбы.

— Если она достаточно хороша для тебя, то она достаточно хороша и для меня, верно?

— Ашер, остановись!

Он выравнивает ее раненую ногу. Крик едва сдерживается из-за кляпа. Затем он берет другую, открывая ее, а затем давит своим весом на здоровую ногу, чтобы она не двигалась.

— Амелия, — я хриплю, сглатывая, цепи гремят. — Амелия, детка, посмотри на меня.

Ее широко раскрытые, полные ужаса глаза устремлены на меня.

— Здесь только я, *mondo mia*. Это всего лишь я.

Ашер жестоко смеется.

— Ты будешь наблюдать, брат, пока я забираю у тебя все.

— Я рядом, Амелия, хорошо?

Слезы текут по ее опухшему лицу, заливая кляп во рту. Я был беспомощен, я, черт возьми, не мог это остановить.

Я потерпел неудачу. Я, черт возьми, потерпел неудачу.

Ашер сдвигает ее нижнее белье в сторону, обнажая ее. Амелия плачет, но не сводит с меня глаз.

— Мне жаль, Амелия, — говорю я ей. — Мне так чертовски жаль.

Он прикасается к ней.

Мое дыхание вырывается из груди, паника, страх и ярость смешиваются воедино.

Я не чувствовал боли в своем теле, я вообще ничего не чувствовал.

— Я прямо здесь, с тобой, Амелия.

— Может, нам вынуть кляп, Габриэль? Чтобы мы могли слышать эти прелестные крики, — Ашер шевелит пальцами, и ее глаза плотно закрываются. — Я видел вас однажды. Она такая хорошенькая, не правда ли?

Мои ноздри раздуваются.

Он протягивает руку к кляпу и вытаскивает его у нее изо рта.

— Давай, красавица Амелия, покричи для нас.

Она плюет ему в лицо, но затем кричит именно так, как мужчина и хотел, когда он заводит руку и сильно бьет ее сжатым кулаком в центр. Я отказываюсь отводить взгляд, это моя вина. Ее боль — моя.

— Я думаю, что ее боль гораздо прекраснее, чем ее удовольствие.

Глава 48

Амелия

У меня пересохло горло от крика, боль пронизывала меня насквозь. Я почувствовала теплую кровь между ног, ощутила, где удар пробил мое тело, и поняла, что на нем были какие-то кольца, которые могли нанести эти повреждения.

— Амелия!

Габриэль зарычал, как лев, запертый в клетке, incapable защитить единственную вещь, которая имеет для него значение.

Вот так я и умру.

Я и раньше думала о своей смерти, но не ожидала, что она будет такой. В моих

кошмарах меня всегда убивал отчим, и с тех пор, как Габриэль убил его, я больше не думала об этом. Мне казалось, что я проживу дольше.

Нога, на которую опирался Ашер, онемела от давления его веса, а другой ногой, со сломанной костью, я не могла пошевелить.

Даже от одной мысли об этом мне хотелось потерять сознание.

Поэтому мне пришлось терпеть.

И Габриэлю тоже.

— Не смотри, — прошептала я ему. — Не позволяй, чтобы это было последнее, что ты видишь.

— Малыш, — это были слезы в его глазах. Слезы на его щеках.

Его печаль была глубокой и искренней.

Ашер хотел, чтобы Габриэль страдал, и он делал это через единственное, что точно могло это сделать. Меня.

Мужчина поднимает нож, поднося его к моей груди. Мое дыхание останавливается.

— Ашер, пожалуйста, — умоляет Габриэль.

Его жестокий смех обрывается, когда дверь распаивается так внезапно, что я вскрикиваю: острие ножа вонзается в меня, и мое тело дергается от испуга.

В дверном проеме стоит Атлас.

Его лицо выражает гнев.

Габриэль опускает голову, пораженный.

Неужели он надеялся, что придет кто-то другой?

— Атлас? — Ашер отходит от меня, отвлекаясь.

Холодные глаза Атласа скользят по его близнецу, затем по мне, оценивая состояние моего тела, кровь, синяки, то, как я обнажена. У меня не было сил заботиться о достоинстве.

Атлас осторожными шагами подходит к брату.

— Давно пора, — уверенно говорит ему Ашер.

Но тут Атлас поднимает пистолет, заставляя брата в замешательстве нахмурить брови.

Без предупреждения, без колебаний раздается выстрел, и кровь брызжет мне на лицо.

Теплые, влажные капли попадают на мои губы и щеки.

В течение нескольких секунд ничего не происходит, но затем падает тело... тело Ашера, приземлившееся на мои колени, неподвижное, безжизненное и мертвое.

Тишина заполняет комнату, как тяжелый свинец.

— Амелия! — Габриэль разрывает ее первым, шок проходит, когда он яростно гремит цепями.

Но я все еще не могу прийти в себя, все болит, я вся в крови, и Атлас смотрит на меня со смесью ужаса и сочувствия. Он оттаскивает Ашера от меня, и я мельком вижу его лицо — из пулевого отверстия все еще сочится кровь. Его глаза остаются открытыми, и я готова поклясться, что они наблюдают за мной.

Позади Атласа появляются Девон и Энцо.

Мужчина быстро двигается, закрывая своим телом мое, опуская платье, чтобы прикрыть меня.

— Я собираюсь развязать тебя, — шепчет он с дрожью в голосе.

Я киваю.

Он протягивает руки вокруг меня, его лицо у моего уха, когда он осторожно дергает узел. Дыхание его тяжелое и хриплое, и я чувствую, что он едва держится на ногах.

Он убил своего брата-близнеца.

Когда мои запястья развязаны и он собирается отойти, я из последних сил обнимаю его руками.

— Спасибо, — шепчу я с надрывом в голосе.

Он не обнимает меня в ответ, но я чувствую, как расслабляется его тело, прежде чем он отстраняется, чтобы помочь остальным освободить Габриэля от цепей.

Мой взгляд скользит по телу Ашера, и меня пробирает дрожь.

Я так устала. Так чертовски устала.

Я чувствую, как мое тело облокачивается обратно на столб, где-то рядом со мной двигаются тела и гремят цепи, но у меня не было сил смотреть.

Габриэль был жив. Он был в безопасности.

Я слышу, как он падает.

— Нет! — рычит он, когда мои веки опускаются. — Она! Займись ею!

С кем он разговаривал?

О, точно! Девон. Энцо. Они тоже были здесь.

Руки хватают меня, и я открываю глаза, вздрагивая.

— Это я, детка. Это я.

Лицо Габриэля мелькает перед моими глазами.

— Привет.

— Амелия, — слезы текут по его лицу, пока он осматривает меня, морщась от каждой новой раны, которую он находит. — Мне так жаль.

— Она в шоке, Габриэль, — объявляет Девон. — Нам нужно увезти ее отсюда.

— Мне так хочется спать.

— Это нормально, — мягко говорит мне Габриэль.

Мои веки были тяжелыми, я с трудом держала глаза открытыми, но я видела на нем кровь, синяки.

— Ты ранен.

— Я в порядке. Сейчас я подниму тебя, Амелия.

Я кивнула, не возражая, чтобы меня несли, потому что я так устала. И мне холодно. Мне было так холодно.

Я сказала это вслух?

Энцо делает шаг вперед, снимает с себя куртку и накидывает ее на меня спереди, а Габриэль просовывает руку мне под колени, только для того, чтобы завернуть и вытащить ее обратно.

Кровь.

Так много крови.

— Какого хрена он с ней сделал!? — вопит Девон.

— Ой, простите, — хмурюсь я. — У меня что, уже начались месячные?

Глаза Габриэля наполняются страхом, когда он поворачивает голову к Девону, который уже движется.

— Мне нужно посмотреть, Габриэль, — предупреждает он.

Габриэль устраивается позади меня, кладет мою голову себе на колени, а Девон опускается на колени у моих ног.

— Амелия, детка, — говорит Габриэль, глядя на меня сверху вниз. — Посмотри на меня минутку, хорошо?

Они все были такими нежными. Такими мягкими.

Я поднимаю на него глаза.

— Ты ранен? — шепчу я.

Он качает головой, слеза стекает с кончика его носа и падает мне на губу. Мой язык высовывается, чтобы попробовать ее на вкус.

— Тогда почему ты плачешь?

Я знаю, что Девон прикасается ко мне, поднимает мое платье, но я была так очарована его пылающими ореховыми глазами, в которых плескалась еще большая печаль.

— Мне очень жаль, — шепчет он.

— Мы должны отвезти ее в больницу, — заявляет Девон. — Немедленно.

Габриэль убирает меня со своих коленей, позволяя Девону прижать к себе мой затылок. Его обеспокоенное лицо смотрит на меня сверху вниз.

— Ты в порядке? — спросил он надломленным голосом.

— Устала.

— Я знаю, Амелия, но с тобой все будет хорошо. На счет три я хочу, чтобы ты сделала большой вдох.

— Зачем?

— Просто сделай это, хорошо? — я киваю. — Раз, — его глаза скользят к Габриэлю. — Два... три, большой вдох.

Я втягиваю в себя огромное количество воздуха и с криком выдыхаю его, когда меня поднимают с пола. Все мое тело загорается, как проклятый пульсирующий маяк. Господи.

Я больше не чувствовала усталости. В голове мелькают образы: каждая рана отдается болью. Габриэль обнимает меня, а я плачу, не в силах остановиться. Я слышу шаги, голоса, приказы и крики, а затем меня укладывают на заднее сиденье машины, моя голова покоится на коленях Габриэля, а Девон сидит у моих ног, держа их. Он тянется к моему запястью, нащупывает пульс.

— Езжай! — приказывает он.

Атлас нажимает на газ.

Поездку на машине я не помню, но запомнила, как меня выносят из машины, и снова боль при каждом движении. Затем под моей спиной появляется кровать, вокруг меня люди в синих халатах, и что-то острое пронзает меня в руку, после чего я засыпаю.

Глава 49

Амелия

Такие слова, как шок, повреждение нервов и обширные травмы, кружатся вокруг пространства, в котором я лежу. Я вижу только темноту, ощущаю только мягкость и тепло кровати под собой, и я чувствовала себя в безопасности, поэтому я снова позволила себе задремать.

Когда я просыпаюсь во второй раз, что-то лежит на моей руке, и единственным звуком в комнате служит пищалка слева от меня.

Я пытаюсь пошевелить рукой, пытаюсь убрать то, что было на ней сверху.

Что-то двигается, и кто-то резко кричит: — Амелия?

Габриэль. Это был Габриэль. Я тянусь к нему, чувствуя, как трубки и провода удерживают меня. Подождите, моя нога была приподнята. Я изо всех сил пытаюсь что-то сделать, но потом он оказывается рядом со мной, его большие руки обхватывают мое лицо, его собственное было скрыто тенью, но он здесь, прямо, черт возьми, здесь.

— *Mondo mia*, — выдыхает он, прежде чем его рот оказывается на моем, целуя меня, мои щеки, мой подбородок. Влага стекает мне на кожу.

— Не плачь, — хриплю я, голос грубый после сна.

— Мне так жаль, Амелия. Мне так чертовски жаль.

— Это не твоя вина.

— Это моя вина. Я должен был догадаться. Я должен был встретиться с ним лицом к лицу, когда у меня возникли подозрения.

— Где Атлас? — спросила я.

— Он пьет кофе. И тоже не выходил отсюда с тех пор, как мы тебя привезли.

— Он убил Ашера, Габриэль, — шепчу я. — Ему очень больно.

— Я знаю, — он прижимается своим лбом к моему. — Я знаю.

— Как долго я здесь нахожусь?

— Четыре дня.

Мои глаза расширяются.

— Что?!

— Ты была ранена, Амелия, сильно.

— Прости, я не знала... — я замолкаю, не успев договорить.

— Ты что?! Какого хрена ты извиняешься?

— Ну, — пожимаю я плечами, морщась, когда чувствую, как сводит мышцы.

— Нет, Амелия, — вздыхает он. — Нет. Господи, я думал, что потерял тебя. Снова!

Я перебираю воспоминания, удары, которые я получила, порез от ножа на моей руке и... между ног. Моя лодыжка.

Я с трудом сглатываю.

Слегка шевелюсь и резко втягиваю воздух, чувствуя, насколько нежным и воспаленным было мое лоно.

Он ударил меня. Я чувствовала, как что-то вытекало из меня.

Я стискиваю зубы, когда на меня накатывает рой воспоминаний. Боль и кровь.

— Ты в порядке, — успокаивает Габриэль. — Ты в порядке. Я здесь.

— Что он сделал? — спросила я.

— У тебя сломана лодыжка, — сглатывает Габриэль. — В двух местах. И сломана скула. На твоей руке нужно было наложить швы, — он отступает, отдаляясь от меня, пока осматривает мое тело. — Синяки, порезы, но... — я крепко зажмуриваю глаза. — Он ударил тебя, и удар, из-за колец, которые он носил, нанес тебе довольно глубокие раны. Врачи все исправили, и я не думаю, что будет повреждение нервов, но ты потеряла много крови.

Теперь он полностью отошел, его лицо нахмурилось.

— Габриэль?

Я никогда не видела этого человека таким неуверенным.

— Он хотел заставить меня страдать, — бормочет Габриэль, кивая. — Он использовал тебя. Причинил тебе боль.

— Пожалуйста, не надо... — я вздыхаю, зная, куда клонились его мысли, что он был готов сделать.

Его взгляд прикован к моему.

— Амелия, это случилось из-за меня. Это может случиться снова, за исключением того, что в следующий раз они могут убить тебя. Изнасиловать тебя.

Я качаю головой.

— Это все равно могло бы случиться, Габриэль.

— Нет. Нет, этого бы не случилось, если бы я с самого начала не взял тебя с собой.

— Линкольн в безопасности?

— Моя мама вывезла его за город на несколько дней, сейчас они в “Disneyland” с телохранителем моей матери.

— Хорошо. Это хорошо.

Между нами воцаряется тишина, и я чувствую, как мое сердце разрывается в груди. Я позволила этому случиться, позволила себе почувствовать боль.

— Габриэль, — умоляю я. — Пожалуйста.

— Я не могу сделать это снова, Амелия. Я не смогу смотреть, как это снова случится с тобой. Это был бы лучший вариант.

— Ты не оставишь меня! — кричу я сквозь слезы. — Не оставишь!

— Ты думаешь, я этого хочу?!

— Я не знаю, Габриэль, — огрызаюсь я. — Похоже, ты убегаешь.

— Это не так! — он рычит. — Не так, как ты думаешь!

— Ты хотел меня, Габриэль. Ты сказал мне, что любишь меня, — я чувствую вкус своих слез на губах. — Но ты убегаешь. Это твоя жизнь, Габриэль, и это небезопасно, но ты хотел меня, и что теперь? Уже не хочешь?

— Нет, детка, нет, — он бросается вперед, хватая меня за лицо. — Я не смогу смириться с тем, что тебе снова причинят боль. Я слышал, как ты кричала, Амелия, и я ничего не мог поделать.

— Я думала, мы умрем, — тихо шепчу я, прижимаясь к его руке. — И знаешь, что я подумала?

— Что?

— Что если это произойдет снова, то это не так уж и плохо. Это было ужасно, и мне понадобится помощь, но несмотря на все, что он сделал, я продолжаю любить тебя. У меня все равно был бы ты. И если бы я умерла, то у меня не было бы ни одного момента в наших отношениях, о котором я бы пожалела.

— Амелия...

— Я бы сделала это снова.

— Я люблю тебя, *dio* (прим. пер. — господи), я бы сжег этот гребаный мир ради тебя!

— Тогда не оставляй меня, Габриэль, пожалуйста.

Его лоб опускается к моему, и он вздыхает.

— Ты моя жена, *amore mia*, — говорит он мне. — Я не вынесу, если потеряю тебя

— Тогда не надо, Габриэль, — мои пальцы впиваются в лацканы его пиджака. — Тогда не надо.

Он нежно целует меня.

Меня выписывают через три дня.

Габриэль толкает инвалидное кресло, в то время как Энцо и Девон стоят по бокам от меня, их позы излучают эту угрожающую ауру, которая держала людей на расстоянии.

Целых три дня Габриэль оставался со мной. Появился Девон, объясняя все: переломы моей лодыжки и скулы, как будет проходить процесс заживления, но когда дело дошло до того, как это произошло, атмосфера в комнате менялась.

В нем было столько агрессии, что я чувствовала ее каждой частичкой. Девон говорил сквозь стиснутые зубы и едва сдерживал гнев из-за того, что со мной сделали. Ожидалось, что я полностью поправлюсь, поскольку хирурги, специализирующиеся на реконструктивной хирургии интимных зон, были известны своими успехами в лечении травм.

У меня все болело, и ходить в ванную было неудобно, но я буду жить.

Габриэль убрал оба тела из дома, а само здание было прибрано за то время, пока я была в больнице. Завтра у Лукаса будет церемония похорон, и, хотя Ашер не заслуживает на это, Габриэль выделил ему участок на семейном кладбище ради Атласа.

Когда мы добираемся до работающего на холостом ходу внедорожника у входа в больницу, Габриэль помогает мне забраться на заднее сиденье, протягивая костыли, которыми я буду пользоваться по крайней мере следующие шесть недель, а затем забирается рядом со мной, Девон и Энцо садится спереди.

Это была тихая поездка, но спокойная. Я записалась на прием к психотерапевту, чтобы справиться с травмой, поскольку не хотела сама проходить через то, что у меня было раньше, и оставлять это до тех пор, пока не сойду с ума. Я собиралась работать над этим сейчас.

Габриэль больше не упоминал о своих мыслях оставить меня, а Камилла собиралась завтра привезти Линкольна домой.

Я устала. Мне было больно.

Но со мной все было в порядке.

Габриэль был в порядке.

У дома я беру предложенные костыли, перекидываю через них руки и берусь за ручки, выбираясь из машины. У меня была сумка с лекарствами и несколько брошюр, которые я, вероятно, не буду читать, чтобы облегчить мою адаптацию.

Но я остановилась, оглянулась на вид океана за скалами, а затем на здание, и впервые за очень долгое время почувствовала, что я дома.

Глава 50

Габриэль

Я покачиваю головой вперед и назад, глядя на ряд мужчин передо мной.

А после останавливаюсь перед одним из них, наклоняю голову, чтобы оказаться на уровне его глаз, и беру его за подбородок.

— Я оплатил обучение в колледже твоих сестер, когда ты только пришел ко мне.

— Простите, — пролепетала он.

Я убираю руку и перехожу к следующему, потом к следующему, останавливаюсь еще раз, прежде чем насмешливо спросить.

— Как твоя мать, Тони?

— Н-нормально.

— Лекарства все еще помогают?

— Да, сэр.

— А долг за медицинские услуги?

— Исчез, сэр.

— Правильно, — киваю я. — Потому что я заплатил его за тебя.

— Сэр, вы должны понять...

— Ты предал меня. Мое доверие, мою семью, мою жену. И меня.

— Это была ошибка.

— Ошибки смертельно опасны в этой жизни, Тони.

Я отступаю назад, глядя на темную воду у причала. Где-то далеко раздается гудок судна, заглушаемый потемневшим небом и дождем, который льется на нас.

— Приготовиться, — приказываю я.

Каждый из моих мужчин поднимает оружие, целясь в предателей. По одному человеку на каждого.

Предохранители щелкают в унисон.

— Огонь.

Раздается хор выстрелов, все они сливаются в один громкий гул, который эхом разносится по площади с контейнерами, а затем тела падают на пол.

Это был еще не конец.

Тэллон обнаружил несколько утечек в моей организации, присылал мне изображение за изображением, доказательство за доказательством каждого человека, выступившего против меня и моей жены. Он взломал все системы, которые смог найти, получил все изображения, документы и кадры, которые могли предоставить мне его навыки. И теперь у него была постоянная работа в моих рядах и стабильные деньги, чтобы дать своей семье больше.

Он держал все в секрете, как я и просил. Он шел по следу и вынюхивал тех, кто предал. Если бы он появился на день раньше, я бы узнал, что это Ашер, задолго до того, как он успел нанести удар.

Я часто думал об этом. Кровь на ее хрупком теле, крики боли. Это толкало меня вперед, заставляло жаждать мести за нее.

Тела сбрасывают в воду, к лодыжкам привязывают бетонные блоки.

Это продолжалось уже шесть недель. Все они начали бежать, когда поняли, что проиграли, даже те, кто не входил в мою организацию. Теперь их оставалось очень мало. Мне потребуется много времени, чтобы окончательно убить их всех.

— Я иду домой к своей жене, — заявляю я.

Никто меня не останавливает, и в следующее мгновение я уже мчусь по дороге к своему дому, где меня ждет Амелия. Было уже поздно, она могла спать, но это было не страшно.

Она пережила недели кошмаров, слез и боли, и я был просто счастлив видеть ее в нашей постели, живую и невредимую.

Я заглушил двигатель у входа и направился внутрь, Кольт встретил меня у входной двери. Он кивает и ухмыляется, теперь он снова стал постоянным телохранителем Амелии.

Энцо был хорош, но он не создан для того, чтобы заботиться только об одном человеке.

Я беру на кухне бутылку вина и два бокала, на всякий случай, и поднимаюсь, обнаружив, что моя кровать пуста.

Но не комната.

Амелия стоит у стены с окнами, с одного плеча у нее свисает халатик. Материал был достаточно прозрачным, чтобы под ним виднелось обнаженное тело.

У меня пересохло во рту от этого зрелища, и я посмотрел на ее отражение в стекле, несколько искаженное, но от этого не менее восхитительное.

Она передернула плечами, увидев, что я вошел в комнату, и позволила другой части халата соскользнуть с ее плеча, обнажив голую спину, а затем опустила руки, и материал полетел на пол.

— *Mondo mia*, — вздыхаю я.

— Муж.

Мой член дергается.

Я пожираю глазами ее тело, ее изгибы, все ее шрамы, эту идеально пухлую попку и длинные ноги, ее лодыжку теперь без гипса. Кость все еще не восстановилась поэтому она не нагружала ногу, я видел это по ее стойке сейчас. К тому же она поправилась в паховой зоне, но я не знал, восстановились ли ее нервы. Я не знал, может ли она по-прежнему чувствовать меня.

Я сглотнул, сожаление все еще пылало внутри меня.

— Все в порядке, — говорит она, почувствовав напряжение. — Давай я тебе покажу.

Она поворачивается ко мне, обнажая себя. Ее кожа блестела в слабом освещении комнаты, и она улыбнулась мне, глаза блестели с озорством, которого я не видел в ней раньше. Она направилась к кровати, забралась на матрас, а я остался неподвижен.

Я наблюдал за тем, как она раздвигает ноги, показывая мне нежно-розовый центр, затем она протягивает руку между бедер, ее пальцы раздвигают складочки и опускаются вниз, обводя вход.

— Я думала о тебе, — вздохнула она.

— Когда?

— Когда я трогала себя сегодня. Я думала о той ночи после казино. О том, что ты сделал. Что я чувствовала.

Мои пальцы сжались на бутылке в моей руке.

Она играет с собой, проводит пальцами по своей киске, затем останавливается на клиторе, голова откидывается назад, когда она слегка надавливает на него, с губ срывается вздох.

— Я вспомнила вкус виски из твоего рта, — шепчет она, задыхаясь, прежде чем протянуть руку и взять вибратор с тумбы, которого я раньше не заметил. Она включает его и прижимает к себе, застонав от первых ощущений.

— Амелия, — прорычал я.

— Габриэль.

Я быстрыми шагами пересекаю комнату, бросаю бутылку и бокалы на пол и забираюсь ей между ног.

— Позволь мне.

Она выключает игрушку и встречает мой взгляд, темный от вожделения.

— Я скучала по тебе, Габриэль.

Я зарываюсь лицом между ее ног, ощущая на языке ее пьянящий мускусный аромат.

— Блядь! — кричит она.

Я целую, сосу и лижу, пробуя на вкус каждый дюйм ее тела, проникая языком в нее, прежде чем подняться и провести им по ее клитору. Она бьется о мое лицо, ее возбуждение покрывает мой подбородок, мои губы, но я продолжаю.

Я ввожу в нее палец, тепло ее киски обволакивает его.

— Скажи мне, если это слишком.

— Габриэль, — рычит она. — *Трахни меня.*

— *Cazzo (прим. пер. — Черт).*

Я раздеваюсь так быстро, как только могу, приземляюсь между ее бедер, целую, давая ей попробовать себя, нежно прижимая свой ноющий член к ее тугому входу.

Она раздвигает ноги шире.

— Пожалуйста, — умоляет она.

— Я не хочу причинять тебе боль, — выдавливаю я.

— Ты не причинишь, — она вцепилась в мои плечи.

Я легко захожу в нее, стискивая зубы от ощущения ее киски, обхватывающей мой член, от того, как хорошо она принимает меня.

Я опускаю голову ей на плечо, стараясь выровнять дыхание, пока заполняю ее.

Она обхватывает меня ногами.

— Ты так хорошо ощущаешься внутри меня, Габриэль.

Я покачиваю бедрами.

— Я чертовски скучал по тебе.

— Я тоже, — тяжело дышит она, приподнимая бедра.

— Скажи мне, все нормально?

Она кивает.

Я выхожу из нее и снова захожу, медленно, уверенно, ее киска растягивается вокруг меня. Я наблюдаю за ее лицом, за тем, как удовольствие искажает ее черты, губы разошлись, глаза закрыты.

— Посмотри на меня, *moglie mia*, — приказываю я.

Ее голубые глаза распахиваются и находят мои.

— Я смотрю

— Открой, — приказываю я, беря ее за подбородок и удерживая ее голову в таком положении. Ее губы раздвигаются, и она показывает мне язык.

— Хорошая девочка, — облизываю я ее нижнюю губу, а затем откидываюсь назад и сплевываю на ее ждущий язык.

Она сглатывает, стонет, киска пульсирует вокруг моего твердого члена.

— Какая же ты, блядь, хорошая девочка, *amore mia*.

— Да, — она хнычет.

— Я знаю, что ты такая, — я откидываюсь назад. — Поэтому ты встанешь передо мной на колени.

Она немедленно подчиняется, отстраняясь от моего члена, чтобы иметь возможность повернуться. Я хватаю ее за бедро, слегка приподнимая, и дергаю ее вниз, мой член входит в нее. Она вскрикивает и тянется назад, чтобы вцепиться ногтями в мои бедра.

— Да, блядь, — стонет она.

Я протягиваю руку вокруг тела девушки, помедлив лишь на минуту, прежде чем она хватает ее и кладет на свой клитор.

— Вот так, — стонет она.

Она приподнимается и прижимается ко мне, груди подпрыгивают, дыхание вырывается из ее легких, когда я провожу пальцами по ее бутону.

— Я сейчас кончу, — говорит она мне.

Я резко подаюсь вперед, ударяя по этому сладкому месту. Я не собирался делать то, что, как я знал, заставит ее обливаться соками, но скоро, когда я буду уверен в ее выздоровлении. Я трахаю ее, зарываясь в нее, поклоняясь этому сладкому пучку нервов.

Она вскрикивает, когда ее киска начинает спазмировать, ее кульминация накатывает на нее. Я трахаю ее до самого пика, а затем с ревом кончаю, опустошая себя в нее, заполняя ее собой.

Обессиленный, я падаю рядом с ней, притягивая ее к себе.

— *Dio (прим. пер. — Господи)*, — задыхаюсь я. — Я люблю тебя, *mondo mia*.

Она смеется.

— Я тоже тебя люблю.

Я поворачиваю ее лицом к себе, убирая назад ее мокрые от пота волосы.

— Моя жена.

— Навсегда.

Я нежно целую ее.

— Я принес нам вина, — говорю я ей. — Ты хочешь пить?

Она ухмыляется, приподнимая бровь.

— Если ты не выплевываешь его в мой рот, — она проводит языком по нижней губе. —

Тогда мне это не нужно.

Эпилог

Амелия

Дом и сады кишели людьми, лица которых я узнавала, а некоторых не узнавала. Здесь были все официальные лица и все местные знаменитости.

Платье, идеально сшитое Сьеррой, казалось мне сном, и наконец-то у меня появилась возможность надеть его. Сьерра стала моей самой близкой подругой, и благодаря ее таланту и мастерству я чувствовала себя королевой в платье, которое создала я и она. Я видела ее сейчас, стоя у дверей внутреннего дворика и глядя в сад, который к вечеру преобразился: здесь были открытые бары, беседки, играла музыкальная группа, а за спиной открывался вид на вершину скалы.

Это была идея Габриэля. Он назвал это вторым приемом, поскольку наш первый закончился кровью и смертью.

Он подходит ко мне, обхватывает мою талию и притягивает к себе.

— Ты, *moglie mia*, просто сногшибательна.

Я смотрю на его черный смокинг, подогнанный по фигуре, и у меня перехватывает дыхание. Нам нужно было развлекать гостей и вести беседы, говорю я себе. Я не могла стоять здесь и представлять, как мой смертоносный муж, обнаженный и твердый, входит в меня, а я кричу, снова и снова...

— Ц, ц, Амелия, — целует он меня в висок. — Не отвлекайся на эти грязные мысли. Я хочу поиграть немного позже, — а потом он уходит, оставляя меня с ухмылкой на лице.

Я качаю головой и нахожу Сьерру, которая берет напитки для нас обоих у сервера, бродящего вокруг с подносом шампанского.

— Ты так хорошо выглядишь, — улыбается она мне, касаясь моей руки. — Просто шикарно.

Это было больше, чем платье. Больше, чем макияж и прическа. Я была счастлива.

Я закрываю глаза от слез.

— Спасибо.

— Линкольн!

Я поворачиваю голову и вижу, что Камилла и Энцо бегут за моим сыном, который пробирается сквозь толпу в маленьком костюмчике. Я смеюсь, когда он устремляется ко мне, на его лице появляется огромная пухлая улыбка. Я поднимаю его с земли и прижимаю к груди.

— Мой мальчик, — шепчу я. — Я люблю тебя.

— Мамочка, — лепечет он.

Я целую его в щеку, но он не перестает извиваться, и я опускаю его на землю.

— Он со мной, — радуется Камилла, целуя меня. — Мне не хватало этого.

Я смеюсь.

— Спасибо.

— Всегда, — улыбается она мне, а затем снова бежит за моим сыном, ее смех заразителен.

Энцо ворчит на меня, заслуживая одобрительный взгляд Сиерры, а затем тоже целует меня в щеку и исчезает.

Группа переходит на более медленную песню.

— Потанцуешь со мной? — голос принадлежит не Габриэлю.

— Атлас, — задыхаюсь я.

Он наклоняет голову, говоря: —Амелия.

Я беру его за руку, слишком ошеломленная, чтобы сделать что-то еще, пока он ведет нас на танцпол. Это было нежно и вежливо: одна рука на моей талии, другая — на моей, и он медленно двигает нас в такт музыке.

Я смотрю в глаза, в которых все еще плещется боль.

— Прости меня, Атлас, — шепчу я.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я киваю.

— Да.

— Тогда мне не жаль, Амелия. Я скучаю по своему брату. Я ненавижу себя. Но мне не жаль.

— Атлас...

— Все в порядке.

Несколько минут мы танцуем в тишине.

— Почему ты это сделал?

Атлас вздыхает.

— Я ненавижу то, что меня заставили это сделать. Ненавижу. Я потерял мать и все, что знал. Но Габриэль был добр к нам, когда мы росли, относился к нам как к родным. Существовали правила и традиции, которые должны были остановить его, но он не послушал, и когда он сменил Лукаса, он сделал нас важными фигурами в наших кругах, чего раньше не было. Я уважал его и знал, что он смотрит на нас как на чистых братьев, а не как на сводных.

— Габриэль действительно любит тебя.

— По-своему. Ашер этого не видел. Он видел то, что было отнято, а не то, что было приобретено. Наша мать не хотела нас видеть.

— Мне жаль.

Он улыбается мне.

— Я знаю, что тебе жаль Амелия, — кивает он. — Но он не видел того, что видел я. Я знал, что он идет не по той дороге, но не знал, насколько. Я был зол на Габриэля и на эту семью. На напряжение и нелепые правила, но это была семья. Я бы никогда не отвернулась от нее. Если бы я знал, что Ашер делает то, что делает, я бы что-нибудь предпринял.

— Я тебе верю.

— Я скучаю по нему, — я сглатываю, глаза щиплет. — Но то, что он сделал, непростительно. Даже если это не было бы против нашего родного брата, то, что он сделал с тобой... — его слова обрываются, и он опускает голову.

— Атлас, — я заставляю его посмотреть на себя. — Со мной все в порядке. Я обещаю.

Все кончено

— Мне больно, Амелия.

Мое сердце разбивается, разрывается на части, и я понимаю, что никогда не забуду того, что он сделал. Я сжимаю его руку, которая держит мою.

— Я повторю это еще раз, Атлас, спасибо тебе. Я не отмахиваюсь от того, что было сделано, чтобы мы оказались здесь, но я благодарю тебя за то, что ты спас его жизнь. Мою жизнь.

— Ты любишь его.

— Да

— Ты станешь той переменной, которая нам нужна, — он улыбается, но улыбка не светлая и не теплая, а принимающая.

— Могу я забрать свою жену? — голос Габриэля пробивается сквозь нас.

Атлас улыбается.

— Конечно.

Габриэль

Я забираю из рук брата, наблюдая за ними несколько минут. За последние недели между ними завязалась дружба, странная, понимающая дружба, в которой, как я знал, они оба нуждались.

Но мне нужна была моя жена, в этом красивом платье, с улыбкой, обращенной ко мне.

Я приглашаю ее на танец, и она откидывает голову назад, смеясь, когда я перемещаю нас по танцплощадке.

— Ты просто сногшибательна, Амелия.

Ее щеки краснеют.

— Спасибо.

Я наклоняю голову и целую ее шею, когда она поворачивает лицо к моему уху.

— На мне нет нижнего белья.

Я замираю, мгновенно становясь твердым.

— Что?

— Я голая под этим платьем, Габриэль.

Из моего горла вырывается низкий рык.

— Мой брат только что танцевал с тобой, — я выдавливаю из себя. — И под этим платьем на тебе ничего нет?

— Нет, — говорит она.

— Амелия!

— Да, муж? — она мило улыбается мне.

— У тебя есть пять минут, — она поднимает бровь. — Тащи свою задницу в мой кабинет. Снимай платье и жди в моем кресле.

— Или что?

— Ты хочешь это узнать?

Она вырывается из моей хватки, улыбаясь.

— Может быть.

Но она направляется в сторону дома, бросив на меня взгляд через плечо.

Я жду пять минут, которые дал ей, и следую за ней.

Когда я захожу в свой кабинет и закрываю за собой дверь, она оказывается именно там, где я ей сказал, великолепно обнаженная, если не считать туфель на каблуках, которые стоят на моем столе.

Я сбрасываю пиджак, ослабляю галстук, пока иду к ней, а затем перекрываю возможность встать с кресла, облокачиваясь руками по обе стороны.

В моей груди было так тесно, так много эмоций и тепла. Я чувствовал к этой женщине все. Все, о чем никогда не думал.

Но я знал, что нравится моей жене, поэтому я наклонил голову к ее губам, целуя ее, прежде чем оторваться и опустить глаза, осматривая ее обнаженное тело.

— А теперь скажи мне, — шепчу я. — Сегодня ты хочешь быть моей шлюхой или женой?

Конец.

Заметки

[
←1
]
Лесной орех — это соединение карего и зеленого цветов.

[
←2
]
Ситком — комедийный сериал.

[
←3
]
Континентальный завтрак — самый легкий завтрак, включает в себя кофе или чай, свежую выпечку, масло, джем, мед.

[
←4
]
Камисоль — предмет женского нижнего белья, представляющий собой короткий топ на бретельках.

[
←5
]
Этюдник — переносное приспособление для занятий живописью.